

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)**

БЛИЖНИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ВОСТОК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит 4 раза в год

**№ 4 (12)
2025**

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакция

Аватков В.А. – главный редактор, д-р полит. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ

Крылов Д.С. – заместитель главного редактора, канд. полит. наук, ИНИОН РАН, Москва, РФ

Гузаеров Р.И. – заместитель главного редактора, ИНИОН РАН, Москва, РФ

Редакционная коллегия

Андропова И.В. – д-р экон. наук, РУДН, Москва, РФ

Асанканов А.А. – д-р ист. наук, академик НАН КР, Бишкек, Киргизская Республика

Воробьев С.В. – д-р ист. наук, ДА МИД РФ, Москва, РФ

Долгов Б.В. – д-р ист. наук, ИВ РАН, Москва, РФ

Ирхин А.А. – д-р полит. наук, Севастопольский государственный университет, Севастополь, РФ

Каширина Т.В. – д-р ист. наук, МГЛУ, Москва, РФ

Койчуманова Ч.У. – д-р ист. наук, член-корреспондент НАН КР, Бишкек, Киргизская Республика

Курылёв К.П. – д-р ист. наук, РУДН, Москва, РФ

Лункин Р.Н. – д-р полит. наук, ИЕ РАН, Москва, РФ

Макаров О.С. – д-р юрид. наук, Белорусский институт стратегических исследований, Минск, Республика Беларусь

Мальшева Д.Б. – д-р полит. наук, ИМЭМО РАН, Москва, РФ

Мигранян А.А. – д-р экон. наук, ИЭ РАН, Москва, РФ

Панин В.Н. – д-р полит. наук, Институт международных отношений Пятигорского государственного университета, Пятигорск, РФ

Пономарева Е.Г. – д-р полит. наук, МГИМО МИД России, Москва, РФ

Сафрастьян Р.А. – д-р ист. наук, ИВ НАН РА, Ереван, Республика Армения

Сейдуманов С.Т. – д-р социол. наук, академик НАН РК, Алматы, Республика Казахстан

Феофанов К.А. – д-р полит. наук, ДА МИД РФ, Москва, РФ

Штоль В.В. – д-р полит. наук, ДА МИД РФ, Москва, РФ

Журнал «Ближний и Постсоветский Восток» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-85544 от 27 июня 2023 г.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.00

ISSN 2949-2408

© ИНИОН РАН, 2025

**INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION
FOR SOCIAL SCIENCES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

MIDDLE & POST-SOVIET EAST

ACADEMIC JOURNAL

4 issues per year

**N 4 (12)
2025**

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorials

Vladimir A. Avatkov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Danila S. Krylov – Deputy Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Razil I. Guzaerov – Deputy Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial board

Inna V. Andronova – RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abylabek A. Asankanov – Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic

Sergey V. Vorobyov – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Boris V. Dolgov – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexander A. Irkhin – Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Tatiana V. Kashirina – Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

Cholpon U. Koichumanova – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic

Konstantin P. Kurylev – RUDN University, Moscow, Russian Federation

Roman N. Lunkin – Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Oleg S. Makarov – Belarusian Institute for Strategic Studies, Minsk, Republic of Belarus

Dina B. Malysheva – IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Aza A. Migranyan – Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Viktor N. Panin – Institute of International Relations, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation

Elena G. Ponomareva – MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Ruben A. Safrastyan – Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Republic of Armenia

Serik T. Seidumanov – Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

Konstantin A. Feofanov – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir V. Shtol – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

The journal is registered by the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media, certificate: III № ФС 77-85544.

Opinions of the authors may not coincide with ideas of editorial.

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.00

ISSN 2949-2408

© INION RAN, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Рыхтик М.И., Сайяран С. От идеологии к прагматизму: эволюция стратегии Саудовской Аравии в сирийском конфликте (2011–2024)	7
Феофанов К.А. Теоретико-методологические аспекты исследования межкультурных конфликтов	24
Андрианова Р.А. Семьи трудовых инокультурных мигрантов с детьми как специфичная группа социального риска	40
Блудова С.Н., Мартынова Т.К. Роль таможенного регулирования в функционировании транспортных коридоров ЕАЭС	61
Крылов Д.С., Чинюк А.Г. Сирийский конфликт как «шахматная доска» турецкой внешней политики	73
Полищук А.И., Соболева А.С. Страны Центральной Азии в поисках культурного кода	84
Проников А.Н., Ревенский Н.С., Шаповал Д.М. Участие СССР в миротворческой деятельности ООН на Ближнем Востоке в контексте международной политики времен Холодной войны	107
Гузаеров Р.И., Мелихов Г.М. Использование криптовалют в Турции: эволюция и актуальное состояние	121
Щербаков И.М. Неосманистские цивилизационные основания гуманитарной политики и культурно-религиозной дипломатии Турции в первой четверти XXI в.	137
Губенкова А.К., Разаков Р.Ш. Механизмы реализации «мягкой силы» через лайфстайл-бренды поколения Z: опыт российско-эмиратского взаимодействия	153
Червяков И.И. Сафи С. Геополитика прогресса – еще одно введение в будущее Большого Магриба (рецензия)	167

CONTENT

Rykhtik M.I., Sayyaran S. From Ideology to Pragmatism: Evolution of Saudi Arabia’s Strategy in Syrian Conflict (2011–2024)	7
Feofanov K.A. Theoretical and Methodological Aspects of Research of Intercivilizational Conflicts	24
Andrianova R.A. Families of Foreign Labor Migrants with Children as Specific Group at Social Risk	40
Bludova S.N., Martynova T.K. Role of Customs Regulation in Functioning of EAEU Transport Corridors	61
Krylov D.S., Chiniuk A.G. Syrian Conflict as “Chessboard” of Turkish Foreign Policy	73
Polishchuk A.I., Soboleva A.S. Central Asian Countries in Search of Cultural Code	84
Pronikov A.N., Revensky N.S., Shapoval D.M. Soviet Participation in UN Peacekeeping in Middle East in Context of Cold War International Politics	107
Guzaerov R.I., Melikhov G.M. The Use of Cryptocurrencies in Turkey: Evolution and Current State	121
Shcherbakov I.M. Neo-Ottomanist Civilizational Foundations of Humanitarian Policy and Cultural and Religious Diplomacy of Türkiye in First Quarter of 21st Century	137
Gubenkova A.K., Razakov R.S. Mechanisms of Soft Power Implementation Through Generation Z Lifestyle Brands: Russian Emirati Experience	153
Chervyakov I.I. Safi S. The Geopolitics of Progress – Another Introduction to the Future of the Greater Maghreb (Review)	167

**ОТ ИДЕОЛОГИИ К ПРАГМАТИЗМУ: ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИИ
САУДОВСКОЙ АРАВИИ В СИРИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ
(2011–2024)**

РЫХТИК Михаил Иванович

доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии
Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

E-mail: rykhtik_mi@pfur.ru

SPIN-код: 2334-6691

ORCID: 0000-0003-2325-1235

САЙЯРАН Собхан

аспирант кафедры сравнительной политологии

Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

E-mail: ssayyaran@mail.ru

ORCID: 0009-0009-8815-1519

Для цитирования: *Рыхтик М.И., Сайяран С.* От идеологии к прагматизму: эволюция стратегии Саудовской Аравии в сирийском конфликте (2011–2024) // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 4(12). – С. 7–23. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.01.

Аннотация. Настоящая статья анализирует эволюцию внешней политики Саудовской Аравии в сирийском конфликте (2011–2024), фокусируясь на трансформации саудовской стратегии от поддержки сирийской оппозиции к ориентации на политическое урегулирование. Исследование направлено на конкретизацию роли ключевых внутренних факторов, в частности динамики идентичности, идеологии и смены руководства, а также влияния внешних детерминант, таких как изменение регионального баланса сил и конкуренция с Ираном, на формирование саудовских внешнеполитических приоритетов. Применяя интегративный теоретический подход, сочетающий неореалистический анализ регионального баланса сил и конструктивистскую оптику для осмысления роли идентичности и внутренних трансформаций, авторы прослеживают смену парадигмы саудовской политики. Выявлено, что первоначальная идеологическая ориентация на поддержку оппозиции сменилась более прагматичным курсом, обусловленным необходимостью адаптации к меняющемуся геополитическому ландшафту и переосмыслением национальных интересов в контексте усиления иранского влияния и

внутренних трансформаций, связанных с приходом к власти Мухаммеда бин Салмана. Исследование демонстрирует, как смена стратегического курса Саудовской Аравии в Сирии отражает стремление к большей гибкости и прагматизму в условиях трансформирующихся ближневосточных реалий.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, внешняя политика, региональный баланс сил, сирийский конфликт, идентичность.

From Ideology to Pragmatism: Evolution of Saudi Arabia's Strategy in Syrian Conflict (2011–2024)

Mikhail I. RYKHTIK

DSc in Political Science, Professor of the Department of Comparative Political Science, Peoples' Friendship University of Russia Named After P. Lumumba

E-mail: rykhtik_mi@pfur.ru

SPIN-code: 2334-6691

ORCID: 0000-0003-2325-1235

Sobhan SAYYARAN

Postgraduate Student in the Department of Comparative Political Science, Peoples' Friendship University of Russia Named After P. Lumumba

E-mail: ssayyaran@mail.ru

ORCID: 0009-0009-8815-1519

For citation: Rykhtik M.I., Sayyaran S. (2025). From Ideology to Pragmatism: Evolution of Saudi Arabia's Strategy in Syrian Conflict (2011–2024). *Middle & Post-Soviet East*, no. 4 (12), pp. 7–23. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.01.

Abstract. This article analyzes the evolution of Saudi Arabia's foreign policy in the Syrian conflict (2011–2024), focusing on the transformation of Saudi strategy from support for the Syrian opposition to a focus on political settlement. The study aims to clarify the role of key domestic factors, particularly identity dynamics, ideology, and leadership transitions, as well as the influence of external determinants, such as the changing regional balance of power and competition with Iran, on the formation of Saudi foreign policy priorities. Applying an integrative theoretical approach that combines neorealist analysis of the regional balance of power and a constructivist lens to understand the role of identity and domestic transformations, the authors trace the paradigm shift in Saudi Arabian policy. The study found that the initial ideological focus on supporting the opposition has given way to a more pragmatic approach, driven by the need to adapt to the changing geopolitical landscape and a rethinking of national interests in the context of growing Iranian influence and the internal transformations associated with the rise of Mohammed bin Salman. The study demonstrates how Saudi Arabia's shift in strategic direction in Syria reflects a desire for greater flexibility and pragmatism in the face of the evolving realities of the Middle East.

Keywords: Saudi Arabia, foreign policy, regional balance of power, Syrian conflict, identity.

Гражданская война в Сирии, начавшаяся в 2011 г., оказала существенное влияние на баланс сил в регионе и привела к обострению регионального соперничества. Для Саудовской Аравии, традиционно считающейся главным региональным соперником Ирана, ключевой задачей стало ограничение иранского влияния в Сирии. Поддержка сирийской оппозиции рассматривалась как один из инструментов для достижения этой цели. В статье выявляются ключевые внешние и внутренние факторы, влияющие на политику Саудовской Аравии в Сирии. Неореалистический подход дает возможность анализировать рассматривать действия Саудовской Аравии в контексте сохранения регионального баланса сил и силового противодействия региональным амбициям Ирана. Конструктивистский подход, в свою очередь, обеспечивает понимание формирования внешнеполитических приоритетов саудовского руководства через призму идентичности, идеологии и социальных норм. Особое внимание уделяется анализу влияния прихода к власти Мухаммеда бин Салмана в 2015 г. и усиления его личной власти в процессе принятия внешнеполитических решений. Наш вывод, стратегия Саудовской Аравии в Сирии претерпела изменения под воздействием внешних и внутренних факторов, что отражает стремление к большему прагматизму, гибкости и адаптации к меняющимся геополитическим реалиям на Ближнем Востоке.

Методология базируется на интеграции теоретических подходов и эмпирического анализа. При формировании универсальных теорий недооценивается важность теоретического осмысления ближневосточных кейсов и игнорируется региональная специфика^{1, 2, 3, 4, 5}. Необходимо учитывать религиозный фактор^{6, 7} и расширять аналитическую рамку за счет учета региональных особенностей Ближнего Востока, игнорируемых клас-

¹ Darwich M., Kaarbo J. IR in the Middle East: Foreign Policy Analysis in Theoretical Approaches // *International Relations*. – 2019. – № 34. – P. 236. – DOI: 10.1177/0047117819870238.

² Bilgin P. One model of engagement between MES and IR: Inquiring into others' conceptions of "security" // *IR Theory and a New Middle East*. – 2016. – № 16. – P. 8. – DOI: 10.1080/21624887.2018.1522174.

³ Valbjørn M. International relations theory and the new Middle East: three levels of a debate // *IR Theory and a New Middle East*. – 2015. – № 16. – P. 76. – URL: https://pomeps.org/wp-content/uploads/2015/09/POMEPS_Studies_16_IR_Web1.pdf (дата обращения: 20.07.2025).

⁴ Lynch M., Ryan C.R. The Arab Uprisings and International Relations Theory // *Political Science & Politics*. – 2017. – № 50. – P. 644. – DOI: 10.1017/S1049096517000300.

⁵ Costantini I., Santini R. Relations, Waiting for IR Godot? In search of transformative encounters between Middle Eastern Studies and International // *Italian Political Science Review*. – 2021. – № 52. – P. 210. – DOI: 10.1017/ipo.2021.48.

⁶ Solarz A.M. Religion and International Relations in the Middle East as a Challenge for International Relations (IR) Studies // *Religions*. – 2020. – № 11. – P. 150. – DOI: 10.3390/rel11030150.

⁷ Gregory Gause I.F. Systemic Approaches to Middle East International Relations // *International Studies Review*. – 2002. – № 1. – P. 14.

сическими теориями международных отношений⁸. Для анализа структуры международной системы, баланса сил, и стремления государств к безопасности и выживанию используется неореалистическая перспектива⁹. Она позволяет понять мотивы саудовской политики, включая сдерживание Ирана и защиту интересов в меняющемся мировом порядке. Концепции баланса сил¹⁰ и дилеммы безопасности¹¹ применены для анализа действий Саудовской Аравии в Сирии.

Действия Эр-Рияда на начальном этапе конфликта (поддержка сирийской оппозиции) были направлены на сдерживание Ирана как регионального соперника. Адаптация саудовских приоритетов к меняющимся геополитическим реалиям отражена в последующем сокращении поддержки оппозиции и переходе к дипломатическим контактам, что свидетельствует о приспособлении к трансформирующемуся балансу сил и обеспечении национальных интересов.

Фаза 1 (2011–2014) – первоначальный этап: сдерживание Ирана и дилемма безопасности

В начальный период сирийского конфликта (2011–2014) внешняя политика Саудовской Аравии была продиктована стремлением к сдерживанию иранского регионального влияния¹². Учитывая стратегическое партнерство Сирии с Ираном, поддержка Эр-Риядом оппозиции и усилия по ослаблению режима Башара Асада прямо служили целям сохранения регионального баланса сил¹³. Саудовская Аравия реализовала эту стратегию через политическую поддержку сирийской оппозиции на международной арене, включая осуждение режима Асада и призывы к его отставке¹⁴.

⁸ Valbjørn M. Strategies for Reviving the International Relations/Middle East Nexus after the Arab Uprisings // *Political Science & Politics*. – 2017. – № 50. – P. 649. – DOI: 10.1017/S1049096517000312.

⁹ Waltz K.N. *Theory of International Politics*. – Harborside, Maine: Addison-Wesley, 1979. – 251 p.

¹⁰ Mearsheimer J. *The tragedy of great power politics*. – New York: Norton & Company, 2001. – 555 p.

¹¹ Herz J.H. *Idealist Internationalism and the Security Dilemma* // *World Politics*. – 1950. – P. 172. – DOI: 10.2307/2009187.

¹² Ibish H. *What's at Stake for the Gulf Arab States in Syria* // Arab Gulf States Institute in Washington. – 30.06.2016. – URL: <https://agsi.org/analysis/whats-at-stake-for-the-gulf-arab-states-in-syria/> (дата обращения: 20.07.2025).

¹³ Grumet T.R. *New Middle East Cold War: Saudi Arabia and Iran's Rivalry* // University of Denver. – 2015. – URL: <https://digitalcommons.du.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=2027&context=etd> (дата обращения: 20.07.2025).

¹⁴ Mac Farquhar N.B. *Isolating Syria, Arab League Imposes Broad Sanctions* // *New York Times*. – 27.11.2011. – URL: <https://www.nytimes.com/2011/11/28/world/middleeast/arab-league-prepares-to-vote-on-syrian-sanctions.html> (дата обращения: 20.07.2025).

Параллельно проводилась работа по изоляции правительства Б. Асада через многосторонние институты, в частности ЛАГ и ООН¹⁵. Однако политика КСА не отличалась высокой последовательностью. Мотивация защиты суннитского населения от режима вступала в противоречие с дилеммой безопасности^{16, 17}, порожденной усилением экстремистских группировок и общей дестабилизацией. Эта дихотомия, основанная на ограниченности внешнеполитических возможностей, предопределила последующую эволюцию стратегии КСА в Сирии.

Фаза 2 (2014–2017): Прагматическая переориентация: борьба с ИГИЛ* и ограниченное вмешательство

С 2014 г., на фоне усиления Исламского государства (ИГ) (террористическая организация, запрещенная в РФ), внешняя политика Саудовской Аравии в Сирии продемонстрировала эволюцию к прагматизму¹⁸. Наблюдалось противоречие между официальной риторикой о необходимости политического урегулирования и продолжающейся поддержкой повстанческих группировок, включая поставки вооружения¹⁹, что отражает множественность целей в условиях динамичной региональной обстановки. На фоне сокращения военного присутствия США действия КСА были нацелены на укрепление региональных позиций и нейтрализацию угроз со стороны ИГ*²⁰.

Пересмотр стратегии королем Салманом, спровоцированный нарастающей иранской экспансией и йеменским конфликтом, активизировал региональные инициативы Эр-Рияда по консолидации суннитской коалиции. Этот шаг совпал с отступлением Вашингтона от прямого региональ-

¹⁵ Mac Farquhar N.B. Isolating Syria, Arab League Imposes Broad Sanctions // New York Times. – 27.11.2011. – URL: <https://www.nytimes.com/2011/11/28/world/middleeast/arab-league-prepares-to-vote-on-syrian-sanctions.html> (дата обращения: 20.07.2025).

¹⁶ Saudi delegation pulls out of “Friends of Syrian People” in Tunis citing “inactivity” // Al Arabiya. – 24.02.2012. – URL: <https://english.alarabiya.net/articles/2012/02/24/196751.html> (дата обращения: 20.07.2025).

¹⁷ Saudi Arabia and Qatar funding Syrian rebels // Reuters. – 23.06.2012. – URL: <https://www.reuters.com/article/world/saudi-arabia-and-qatar-funding-syrian-rebels-idUSBRE85M078/> (дата обращения: 20.07.2025).

¹⁸ Saudi, Russia signs nuclear deal // Al Arabiya – 18.06.2015. – URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2015/06/18/Saudi-deputy-crown-prince-meets-Putin-in-Russia> (дата обращения: 20.07.2025).

¹⁹ Shafy S., Zand B. Interview with Saudi Foreign Minister Adel al Jubeir on Syrian War // Der Spiegel. – 19.02.2016. – URL: <https://www.spiegel.de/international/world/interview-with-saudi-foreign-minister-adel-aljubeir-on-syrian-war-a-1078337.html> (дата обращения: 20.07.2025).

²⁰ Fahmy T. Objectives and orientations of the Islamic military alliance // Al Ain. – 29.11.2017. – URL: <https://al-ain.com/article/targets-of-the-islamic-military-alliance> (дата обращения: 20.07.2025).

ного вовлечения. Официальной целью коалиции было противодействие Ирану, которого Эр-Рияд рассматривал как главную угрозу безопасности. Задача состояла в «создании единого фронта противостояния иранскому экспансионизму»; курс на умиротворение Ирана считался нежизнеспособным, аналогично европейской политике 1930-х годов²¹. Опасения арабских государств касались возможности использования Ираном местных шиитских общин для дестабилизации²². Эскалация 2016 г. (казнь Нимран-Нимра и последующие разрывы дипотношений с Ираном) подтвердила этот конфронтационный вектор.

По мнению КСА, стратегический дрейф Америки на Восток (сдерживание Китая) выражался в сокращении военного и финансового присутствия на Ближнем Востоке²³. Вмешательство в Йемене было инициировано по просьбе легитимного президента Мансура Хади для противодействия хуситам, что совпадало с интересами Эр-Рияда²⁴. Создание коалиции служило укреплению лидерства КСА в исламском мире. Сокращение американской помощи сирийской оппозиции, связанное с планами администрации Обамы по ядерному соглашению с Ираном, явилось критическим внешним фактором, подтолкнувшим Саудовскую Аравию к выработке самостоятельного стратегического курса в Сирии²⁵. Усиление ИГ* после 2014 г. сигнализировало монархиям Залива о риске вакуума влияния, который может быть заполнен Ираном.

Эр-Рияд болезненно воспринял высказывания Барака Обамы, ставящие под сомнение союз с КСА и призывающие Эр-Рияд учитывать региональные интересы Тегерана²⁶. В январе 2016 г., когда госсекретарь США Джон Керри ультимативно потребовал участия сирийской оппозиции в переговорах в Женеве (под угрозой прекращения помощи), МИД КСА заявил о готовности либо поддержать процесс, ведущий к уходу Асада,

²¹ Косач Г.Г. Саудовская Аравия: трансформация власти и политики // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2019. – Т. 63, № 4. – С. 60. – DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-67.

²² Звягельская И.Д. Символы и ценности в международных отношениях на Ближнем Востоке // *Полис Политические исследования*. – 2023. – № 1. – С. 112. – DOI: 10.17976/jpps/2019.01.08.

²³ Аль-Ганнам Х. Новые направления внешней политики Саудовской Аравии // *Журнал Аль-Маджалла*. – 14.04.2023. – URL: <https://tinyurl.com/5dda5dp6> (дата обращения: 20.07.2025).

²⁴ Акрам М. Перспективы и определяющие факторы внешней политики Саудовской Аравии в решении региональных проблем // *Центр анализа кризисов и будущих исследований имени Шафа*. – 18.12.2024. – URL: <https://rb.gy/0yqcq3> (дата обращения: 20.07.2025).

²⁵ Dorsey J.M. Saudi Strategy in Syria: Rewriting Mideast's Political Map? // *RSIS commentary*. – 2016. – № 33. – URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2016/02/CO16033.pdf> (дата обращения: 20.07.2025).

²⁶ Сурков Н. Стратегические альтернативы во внешней политике Саудовской Аравии // *Международные процессы*. – 2022. – Т. 20, № 3. – С. 101. – DOI: 10.17994/IT.2022.20.3.70.2.

либо «продолжить поддержку оппозиции для устранения его силой»²⁷. В ноябре 2017 г. наследный принц Мухаммед бен Салман охарактеризовал «Арабскую весну» как период, способствовавший усилению иранского влияния в Дамаске, Сане, Багдаде и Бейруте. Приоритетной задачей было обозначено формирование фронта для сдерживания иранского экспансионизма²⁸. Параллельно эскалация позиций ИГИЛ* сместила фокус международного сообщества с отстранения Асада на борьбу с терроризмом, ограничивая тем самым возможности Саудовской Аравии в реализации первоначальных целей²⁹. Совокупность этих факторов обусловила существенную трансформацию регионального ландшафта.

Фаза 3 (2017–2024) – дипломатия и экономика: прагматичное сдерживание в постконфликтной Сирии

Реализация программы «Видение 2030» требует от Саудовской Аравии повышения международного авторитета как региональной и глобальной державы³⁰. Этот период совпал с геополитической трансформацией Ближнего Востока, исход которой зависит от способности аравийских государств продвигать общие интересы, что не всегда согласуется с целями других акторов. Вооруженные конфликты и экстремизм угрожают региону, но стратегии противодействия им часто вызывают разногласия, что актуализирует идею коллективной безопасности в зоне Персидского залива³¹.

Военно-политическое вмешательство КСА в Йемене не достигло заявленных целей: военная кампания не увенчалась успехом, хуситы сохранили боеспособность, а операция сопровождалась критическими гуманитарными последствиями. Призывы международного сообщества к переговорам привели к Стокгольмскому соглашению (декабрь 2018 г.)³².

²⁷ Schenker D. The Shift in Saudi Foreign Policy // The Washington Institute. – 10.02.2016. – URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/shift-saudi-foreign-policy> (дата обращения: 20.07.2025).

²⁸ Косач Г.Г. Во имя национальных интересов: внешняя политика Саудовской Аравии после «Арабской весны» // Международные отношения и мировая политика. – 2021. – Т. 25, № 4. – С. 140. – DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-131-161.

²⁹ Balancing scales: the complexities of settling the armed conflict in Syria // Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies. – 2016. – URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/16279.aspx> (дата обращения: 20.07.2025).

³⁰ Акрам М. Перспективы и определяющие факторы внешней политики Саудовской Аравии в решении региональных проблем // Центр анализа кризисов и будущих исследований имени Шафа. – 18.12.2024. – URL: <https://rb.gy/0uqcq3> (дата обращения: 20.07.2025).

³¹ Ткаченко А. Формирование регионального лидерства в контексте полицентричного мира // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 5. – С. 124.

³² Косач Г.Г. Саудовская Аравия: трансформация власти и политики // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 4. – С. 62. – DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-67.

В ответ на этот ландшафт КСА предприняла шаги по диверсификации связей, укрепляя отношения с США, Китаем и Россией, избегая чрезмерной зависимости от одного партнера. Эта стратегия, нацеленная на стратегическую автономию³³, сигнализирует о переосмыслении альянсов и переходе к многовекторной модели взаимодействия с мировыми центрами силы.

В контексте сокращения американского участия стратегия КСА в Сирии была скорректирована. С 2017 г. после прекращения финансирования США программы подготовки сирийских повстанцев внешнеполитический курс Эр-Рияда адаптировался к новым геополитическим реалиям. В 2018 г. Мухаммед бен Салман признал сохранение Асада у власти, но выразил предпочтение российскому доминированию над иранским влиянием³⁴. Это отражает прагматичный приоритет сдерживания Ирана над задачей смены режима. Акцент сместился с военной поддержки оппозиции на использование дипломатических и экономических инструментов противодействия Тегерану. Подтверждением этой перегруппировки служит саудовская интерпретация визита Нетаньяху в Оман³⁵, демонстрирующая формирование ситуативных альянсов на основе общих опасений по поводу иранской политики. Признание Саудовской Аравией на данном этапе невозможности военного свержения режима Асада интерпретируется как сохранение политики поддержания регионального баланса сил. Инициатива по установлению более тесных отношений с Москвой служит иллюстрацией данного подхода³⁶. Несмотря на трансформацию внешнеполитического дискурса и акцент на политическом урегулировании сирийского конфликта, КСА сохранила риторику обеспокоенности действиями Ирана, что фиксирует продолжающееся региональное напряжение³⁷. Даже восстановление дипломатических отношений между Эр-Риядом и Тегераном в 2023 г. не разрешило несовместимость интересов двух держав в Сирии³⁸.

³³ Mazzetti M., Apuzzo M. U.S. Relies Heavily on Saudi Money to Support Syrian Rebels // The New York Times. – 23.06.2016. – URL: <https://www.nytimes.com/2016/01/24/world/middleeast/us-relies-heavily-on-saudi-money-to-support-syrian-rebels.html> (дата обращения: 20.07.2025).

³⁴ Crown Prince Mohammed bin Salman Talks to TIME About the Middle East, Saudi Arabia's Plans and President Trump // TIME. – 05.04.2018. – URL: <https://time.com/5228006/mohammed-bin-salman-interview-transcript-full/> (дата обращения: 20.07.2025).

³⁵ Косач Г.Г. Саудовская Аравия и Израиль: палестинский контекст // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 1. – С. 65. – DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-61-69.

³⁶ Egypt's Sissi visits Saudi Arabia as tensions ease // The Times of Israel. – 23.04.2017. – URL: <https://www.timesofisrael.com/egypts-sissi-visits-saudi-arabia-as-tensions-ease/> (дата обращения: 20.07.2025).

³⁷ White Paper: Saudi Arabia and the Yemen Conflict // The Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia. – 19.04.2017. – URL: <https://www.saudiembassy.net/reports/white-paper-saudi-arabia-and-yemen-conflict> (дата обращения: 20.07.2025).

³⁸ Abdollahian H.A. Interviewee, Iran warns of new fronts against the us if Gaza war drags on, foreign minister Amirabdollahian speaks to Bloomberg // Bloomberg. – 27.10.2023. – URL:

Следовательно, заявленное стремление официальных лиц КСА к созданию «благоприятной среды для развития и процветания» региональных народов³⁹ остается эмпирически проблематичным при сохранении глубинных противоречий.

Идентичность, идеология и сирийская стратегия Саудовской Аравии: конструктивистский взгляд на региональный конфликт (2011–2024)

Религиозная идентичность определяет восприятие региональных угроз. Интерпретация режима Башара Асада (алавитское меньшинство + иранская поддержка) как угрозы балансу сил – это прямое следствие определенного понимания региональной безопасности, что стимулировало стремление Эр-Рияда к доминированию. Анализ внешней политики КСА через конструктивистскую оптику требует изучения влияния исламской идентичности. Исторически связанное с бинарным делением на «Дар аль-Ислам» и «Дар аль-Харб», это мировоззрение формирует категории «мы» и «они»⁴⁰. В саудовском контексте «мы» – это сунниты, что потенциально формирует отношение к шиитским акторам как к недружественному окружению. Такое восприятие генерирует представления об угрозах, не исключая при этом прагматичного сотрудничества⁴¹. Важно отметить, что, несмотря на позиционирование КСА как лидера исламского мира, интересы мусульманских государств разнообразны, что обуславливает неоднозначную реакцию на инициативы Эр-Рияда. Помимо иранского усиления, КСА выражала озабоченность ростом влияния «Братьев-мусульман»* в сирийской оппозиции, что отражает исторически настороженное отношение правящих кругов к данной идеологии. Решимость короля Абдаллы от 8 августа 2011 г.⁴² может быть интерпретирована как подтверждение стремления КСА выступать ключевым актором, ответственным за арабскую стабильность.

<https://www.bloomberg.com/news/videos/2023-10-27/iran-warns-of-new-fronts-against-us-if-war-continues-video> (дата обращения: 20.07.2025).

³⁹ Аль-Хатлан С.М. Активная внешняя политика Саудовской Аравии и расширенная концепция безопасности на Ближнем Востоке // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 12.02.2024. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/aktivnaya-vneshnyaya-politika-saudovskoy-aravii/> (дата обращения: 20.07.2025).

⁴⁰ Звягельская И.Д., Кожанов Н.А., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю. Государства Ближнего Востока в поисках внешнеполитической идентичности (турецкая, иранская и саудовская модели) // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 9. – С. 99. – DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-93-103.

⁴¹ Там же. С. 94.

⁴² Al-Sharif S.A. Paths of political relations between Saudi Arabia and Syria after 1970 // Harmoon Center for Contemporary Studies. – 2023. – P. 1–26. – URL: <https://www.harmoon.org/?p=34558> (дата обращения: 20.07.2025).

Необходимость активного регионального участия была обусловлена ожиданиями как внутренней, так и внешней аудитории, связанными с ролью КСА как лидера. Инициативы ЛАГ, продвигаемые Саудовской Аравией, были направлены на институционализацию своего видения регионального порядка, основанного на определенных нормах. Параллельно КСА демонстрировала озабоченность активизацией в Сирии негосударственных формирований, связанных с «Аль-Каидой»* и радикальными группировками.

Однако конструктивистский анализ выявляет факторы, обусловившие постепенное изменение саудовской внешней политики. Во-первых, с приходом к власти Мухаммеда бен Салмана инициирован процесс ограничения влияния ваххабитской идеологии, исторически определявшей внешнеполитические приоритеты. Эта эволюция привела к пересмотру представлений о национальных интересах.

Идеологические трансформации и прагматизация внешней политики

Особенности внешнеполитического мышления КСА определяются четырьмя основными целями: защита ислама, противодействие внешним угрозам, экономическое развитие и выживание режима⁴³. Традиционно эти приоритеты детерминировались идеологией ваххабизма, которая формировала консервативную внешнюю политику, направленную на противодействие шиитскому влиянию и Ирану⁴⁴. С позиций конструктивизма ключевым фактором трансформации сирийской стратегии стало:

– усиление Мухаммеда бен Салмана (2015), инициировавшего пересмотр роли религиозных институтов в процессе принятия решений⁴⁵. Эти идеологические трансформации привели к прагматизации внешней политики;

– сокращение военной помощи оппозиции с акцентом на гуманитарные усилия, что свидетельствует о приоритете стабильности над геополитическими амбициями⁴⁶;

⁴³ Звягельская И.Д., Кожанов Н.А., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю. Государства Ближнего Востока в поисках внешнеполитической идентичности (турецкая, иранская и саудовская модели) // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2019. – Т. 63, № 9. – С. 96. – DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-93-103.

⁴⁴ Hefner R.W. *Politics and the Religious Right: The New Christian, Jewish, and Muslim Fundamentalisms*. – 1993. – URL: <https://www.bu.edu/anthrop/files/2020/03/rwhefnercv.pdf> (дата обращения: 20.07.2025).

⁴⁵ Saudi: Egypt stance on Syria resolution ‘painful’ // *Al Arabiya*. – 10.09.2016. – URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2016/10/09/Saudi-Egypt-s-stance-on-UN-Syrian-resolution-painful-> (дата обращения: 20.07.2025).

⁴⁶ Lister C.R. *The Syrian jihad: Al-Qaeda, the Islamic State and the evolution of an insurgency*. – London, 2015. – 516 p.

– сдвиг к поиску компромиссов через поддержку инклюзивного переходного правительства⁴⁷;

– укрепление отношений с РФ – ключевым союзником Асада – как проявление прагматичного выхода за рамки прежних идеологических разногласий;

– региональные факторы, в частности диалог с Абу-Даби, способствовали коррекции приоритетов Эр-Рияда;

– озабоченность консолидацией радикальных исламистов (связанных с «Братьями-мусульманами»*) привела к выводу, что сохранение статус-кво с Асадом может быть меньшей угрозой, чем неконтролируемое усиление радикальных групп.

Этот адаптивный сдвиг побудил КСА к сбалансированию отношений с Москвой и Пекином⁴⁸, что усилилось после 2016 г. на фоне энергетической конъюнктуры и соглашения ОПЕК+. В начале октября 2017 г. состоялся официальный визит короля Сальмана бен Абдель Азиза в Москву⁴⁹. В заявлении для прессы Аль-Джубейр отметил, что двусторонние отношения достигли «исторического момента, обрели институциональный характер, в их развитии участвуют все государственные институты и структуры»⁵⁰ (заявления для прессы министров иностранных дел России и Саудовской Аравии по итогам переговоров на высшем уровне). По мнению некоторых наблюдателей, новая стратегия направлена на укрепление национального суверенитета и приоритет национальных интересов королевств. Как один из возможных результатов этого курса – активизация сотрудничества с Россией и Китаем, которые все чаще упоминаются саудовскими политиками как «партнеры» КСА⁵¹. При этом сближение с Россией и Китаем, которые, по словам саудовских политиков, становятся «партнерами» КСА, следует рассматривать не как отказ от традиционного партнерства с США, а как стремление к диверсификации внешнеполитических связей и расширению возможностей для реализации национальных интересов Саудовской Аравии.

⁴⁷ Bellamy A.J. Responsibility to Protect: The Global Effort to End Mass Atrocities. – Cambridge: Polity Press, 2010. – 268 p.

⁴⁸ Trenin D. Russia in the Middle East: Moscow's Objectives, Priorities, and Policy Drivers // Carnegie Moscow Center. – 05.04.2016. – URL: <https://carnegie.ru/2016/04/05/russia-in-middle-east-moscow-s-objectives-priorities-and-policy-drivers-pub-63244> (дата обращения: 20.07.2025).

⁴⁹ Косач Г.Г. Саудовская Аравия: трансформация власти и политики // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 4. – С. 62. – DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-67.

⁵⁰ Заявления для прессы министров иностранных дел России и Саудовской Аравии по итогам переговоров на высшем уровне // Президент России. – 05.10.2017. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/5237> (дата обращения: 20.07.2025).

⁵¹ Филатов С. Саудовская Аравия: меняются времена, открываются перспективы // Международная жизнь. – 25.10.2024. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/48455> (дата обращения: 20.07.2025).

Сирия и Йемен: различные подходы Саудовской Аравии к урегулированию конфликтов

Столкнувшись с общими вызовами в виде регионального влияния Ирана, Саудовская Аравия применила различные стратегии в Сирии и Йемене: более активное военное вмешательство в Йемене и преимущественную поддержку оппозиционных сил в Сирии. Для анализа этих подходов важно учитывать взаимодействие геополитических факторов, идеологических установок и особенностей процесса принятия решений в Саудовской Аравии. Неореалисты оценили бы действия Саудовской Аравии в Йемене как закономерную реакцию на непосредственную угрозу нарушению регионального баланса сил. Приход к власти поддерживаемых Ираном хуситов вблизи южных границ Саудовской Аравии воспринимался как потенциальная угроза безопасности королевства. В Сирии, напротив, угроза, исходящая от режима Асада, рассматривалась как менее прямая, что привело к более сдержанной политике. В целом же йеменский конфликт является для Саудовской Аравии вопросом не только национальной безопасности, но и внутренней стабильности, так как ярко выраженный конфессиональный подтекст противостояния оказал влияние на настроения среди шиитского меньшинства⁵².

Представления о необходимости сдерживания распространения идей «Арабской весны» и противодействия усилению влияния Ирана⁵³ стали важными факторами, определявшими поддержку сирийской оппозиции. В Йемене захват власти хуситами вскоре после восшествия на престол короля Салмана был воспринят как прямой вызов легитимности саудовской власти и ее роли в регионе, что обусловило более решительный ответ^{54, 55}, в отличие от этого, сложная этно-религиозная структура сирийского общества вызывала опасения, что активная поддержка оппозиции приведет к усилению экстремистских группировок. Это не соответствовало долгосрочным интересам Саудовской Аравии.

В формировании стратегии Саудовской Аравии в Сирии определенную роль сыграли внешние факторы. Решение администрации Обамы

⁵² Останин-Головня В.Д. Шиитский вопрос в политическом развитии Саудовской Аравии // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2024. – Т. 17, № 3. – С. 174. – DOI: 10.31249/kgt/2024.03.09.

⁵³ Al-Rasheed M. Sectarianism as counter-revolution: Saudi responses to the Arab spring // Studies in Ethnicity and Nationalism. – 2011. – № 11. – P. 513–526. – URL: <http://eprints.lse.ac.uk/id/eprint/57784> (дата обращения: 20.07.2025).

⁵⁴ Kirkpatrick D.D. Surprising Saudi Rises as a Prince Among Princes // The New York Times. – 06.06.2015. – URL: <https://www.nytimes.com/2015/06/07/world/middleeast/surprising-saudi-rises-as-a-prince-among-princes.html> (дата обращения: 20.07.2025).

⁵⁵ BND warnt vor Saudi-Arabien // Spiegel. – 02.12.2015. – URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/bundesnachrichtendienst-warnt-vor-interventionspolitik-saudi-arabiens-a-1065643.html> (дата обращения: 20.07.2025).

ограничить поддержку сирийской оппозиции⁵⁶, а также отношения с Турцией, создавали дополнительные трудности для достижения целей Саудовской Аравии. В Йемене, напротив, Саудовская Аравия обладала большей свободой действий. Если в Йемене Саудовская Аравия имела возможность действовать более автономно, то в Сирии ее возможности были ограничены внешними факторами. Присутствие других влиятельных акторов и необходимость балансирования между различными интересами и альянсами формировали более сложную геополитическую обстановку. Эти обстоятельства, в сочетании с внутренними факторами, такими как прагматичный подход к внешней политике при Мухаммеде бен Салмане, обусловили более сдержанную стратегию Саудовской Аравии в Сирии по сравнению с Йеменом, где Эр-Рияд демонстрировал более активную вовлеченность. Таким образом, различная степень внешних ограничений и внутренние приоритеты определили разный характер действий Саудовской Аравии в этих двух региональных конфликтах.

* * *

Интеграция неореалистического и конструктивистского подходов выявила ключевые факторы эволюции внешней политики Саудовской Аравии в отношении Сирии. Изначальное сочетание идеологической поддержки оппозиции и сдерживания Ирана трансформировалось в прагматичный курс, ориентированный на политическое урегулирование. Религиозная идентичность продолжала влиять на определение угроз, но акцент сместился на противодействие «Арабской весне» и иранскому влиянию. В отличие от Йемена, в Сирии Эр-Рияд сосредоточился на поддержке группировок и дипломатии. Переломным моментом стала активизация Мухаммеда бин Салмана, который взял курс на диверсификацию экономики и укрепление имиджа, что выразилось в установлении отношений с Россией, несмотря на ее позицию по Асаду. Это свидетельствует о готовности приоритизировать национальные интересы и расширять круг партнеров при сохранении союза с США. Эта эволюция демонстрирует способность саудовской элиты к стратегической гибкости. Успех «Видения 2030» и укрепление влияния Королевства зависят от способности эффективно сочетать традиционные ценности с прагматичными подходами к решению задач в условиях продолжающейся нестабильности в Сирии.

** Террористическая организация, запрещенная в РФ.*

⁵⁶ Al-Sharif S.A. Paths of political relations between Saudi Arabia and Syria after 1970 // Harmoon Center for Contemporary Studies. – 2023. – P. 1–26. – URL: <https://www.harmoon.org/?p=34558> (дата обращения: 20.07.2025).

Список источников и литературы

1. Акрам М. Перспективы и определяющие факторы внешней политики Саудовской Аравии в решении региональных проблем // Центр анализа кризисов и будущих исследований имени Шафа. – 18.12.2024. – URL: <https://rb.gy/0уqсq3> (дата обращения: 20.07.2025).
2. Аль-Ганнам Х. Новые направления внешней политики Саудовской Аравии // Журнал Аль-Маджалла. – 14.04.2023. – URL: <https://tinyurl.com/5dda5dp6> (дата обращения: 20.07.2025).
3. Аль-Хатлан С.М. Активная внешняя политика Саудовской Аравии и расширенная концепция безопасности на Ближнем Востоке // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 12.02.2024. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/aktivnaya-vneshnyaya-politika-saudovskoy-aravii/> (дата обращения: 20.07.2025).
4. Заявления для прессы министров иностранных дел России и Саудовской Аравии по итогам переговоров на высшем уровне // Президент России. – 05.10.2017. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/5237> (дата обращения: 20.07.2025).
5. Звягельская И.Д. Символы и ценности в международных отношениях на Ближнем Востоке // Полис Политические исследования. – 2023. – № 1. – С. 105–123. – DOI: 10.17976/jpps/2019.01.08.
6. Звягельская И.Д., Кожанов Н.А., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю. Государства Ближнего Востока в поисках внешнеполитической идентичности (турецкая, иранская и саудовская модели) // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 9. – С. 93–103. – DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-93-103.
7. Косач Г.Г. Во имя национальных интересов: внешняя политика Саудовской Аравии после «Арабской весны» // Международные отношения и мировая политика. – 2021. – Т. 25, № 4. – С. 131–161. – DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-131-161.
8. Косач Г.Г. Саудовская Аравия и Израиль: палестинский контекст // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 1. – С. 61–69. – DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-61-69.
9. Останин-Головня В.Д. Шиитский вопрос в политическом развитии Саудовской Аравии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2024. – Т. 17, № 3. – С. 169–185. – DOI: 10.31249/kgt/2024.03.09.
10. Сурков Н. Стратегические альтернативы во внешней политике Саудовской Аравии // Международные процессы. – 2022. – Т. 20, № 3. – С. 95–111. – DOI: 10.17994/IT. 2022.20.3.70.2.
11. Ткаченко А. Формирование регионального лидерства в контексте полицентричного мира // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 5. – С. 123–128.
12. Филатов С. Саудовская Аравия: меняются времена, открываются перспективы // Международная жизнь. – 25.10.2024. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/48455> (дата обращения: 20.07.2025).

13. Abdollahian H.A. Interviewee, Iran warns of new fronts against the us if Gaza war drags on, foreign minister Amirabdollahian speaks to Bloomberg // Bloomberg. – 27.10.2023. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/videos/2023-10-27/iran-warns-of-new-fronts-against-us-if-war-continues-video> (дата обращения: 20.07.2025).
14. Al-Rasheed M. Sectarianism as counter-revolution: Saudi responses to the Arab spring // Studies in Ethnicity and Nationalism. – 2011. – № 11. – P. 513–526. – URL: <http://eprints.lse.ac.uk/id/eprint/57784> (дата обращения: 20.07.2025).
15. Al-Sharif S.A. Paths of political relations between Saudi Arabia and Syria after 1970 // Harmoon Center for Contemporary Studies. – 2023. – P. 1–26. – URL: <https://www.harmoon.org/?p=34558> (дата обращения: 20.07.2025).
16. Balancing scales: the complexities of settling the armed conflict in Syria // Al-Ahram Center for Political and Strategic Studies. – 2016. – URL: <https://acpss.ahram.org.eg/News/16279.aspx> (дата обращения: 20.07.2025).
17. Bellamy A.J. Responsibility to Protect: The Global Effort to End Mass Atrocities. – Cambridge: Polity Press, 2010. – 268 p.
18. Bilgin P. One model of engagement between MES and IR: Inquiring into others' conceptions of "security" // IR Theory and a New Middle East. – 2016. – № 16. – P. 6–12. – DOI: 10.1080/21624887.2018.1522174.
19. BND warnt vor Saudi-Arabien // Spiegel. – 02.12.2015. – URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/bundesnachrichtendienst-warnt-vor-interventionspolitik-saudi-arabiens-a-1065643.html> (дата обращения: 20.07.2025).
20. Costantini I., Santini R. Relations, Waiting for IR Godot? In search of transformative encounters between Middle Eastern Studies and International // Italian Political Science Review. – 2021. – № 52. – P. 203–216. – DOI: 10.1017/ipo.2021.48.
21. Crown Prince Mohammed bin Salman Talks to TIME About the Middle East, Saudi Arabia's Plans and President Trump // TIME. – 05.04.2018. – URL: <https://time.com/5228006/mohammed-bin-salman-interview-transcript-full/> (дата обращения: 20.07.2025).
22. Darwich M., Kaarbo J. IR in the Middle East: Foreign Policy Analysis in Theoretical Approaches // International Relations. – 2019. – № 34. – P. 225–245. – DOI: 10.1177/0047117819870238.
23. Dorsey J.M. Saudi Strategy in Syria: Rewriting Mideast's Political Map? // RSIS commentary. – 2016. – № 33. – URL: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2016/02/CO16033.pdf> (дата обращения: 20.07.2025).
24. Egypt's Sissi visits Saudi Arabia as tensions ease // The Times of Israel. – 23.04.2017. – URL: <https://www.timesofisrael.com/egypts-sissi-visits-saudi-arabia-as-tensions-ease/> (дата обращения: 20.07.2025).
25. Fahmy T. Objectives and orientations of the Islamic military alliance // Al Ain. – 29.11.2017. – URL: <https://al-ain.com/article/targets-of-the-islamic-military-alliance> (дата обращения: 20.07.2025).
26. Gregory Gause I.F. Systemic Approaches to Middle East International Relations // International Studies Review. – 2002. – № 1. – P. 11–31.

27. Grumet T.R. New Middle East Cold War: Saudi Arabia and Iran's Rivalry // University of Denver. – 2015. – URL: <https://digitalcommons.du.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=2027&context=etd> (дата обращения: 20.07.2025).
28. Hefner R.W. Politics and the Religious Right: The New Christian, Jewish, and Muslim Fundamentalisms. – 1993. – URL: <https://www.bu.edu/anthrop/files/2020/03/rwhefnerv.pdf> (дата обращения: 20.07.2025).
29. Herz J.H. Idealist Internationalism and the Security Dilemma // World Politics. – 1950. – P. 157–180. – DOI: 10.2307/2009187.
30. Ibish H. What's at Stake for the Gulf Arab States in Syria // Arab Gulf States Institute in Washington. – 30.06.2016. – URL: <https://agsi.org/analysis/whats-at-stake-for-the-gulf-arab-states-in-syria/> (дата обращения: 20.07.2025).
31. Kirkpatrick D.D. Surprising Saudi Rises as a Prince Among Princes // The New York Times. – 06.06.2015. – URL: <https://www.nytimes.com/2015/06/07/world/middleeast/surprising-saudi-rises-as-a-prince-among-princes.html> (дата обращения: 20.07.2025).
32. Lister C.R. The Syrian jihad: Al-Qaeda, the Islamic State and the evolution of an insurgency. – London, 2015. – 516 p.
33. Lynch M., Ryan C.R. The Arab Uprisings and International Relations Theory // Political Science & Politics. – 2017. – № 50. – P. 643–646. – DOI: 10.1017/S1049096517000300.
34. Mac Farquhar N.B. Isolating Syria, Arab League Imposes Broad Sanctions // New York Times. – 27.11.2011. – URL: <https://www.nytimes.com/2011/11/28/world/middleeast/arab-league-prepares-to-vote-on-syrian-sanctions.html?smid=url-share> (дата обращения: 20.07.2025).
35. Mazzetti M., Apuzzo M.U.S. Relies Heavily on Saudi Money to Support Syrian Rebels // The New York Times. – 23.06.2016. – URL: <https://www.nytimes.com/2016/01/24/world/middleeast/us-relies-heavily-on-saudi-money-to-support-syrian-rebels.html> (дата обращения: 20.07.2025).
36. Mearsheimer J. The tragedy of great power politics. – New York: Norton & Company, 2001. – 555 p.
37. Saudi Arabia and Qatar funding Syrian rebels // Reuters. – 23.06.2012. – URL: <https://www.reuters.com/article/world/saudi-arabia-and-qatar-funding-syrian-rebels-idUSBRE85M078/> (дата обращения: 20.07.2025).
38. Saudi delegation pulls out of “Friends of Syrian People” in Tunis citing “inactivity” // Al Arabiya. – 24.02.2012. – URL: <https://english.alarabiya.net/articles/2012%2F02%2F24%2F196751.html> (дата обращения: 20.07.2025).
39. Saudi, Russia signs nuclear deal // Al Arabiya – 18.06.2015. – URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2015/06/18/Saudi-deputy-crown-prince-meets-Putin-in-Russia> (дата обращения: 20.07.2025).
40. Saudi: Egypt stance on Syria resolution ‘painful’ // Al Arabiya. – 10.09.2016. – URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2016/10/09/Saudi-Egypt-stance-on-UN-Syrian-resolution-painful-> (дата обращения: 20.07.2025).

41. Schenker D. The Shift in Saudi Foreign Policy // The Washington Institute. – 10.02.2016. – URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/shift-saudi-foreign-policy> (дата обращения: 20.07.2025).
42. Shafy S., Zand B. Interview with Saudi Foreign Minister Adel al Jubeir on Syrian War // Der Spiegel. – 19.02.2016. – URL: <https://www.spiegel.de/international/world/interview-with-saudi-foreign-minister-adel-aljubeir-on-syrian-war-a-1078337.html> (дата обращения: 20.07.2025).
43. Solarz A.M. Religion and International Relations in the Middle East as a Challenge for International Relations (IR) Studies // Religions. – 2020. – № 11. – P. 150. – DOI: 10.3390/rel11030150.
44. Trenin D. Russia in the Middle East: Moscow's Objectives, Priorities, and Policy Drivers // Carnegie Moscow Center. – 05.04.2016. – URL: <https://carnegie.ru/2016/04/05/russia-in-middle-east-moscow-s-objectives-priorities-and-policy-drivers-pub-63244> (дата обращения: 20.07.2025).
45. Valbjørn M. International relations theory and the new Middle East: three levels of a debate // IR Theory and a New Middle East. – 2015. – № 16. – P. 74–79. – URL: https://pomeps.org/wp-content/uploads/2015/09/POMEPS_Studies_16_IR_Web1.pdf (дата обращения: 20.07.2025).
46. Valbjørn M. Strategies for Reviving the International Relations/Middle East Nexus after the Arab Uprisings // Political Science & Politics. – 2017. – № 50. – P. 647–651. – DOI: 10.1017/S1049096517000312.
47. Waltz K.N. Theory of International Politics. – Harborside, Maine: Addison-Wesley, 1979. – 251 p.
48. White Paper: Saudi Arabia and the Yemen Conflict // The Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia. – 19.04.2017. – URL: <https://www.saudiembassy.net/reports/white-paper-saudi-arabia-and-yemen-conflict> (дата обращения: 20.07.2025).

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КОНФЛИКТОВ

ФЕОФАНОВ Константин Анатольевич

доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Центра междисциплинарных исследований Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

E-mail: konstantin.feofanov@gmail.com

SPIN-код: 5086-2934

ORCID: 0000-0002-2279-5292

Для цитирования: *Феофанов К.А.* Теоретико-методологические аспекты исследования междивизиационных конфликтов // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 4 (12). – С. 24–39. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.02.

Аннотация. Статья посвящена теоретико-методологическим аспектам исследования междивизиационных конфликтов. Рассматриваются взаимодействия локальных цивилизаций как фундамент цивилизационной конфликтологии, особенности ранних концепций локальных цивилизаций и неклассической междисциплинаризации объектного и предметного поля цивилизационной теории уже в тот период. Исследуются предпосылки множественности классификаций цивилизаций в качестве акторов конфликта, множественности классификаций разновидностей междивизиационных конфликтов, терминология междивизиационного конфликта. Междивизиационные конфликты анализируются с точки зрения многоуровневых цивилизационных идентичностей. От понимания истории как множества локальных цивилизаций с уникальной спецификой на ранних этапах изучения цивилизаций через понимание множественности терминов и разновидностей современная цивилизациология объединяется с достижениями конфликтологии в рамках междисциплинарного научного направления – цивилизационной конфликтологии. Модернизация и глобализация, противоречие между современностью и традиционностью, роль цивилизационного Запада как стороны междивизиационных конфликтов рассматриваются в качестве ключевых детерминант, трансформирующих и конфигурирующих современный мировой порядок. В статье рассматриваются обширные и разветвленные теоретико-методологические, в том числе терминологические, аспекты понимания детерминант, разновидностей, предмета и основы, структуры, сторон и акторов, развития и стадий междивизиационных конфликтов, многоуровневые и межуровневые конфликтующие взаимодействия между цивилизационными идентичностями.

Ключевые слова: цивилизация, межцивилизационный конфликт, цивилизационная идентичность, столкновение цивилизаций, противостояние цивилизаций, конфликт цивилизаций, техногенные цивилизации, космогенные цивилизации, модернизация, глобализация, вестернизация, Запад.

Theoretical and Methodological Aspects of Research of Intercivilizational Conflicts

Konstantin A. FEOFANOV

DSc in Political Science, Professor, Leading Researcher
of the Center for Interdisciplinary Research, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

E-mail: konstantin.feofanov@gmail.com

SPIN-code: 5086-2934

ORCID: 0000-0002-2279-5292

For citation: Feofanov K.A. (2025). Theoretical and Methodological Aspects of Research of Intercivilizational Conflicts. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4 (12), pp. 24–39. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.02.

Abstract. This article explores the theoretical and methodological aspects of investigating intercivilizational conflicts. It examines the interactions between local civilizations as the foundation of civilizational conflictology, the specifics of early concepts of local civilizations, and the non-classical interdisciplinaryization of the object and subject field of civilizational theory already in that period. It examines the prerequisites for the multiple classifications of civilizations as actors in conflict, the multiple classifications of types of intercivilizational conflicts, and the terminology of intercivilizational conflict. Intercivilizational conflicts are analyzed from the perspective of multilevel civilizational identities. From an understanding of history as a multitude of local civilizations with unique specificities in the early stages of civilizational studies through an understanding of the multiplicity of terms and varieties, modern civilizational research integrates with the achievements of conflictology within the framework of an interdisciplinary scientific field – civilizational conflictology. Modernization and globalization, the tension between modernity and traditionalism, and the role of the West as a party to intercivilizational conflicts are considered key determinants transforming and shaping the contemporary world order. The article examines extensive and ramified theoretical and methodological aspects, including terminological ones, of understanding the determinants, varieties, subject and basis, structure, parties and actors, development and stages of intercivilizational conflicts, and multilevel and interlevel conflicting interactions between civilizational identities.

Keywords: civilization, intercivilizational conflict, civilizational identity, clash of civilizations, confrontation of civilizations, conflict of civilizations, technogenic civilizations, cosmogenic civilizations, modernization, globalization, westernization, West.

Введение

Цивилизационный подход был унаследован из социальной философии европейского Просвещения, сформировавшись в качестве самостоятельного модернистского научного направления во второй половине XIX – первой половине XX в. Мотивацией для классиков того времени послужило не понимание истории как единого универсального процесса, а осознание религиозной и социокультурной специфики наций и государств. Значительную роль сыграла полемика с влиятельным в то время марксизмом с характерным для него формационным подходом. Цивилизационная парадигма в форме теории множественных локальных цивилизаций А. Тойнби, его последователей и оппонентов, была широко востребована в обществоведческом сообществе первой половины XX в., но под влиянием модернистского рационализма и позитивизма до начала 1990-х годов временно забыта.

Завершение Холодной войны способствовало «цивилизационизации»¹ международных и региональных отношений, переводу идеологических противоречий в более глубокую и непримиримую плоскость религиозно-конфессиональных и мировоззренческих «столкновений» мировых и локальных цивилизаций², осуществляющихся на значительно более глубоких, по сравнению с геополитическими и идеологическими, уровнях, анализируемых направлениями политической науки. Повышенный интерес исследователей к данной проблеме имел политико-идеологические предпосылки и нередко реализовывался без скрупулезного внимания к теоретико-методологическим, в том числе терминологическим основам исследований. В частности, на фоне интереса к «столкновению цивилизаций», менее востребованной оказалась проблема межцивилизационных конфликтов, «конфликты» были фактически отождествлены со «столкновениями», что повлекло за собой недостаточную разработанность терминологии цивилизационной конфликтологии как научного направления³.

Исследование взаимодействия локальных цивилизаций как фундамент цивилизационной конфликтологии

Для раннего этапа цивилизационной теории характерны умозрительные социально-философские концепции сторонника панславянского поли-

¹ Феофанов К.А. Концепция «государства-цивилизации» как направление в развитии цивилизационной теории // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 123. – DOI: 10.31249/kgt/2024.04.08.

² Huntington S.P. *The Clash of Civilizations?* // *Foreign Affairs.* – 1993. – Vol. 72, № 3. – P. 22–49.

³ Использование термина «межцивилизационные конфликты» во множественном числе соответствует центральной для мировой цивилизациологии идее множественности локальных цивилизаций, а приставка «меж» указывает на «взаимную» природу конфликтов, возникающих между различными цивилизациями.

тического объединения Н.Я. Данилевского, немецкого консервативного критика западного либерализма и демократии О. Шпенглера и британского приверженца русского космизма А. Тойнби. Их работы отличаются неточностью определений и невозможностью применения логических построений и понятийного аппарата для сравнительного анализа⁴. Тем не менее это уже *плюрально-циклическое научное понимание локальных цивилизаций*, в отличие от классического у ранних наследников французского Просвещения, проявлявших описательный интерес к особенностям общественной жизни в различных странах.

Неслучайны *идеологический консерватизм и антизападная направленность* концепций отцов-основателей цивилизационного подхода, делавших акцент на национальной и социокультурной уникальности, а не универсальности к тому времени уже заявившего о себе как авангарде модернизации, западного цивилизационного развития. Значимым мотивационным фактором послужила полемика сторонников плюрально-циклической логики истории с получившей тогда широкую известность логикой формационной или линейно-стадиальной (А. Фергюсон, Ф. Гизо, К. Маркс). Характерная антизападная направленность связана с идеологической и методологической мотивацией проявления исследовательского внимания к незападным культурам, ценностям, религиям, языку и ментальности в условиях успехов западной модернизации при очевидном отставании всех остальных, прозорливым пониманием их значимости в человеческой истории. Допозитивистские ограничения цивилизационных концепций были отчасти успешно преодолены уже самим А. Тойнби в *теории локальных цивилизаций*, но в еще большей степени, в интегратизме социокультурных суперсистем П.А. Сорокина. Последнему принадлежит заслуга *неклассической междисциплинаризации объектного и предметного поля цивилизационной теории*, обоснованного применения широкого спектра политологических, социологических и психологических субнаправлений.

При имеющихся ограничениях вклад ранних концепций заключался в констатации важного не только идеологического, но и парадоксальным образом практического методологического положения. Помимо национальных государств как объекта исследования существует некоторый, в умозрительной допозитивистской фазе смутно осознаваемый, цивилизационный над-страново-государственный уровень, выходящий за рамки национальных государств, объединяющий определенной единой логикой несколько необязательно географически соседних национальных государств, а в некоторых случаях проводящий межцивилизационные границы внутри территориальных границ самих национальных государств, через национально-государственные границы и поверх их. В сущности, ранние

⁴ Тойнби А. Дж. Постигание истории: сборник / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – Москва: Рольф, 2001. – 640 с.

цивилизационные подходы стали открытием другой исследовательской реальности, другого объекта исследований, обязательного к изучению в качестве, как минимум, дополнения к преобладающему во второй половине XIX – начале XX в. в качестве объекта социально-гуманитарных наук страново-государственного уровня национальных государств. А возможно, и в качестве основного исследуемого объекта, при котором национальные государства с их страново-общественно-государственной спецификой становятся объектом дополнительным.

Множественность классификаций цивилизаций как акторов конфликта

Расхождения авторов при подсчете количества цивилизаций обусловлены неточностью критериев, положенных в основания классификаций. *Глобальная, локальные, мировые и государства-цивилизации, восточные и западные, космогенные и техногенные, идеационные и чувственные, доиндустриальные (традиционные), индустриальные и постиндустриальные (информационная, технотронная)* – данные разновидности имеют общий характер, но необходимы для понимания современных межцивилизационных конфликтов. Особое значение имеют *операциональные классификации* – элементы которых можно применить к цивилизациям и их взаимодействиям. По данным конкретным вопросам возникают межцивилизационные конфликты, они имеют наиболее устойчивый, инвариантный, не корректируемый в результате осовременивания, модернизации и глобализации характер, выступая основанием для конфликтов, «столкновений» (С. Хантингтон) и противостояний.

Известными областями ценностно-ментальных различий различных цивилизационных типов выступают религиозно-конфессиональные идентичности, отношение к правам и свободам человека, к Богу, к вмешательству государства в частную жизнь, уважение и неуважение к человеку, степень вмененного долженствования (долг перед обществом) и вины (греха), формы групповой и семейной солидарности, линейное или циклическое восприятие времени, индивидуализм и коллективизм, маскулинность-фемининность, дистанция власти, степень избегания неопределенности, долгосрочная ориентация, ценности выживания и самовыражения, традиционные и секулярно-рациональные ценности^{5,6}, и многое другое.

⁵ Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations across Nations. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. – 596 p.

⁶ Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 333 p.

Множественность классификаций межцивилизационных конфликтов

Современные подходы в изучении межцивилизационных конфликтов опираются на достижения политологической и социологической конфликтологии, рассматривающей конфликты как *наиболее острые способы разрешения противоречий в интересах, идентификациях и ценностях в ходе взаимодействия*. В рамках этих подходов, начиная от конфликтной модели общества Р. Дарендорфа, общей теории конфликта К. Боулдинга и концепции позитивно-функционального конфликта Л. Козера, разработаны масштабные многоуровневые классификации, прежде всего, по субъектам, причинам, стадиям осуществления и способам урегулирования. Межцивилизационные конфликты происходят между локальными цивилизациями – надгосударственными акторами исторического и общественно-политического развития.

Поскольку межцивилизационные конфликты являются частным случаем общественно-политических, имеющиеся общие классификации применимы и к ним. Например, конфликты в классификации Р. Дарендорфа разделяются по источникам возникновения (конфликты интересов, ценностей и идентификаций); по социальным последствиям (успешные, безуспешные, созидательные или конструктивные, разрушительные или деструктивные); по масштабности (локальные, региональные, межгосударственные, глобальные, микро-, макро-, и мегаконфликты); по формам борьбы (мирные и немирные); по особенностям условий происхождения (эндогенные и экзогенные); по отношению субъектов к конфликту (подлинный, случайный, ложный, латентный); по использованной сторонами тактике (сражение, игра, дебаты)⁷.

Политические науки интересуют, прежде всего, *классификации разновидностей* (какие они бывают) и *классификации стадий* (как протекают конфликты, с точки зрения их возникновения, развития, кульминации и разрешения). В числе первых – классификации акторов (участников) конфликта. Акторы (участники) обладают множеством свойств и характеристик, и потому могут быть разграничены в огромном числе различных классификаций. Классификации позволяют раскрыть уровни, на которых возникают и осуществляются конфликты. Это уровни национально-государственных интересов, ценностей и норм, культуры, институтов и традиций, каждый из которых, в свою очередь, раскрывается во множестве идентификаций и самоидентификаций. Подобные системные представ-

⁷Зубова Л.В., Кириенко А.А. Психология конфликта: учебное пособие. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2021. – С. 8.

ления составляют основу для моделирования исследуемых межкультурных конфликтов⁸.

Отдельным видом классификаций межкультурных конфликтов являются *классификации глубины (степени, масштабов реализации)*. Конфликты могут быть *внутренними и внешними* – здесь «внутренний» означает фазу осознания самих себя и инаковости других определенной социальной общностью, а внешний – различные формы коммуникации, от публично выражаемого недовольства до вооруженных столкновений, по поводу «своих» и «чужих», правоты и неправоты, «богоугодности» и «богопротивности» самих себя и оппонентов. При определенных условиях, нередко преднамеренно подогреваемых теми или иными общественными группами⁹, от скрытого и ощущаемого, но пока непроявленного недовольства существованием и действиями других общественных групп, ценности и нормы которых отличаются от собственных, привычных и референтных, акторы межкультурных конфликтов могут переходить к внешне выраженным формам недовольства и разногласий. Которые затем, в условиях важности предмета конфликта и невозможности каждой из сторон отступить, «отыграть назад», становятся доминирующим сюжетом цивилизационного развития и критерием его успешности, в некоторых случаях, на столетия и тысячелетия.

Современная цивилизационная конфликтология основана на исследовательских традициях, сформировавшихся как в рамках цивилизационного подхода, так и в ходе изучения конфликтов в различных областях человеческой деятельности. Сопоставляя, пересекая и объединяя цивилизационные и конфликтные классификации, исследователи формируют предметное поле цивилизационной конфликтологии. Обширность обеих научных традиций не позволяет сводить цивилизационные конфликты к единичным определениям, но предполагает их множественность. Вместе с тем современное аналитическое соединение достижений двух исследовательских традиций позволяет в каждом конкретном случае не «умножать сущности без необходимости», а достаточно четко описывать общественно-политическую реальность в имеющихся для этого терминах.

⁸ Феофанов К.А. Цивилизационное моделирование региональных международных отношений (на примере Большой Евразии) // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 1 (9). – С. 50–62. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.05.

⁹ Среди новых терминов эффективно используются, в частности, «катализаторы» и «конфликтогены». См.: Казанцева В.А., Долгодворова И.Н. «Столкновение цивилизаций»: основные конфликтогены // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 10 (480). – С. 21.

Терминология межцивилизационных конфликтов

Среди многочисленных терминов, используемых для описания конфликтов в цивилизационной сфере, «межцивилизационный конфликт» является более точным, чем «цивилизационный конфликт», так как явно указывает на конфликт между различными цивилизациями, а не внутри одной цивилизации. Если понятие конфликта цивилизаций популярно благодаря работам С. Хантингтона, то используемое в данной статье понятие межцивилизационного конфликта, хотя и применяется реже, наиболее точно и даже буквально подчеркивает протекание конфликта *между* различными цивилизациями.

Предметом межцивилизационного конфликта являются претензии оппонентов – то, на что направлены их противоречащие друг другу интересы, усилия и действия. Это могут быть спорные территории, природные, экономические и человеческие ресурсы, возможности политического, экономического или военного контроля над ними. Структура межцивилизационного конфликта включает целостную совокупность составных элементов (структурных характеристик, структурных особенностей) конфликта. Основой (или базой) межцивилизационного конфликта является конфликтная ситуация. Сторонами (противоборствующими сторонами) межцивилизационных конфликтов могут выступать, как в рамках одного государства, так и между географически соседними или географически отдаленными государствами, различные цивилизационно-инспирированные, идентификационно-ориентированные группы, от экстремистских и террористических до элитных и неформальных выразителей специфически понимаемых интересов обществ и государств.

Сторона (участник) конфликта отличается от *актора* конфликта, последнее понятие является более широким, включая косвенных участников и посредников. Возможность межцивилизационных конфликтов между географически отдаленными государствами – особенность современной глобализационной эпохи, когда соседними становятся любые государства. Сторонами (участниками) межцивилизационных конфликтов могут становиться государства и союзы государств, противостоящие друг другу на региональном и глобальном уровнях международных отношений. *Детерминантами межцивилизационных конфликтов* могут выступать религиозные, ценностно-нормативные, идентификационные, поведенческие, культурные, институциональные, традиционные и многие другие различия.

Наиболее значимые, конфигурирующие современные международные отношения и мировое развитие, *межцивилизационные конфликты* возникают преимущественно между цивилизациями цивилизационного Запада и Незапада – Западом и исламским миром, Западом и Россией, Западом и Китаем. Межцивилизационные конфликты между различными западными или различными восточными цивилизациями также возможны,

но они не имеют глубокого геофилософского содержания, продолжая оставаться конфликтами государств за ресурсы и первенство в регионе.

Как, например, межцивилизационный конфликт между различными, отдельными восточноазиатскими цивилизациями – китайской и японской, особенно обострившийся, когда Япония начала активно заимствовать элементы западной цивилизации. *Субцивилизационные (внутрицивилизационные) конфликты* могут иметь место внутри цивилизационного Запада или Незапада – например, между США и Европейским союзом, между западно- и восточноевропейскими странами, суннитскими и шиитскими государствами. В отличие от ресурсных конфликтов, основанных на конкуренции за территории и влияние, субцивилизационные конфликты представляют собой более глубокую разновидность внутри- и межгосударственных конфликтов, поскольку, даже в рамках цивилизационного христианства и ислама, осуществляются на уровне противостояния существенно различающихся субцивилизационных идентичностей. Также возможны *субсубцивилизационные конфликты* с характерной для них еще более дробной структурой противоречий и идентичностей в случае «межцивилизационных разломов в структуре геополитики», результатом которых становятся «цивилизационные спутники, этнокультурные осколки и политические сателлиты»¹⁰. Несмотря на неоднозначность интерпретаций, данная разновидность политических конфликтов также имеет межцивилизационный характер.

Развитие (углубление) межцивилизационного конфликта нередко обусловлено его трансформацией: начавшись с территориальных или иных ресурсных претензий (конкуренция за ресурсы) в качестве предмета конфликта, со временем конфликт эволюционирует в противостояние не только общин или групп, но и народов, выходя на уровень религиозных идентичностей и приобретая межрелигиозный или межконфессиональный характер между общественно-политическими акторами различных государств или между религиозными или конфессиональными группами в одной стране. Межцивилизационный конфликт основан на противоречии, охватывая различные стадии (фазы) его возникновения и развития – предконфликтную (нарастания), конфликтную (реализации) и постконфликтную (затухания). Конфликт сопровождается выраженным противостоянием сторон, реализующимся внешне, в действиях по борьбе с противником, а не только внутренне, в осознании противоречий. Не утрачивает актуальности выделенное Л. Козером разграничение реалистических и не-реалистических конфликтов, соответственно, связанных или с целями и условиями, навязываемыми другой стороной и направленные на изме-

¹⁰ Филатов А.С. Межцивилизационные разломы в структуре геополитики: цивилизационные спутники, этнокультурные осколки и политические сателлиты // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2021. – № 4. – С. 102.

нение несправедливого положения, или же не связанные с конкретными целями и условиями, но позволяющие выразить внутреннее напряжение и эмоции¹¹.

В работах С. Хантингтона «столкновение» понимается расширительно, как метафорически яркий, но недостаточно терминологически обоснованный синоним и «конфликта», и «противостояния», и «соперничества». При этом понятие конфликта важнее, чем «столкновение» (первое встречается в книге более 450 раз, тогда как второе – всего 130)¹². С точки зрения этимологии понятий, «столкновение» должно было бы означать только одну из стадий открытого противоборства: конфликт шире «столкновения», поскольку также включает менее острые фазы. Среди терминов, применительно к межцивилизационным конфликтам, также используется понятие напряженности. Однако, широко используемое в международных отношениях, оно не является точным и указывает только на наличие беспокойства по поводу потенциально неприятных последствий.

Сами по себе цивилизационные различия, язык и культура, конфессиональные, ценностные и традиционные особенности не становятся предметом межцивилизационных конфликтов. Как пишет Р. Дарендорф: «Конфликта не может быть, если только он не происходит в контексте смысла, т.е. некой целостной “системы”. Никакой конфликт между французскими домохозяйками и чилийскими шахматистами немислим, поскольку эти группы не объединены общей системой отсчета или, возможно, не интегрированы в нее. Аналогично, понятие интеграции имеет мало смысла, если оно не предполагает существования различных элементов, которые интегрируются»¹³. Для конфликта на цивилизационной основе необходимо осознание собственной принадлежности к той или иной цивилизации, усиливающееся на фоне инаковости другой цивилизации, которая, помимо осознания инаковости и чуждости, должна представлять угрозу благополучию или существованию. Эта угроза может иметь как реальный, политический или экономический, территориальный, властно-управленческий, идеологический и др. характер в виде контроля, влияния, распространения идеологических ценностей, «прикармливания» оппозиции в чужой стране, так и принимать символическую, воображаемую или даже вообще несуществующую, иллюзорную форму.

Подобно любому конфликту как ограниченной во времени стадии острого противостояния, межцивилизационный конфликт также представляет собой одну из временных и промежуточных стадий в цивилизацион-

¹¹ Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. О. Назаровой. – Москва: Идея-Пресс, 2000. – С. 34–111, 147–167.

¹² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – Москва: Издательство «АСТ», 2003. – С. 24.

¹³ Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. – Stanford, California: Stanford University Press, 1959. – P. 164.

ном развитии, но может длиться столетиями и даже тысячелетиями, поскольку цивилизации, в значительно большей степени, чем человеческие коллективы, страны и государства, являются наиболее тяжеловесными, инерционными и инвариантными ценностно-нормативными и идентификационными конгломератами в человеческой истории. *Межцивилизационное соперничество* (соревнование, конкуренция, борьба за одни и те же цели, в том числе ресурсы) представляет собой более мягкую форму и стадию конфликта. Оно нередко вообще происходит в условиях отсутствия непосредственного контакта и реализуется, прежде всего, в экономической и идеологическо-пропагандистской сфере.

Межцивилизационные конфликты как конфликты цивилизационных идентичностей

Межцивилизационный конфликт осуществляется на уровне, более глубоко по сравнению с противостоянием за ресурсы, и затрагивает цивилизационные идентичности как идентичности наивысшего порядка. Их носителями могут выступать социальные общности – группы людей, проживающих как в одной, так и в различных странах, необязательно граничащих между собой. Применение социологических терминов «идентичности» и «идентификации» в исследованиях межцивилизационных конфликтов еще больше усиливает междисциплинарный характер теоретической и прикладной цивилизациологии. В межцивилизационном конфликте имеет значение политико-идеологическая активность противостоящих социальных общностей, их непримиримый и бескомпромиссный характер. Ресурсные конфликты соседних государств во многих случаях могли бы оставаться на уровне конфликтов за спорные территории и региональное лидерство, но вследствие реальной (провокации, террористические акты) и гиперреальной (пропаганда, СМИ, «раздувание» образа врага) активности непримиримых, в той или иной степени экстремистских, в различной степени поддерживаемых местными правительствами групп, происходит эскалация конфликта до уровня межцивилизационных противостояний и столкновений¹⁴.

Цивилизационные «рубежи» – это ценности наивысшего порядка, за которые люди готовы сражаться «до последней капли крови», которые составляют основу их самовосприятия и самоидентификации. Данные ценности имеют наивысшую значимость для людей как вследствие действительной, так и иллюзорной, традиционно приписываемой важности. Для цивилизаций характерны консервативные цивилизационные коды, многие

¹⁴ Феофанов К.А. Гиперреалистические смещения – детерминанты искаженной цивилизации // Обозреватель – Observer. – 2024. – № 1 (402). – С. 15–24.

из них связаны с религией и порождены ею, часть данных кодов не претерпевала изменений в продолжение столетий и тысячелетий¹⁵.

Преодолев стадии возникновения и развития, межцивилизационные конфликты становятся конфликтами цивилизационных идентичностей. Завершение Холодной войны активизировало как древние идентичности, связанные с архетипами коллективного бессознательного, так и более современные формы. Возникло много новых горизонтальных связей между идентичностями, появились новые идентичности, и характер отношений между идентичностями стал другим. При частичном сохранении старых возникли новые идентификационные взаимодействия. Значимой исследовательской задачей в настоящее время является понимание постбиполярных полицентричных особенностей, степени реализованности, развитости, осознанности, сформулированности, идеологической и политической значимости и масштабности пробудившихся идентичностей, их диалога, проблематизаций, кризисов и борьбы. Особое значение имеют развитые в современных информационных «обществах постправды» механизмы модификации, адаптации и коррекции ключевых идентичностей, нередко искусственно-манипулятивные, видоизменяющие их, вплоть до инверсии, «частных идеологий» и новой, постглобализационной унификации.

Как в горизонтальных, так и тем более в вертикальных иерархиях, вместе образующих «каркас», «корпус» или «скелет» цивилизационной идентификации, имеет место выраженная в конкретных цивилизациях приоритетность идентичностей. Так, базовые семейные и гендерные идентичности могут быть подчинены религиозным, идеологическим и политическим приоритетам. Цивилизационные идентичности являются идентичностями наивысшего порядка. В вертикальной структуре идентичностей иерархические подчиненности выражены более строго, приоритет имеют наиболее активные в политическом и идеологическом отношении акторы – органы власти и представители политических, идеологических и религиозных элит. В светских государствах, в которых религия отделена от государства, приоритет политики и идеологии выше, чем религии, но религиозные элиты обладают более высоким приоритетом.

Конфликтующие цивилизационные идентичности можно определить как принадлежности, а также их ослабления и прекращения – дезидентификации, к определенным цивилизационно-детерминированным общностям. На данной основе можно понимать, что именно и почему способствует или препятствует консенсусу или конфликту (диссенсусу) идентичностей, эффективному или хотя бы мирному и ненасильственному взаимодействию.

¹⁵ Феофанов К.А. Гиперреалистические смещения – детерминанты искаженной цивилизации // Обозреватель – Observer. – 2024. – № 1 (402). – С. 25–28.

Модернизация и глобализация как детерминанты современных межцивилизационных конфликтов с цивилизационным Западом в качестве стороны конфликта

В отличие от «случайных встреч цивилизаций» с древности до европейского Средневековья и позднее¹⁶, для конфликтов современности характерны исторически беспрецедентные новые механизмы детерминации. Модернизация способствует ускоренному экономическому и политическому развитию одних стран и народов, в то время как другие, выпадая из процессов ускоренного развития в силу цивилизационных особенностей, становятся отстающими, «запаздывающими», «догоняющими» и сравнительно отсталыми. Среди изначально незападных стран с успешной модернизацией, в силу особенностей политико-исторического развития приобретшей парадоксально-органичный характер, – Япония и четыре восточноазиатских «тигра» Южная Корея, Сингапур, Гонконг и Тайвань – являющиеся устойчивыми незападными союзниками современного цивилизационного Запада. Глобализация делает страны открытыми, заставляет немодернизированные, домодернизационные или в чем-то менее успешные экономические и политические системы «открываться», конкурировать в открытом соревновании с более успешными, впадать в зависимые, в некоторых случаях, на протяжении столетий устойчивые вассально-сюзеренные и колониально-метропольные отношения с ними.

Неудовлетворенность одной из сторон своим устойчиво-подчиненным положением в условиях геополитической и геоэкономической конкуренции приводит к выходу конфликта на *геофилософский, цивилизационный уровень* – на котором выражается недовольство более глубокими, чем политические, идеологические и экономические различия, ценностно-нормативными, религиозно-конфессиональными, социокультурными, институциональными и традиционными противоречиями. Неготовность модернизационно-успешной стороны отказаться от собственной главенствующей роли в политически и экономически неравных отношениях порождает эскалацию конфликта посредством использования модернизационно-менее-успешной стороной всех имеющихся ресурсов для усиления и углубления противостояния. В одиозных случаях в качестве «аргументов» используются незаконные, но наиболее эффективные средства воздействия на оппонента, связанные с угрозами и устрашением. В подобных случаях речь может идти о терроризме наиболее активных общественных групп и сообществ вплоть до государственного терроризма, если акторами противостояния начинают выступать государства или инспирируемые ими террористические организации или группы. Глобализация усиливает *вестернизацию* – распространение западных ценностей, спо-

¹⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – Москва: Издательство «АСТ», 2003. – С. 61–69.

собствующих размыванию традиционных ценностей, элит и молодежи незападных стран. Это вызывает сопротивление незападного населения, прежде всего традиционалистски-ориентированных элитных групп и слоев (духовенство, правящие и консервативные партии).

Данная логика возникновения межцивилизационных конфликтов имеет односторонний характер, ее нельзя «повернуть вспять» или скорректировать на предшествующих этапах. Ее главной многовековой исторической предпосылкой, начиная с периода экономической успешности протестантских стран в условиях Вестфальской суверенизации XVII в., выступает последующая успешность западной модернизации на основе «протестантской этики» и «духа капитализма». Успешность модернизации одних стран и отставание других, невозможность изоляции и автаркии последних в условиях глобализационной открытости выступают главными мировыми детерминантами, конфигурирующими ключевые межцивилизационные конфликты и современные международные отношения в целом. Модернизация и глобализация усиливают «раскрытие» стран, делают невозможной их изоляцию и автаркию. С другой стороны, частичная, а посредством современных технологических и информационных инноваций, в той или иной степени успешная незападная модернизация, в условиях многочисленных кризисов западного развития, позволяет незападным странам поддерживать достаточный уровень политического суверенитета и экономической жизнеспособности, что делает межцивилизационное соперничество и противостояние интенсивными и разносторонними, гибридными, насыщенными многочисленными нюансами и уровнями.

Противоречие между современностью и традиционностью как детерминанта межцивилизационных конфликтов

Данный аспект межцивилизационного взаимодействия непосредственно связан с мировым феноменом прямых и «догоняющих» процессов модернизации. Данное противоречие глубоко укоренено в ценностно-нормативных основах техногенных и космогенных цивилизаций, различным образом решающих ключевые вопросы цивилизационного развития. *Цивилизационная теория модернизации* позволяет понимать причинно-следственные связи в генезисе межцивилизационных конфликтов, тогда как хантингтоновское религиозное объяснение межцивилизационных конфликтов является недостаточным, в том числе по причине «десакрализации», «дехристианизации», «постхристианизации» и даже «антихристианизации» когда-то христианских цивилизаций¹⁷. Вопрос о том, в какой именно степени когда-то эволюционировавшие в рамках мирового хри-

¹⁷ Феофанов К.А. Цивилизационная теория модернизации: монография. 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Дашков и К°, 2021. – С. 104–111.

стианства современные страны являются действительно христианскими, заслуживает отдельного исследования. Имеет место «фундаментальная антиномия между реально сущим идеалом Традиционности, довольствующимся самим собой и не предполагающим никакого развития, никаких преобразований, никакой дальнейшей истории, и вечно неудовлетворенным относительным идеалом Современности, который экстраполирует окончательную самореализацию и тотальную осуществленность в неопределенно бесконечное будущее»¹⁸.

Данное противоречие становится борьбой между прошлым и будущим, между сохранением многовекового статус-кво и развитием, между возможностью исправления ошибок и проблем и отсутствием такой возможности. Однако западное модернизационное развитие, техногенное и инновационное, разрушающее традиционные основы, всегда сопряжено с политическими, экономическими, экологическими и другими рисками. Многовековое цивилизационное соперничество Запада и Востока – это всегда вопрос о том, что опаснее – риски и вызовы недоразвития в случае цивилизационно-встроенного торможения изменений, или риски и вызовы не менее цивилизационно-инкорпорированного ускоренного развития в ситуации неопределенности. Данные противоположно направленные векторы являются движущим противоречием современного мирового развития и международных отношений.

* * *

В условиях модернизации и глобализации большинство современных межцивилизационных конфликтов активно развивается в связи с геополитической и геоэкономической активностью Запада как «бросающего вызов» цивилизационного актора. Главные межцивилизационные конфликты современности происходят между государствами цивилизационного Запада и Незапада. Действующей стороной межцивилизационных конфликтов, наиболее значимых для мирового развития и конфигурирующих современные международные отношения, являются именно государства цивилизационного Запада. Конфликты внутри западных и незападных цивилизаций также имеют место, являясь субцивилизационными или внутрицивилизационными. Изначально ограниченные разрешением экономических, политических и идеологических противоречий, наследуемых из прежней конкуренции за ресурсы и лидерство, данные формы конфликтного взаимодействия после завершения Холодной войны претерпевают значимое обострение и выходят на цивилизационный уровень.

¹⁸ Аксюмов Б.В. Конфликт цивилизаций в современном мире: дис. ... д-ра филос. наук по спец. 09.00.13 – Философия и история религии, философская антропология, философия культуры. – Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2009. – С. 10, 19–20.

Возрастает значимость цивилизационных идентификаций и цивилизационного сознания, активизируются многочисленные формы и уровни межцивилизационных конфликтов.

Список источников и литературы

1. Аксюмов Б.В. Конфликт цивилизаций в современном мире: дис. ... д-ра филос. наук по спец. 09.00.13 – Философия и история религии, философская антропология, философия культуры. – Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2009. – 418 с.
2. Зубова Л.В., Кириенко А.А. Психология конфликта: учебное пособие. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2021. – 183 с.
3. Казанцева В.А., Долгодворова И.Н. «Столкновение цивилизаций»: основные конфликтогены // Вестник Челябинского государственного университета. – 2023. – № 10 (480). – С. 21–25.
4. Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. О. Назаровой. – Москва: Идея-Пресс, 2000. – 205 с.
5. Тойнби А. Дж. Постижение истории: сборник / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – Москва: Рольф, 2001. – 640 с.
6. Феофанов К.А. Гиперреалистические смещения – детерминанты искаженной цивилизации // Обозреватель – Observer. – 2024. – № 1 (402). – С. 15–28.
7. Феофанов К.А. Концепция «государства-цивилизации» как направление в развитии цивилизационной теории // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 122–135. – DOI: 10.31249/kgf/2024.04.08.
8. Феофанов К.А. Цивилизационная теория модернизации: монография. 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Дашков и К°, 2021. – 218 с.
9. Феофанов К.А. Цивилизационное моделирование региональных международных отношений (на примере Большой Евразии) // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 1 (9). – С. 50–62. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.05.
10. Филатов А.С. Межцивилизационные разломы в структуре геополитики: цивилизационные спутники, этнокультурные осколки и политические сателлиты // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2021. – № 4. – С. 102–122.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – Москва: Издательство «АСТ», 2003. – 603 с.
12. Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. – Stanford, California: Stanford University Press, 1959. – 352 p.
13. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations across Nations. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. – 616 p.
14. Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. – 1993. – Vol. 72, № 3. – P. 22–49.

СЕМЬИ ТРУДОВЫХ ИНОКУЛЬТУРНЫХ МИГРАНТОВ С ДЕТЬМИ КАК СПЕЦИФИЧНАЯ ГРУППА СОЦИАЛЬНОГО РИСКА

АНДРИАНОВА Роза Ахбановна

кандидат педагогических наук, научный сотрудник
Центра научно-информационных исследований по науке,
образованию и технологиям Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

E-mail: gosa_and@inbox.ru

SPIN-код: 5076-4476

ORCID: 0000-0002-7903-0426

Для цитирования: Андрианова Р.А. Семьи трудовых инокультурных мигрантов с детьми как специфичная группа социального риска // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 4 (12). – С. 40–60. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.03.

Аннотация. Дана характеристика семьи инокультурных мигрантов с детьми как особой группы социального риска. Выявлены маркеры социального неблагополучия семей мигрантов, оказавшихся в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении. Специфичная социализация ребенка в мигрантских анклавах рассматривается как барьер интеграции в принимающее общество и как фактор социальной и психологической дезориентации в новой образовательной среде. Обоснована взаимосвязь школьной неуспешности и поведенческих девиаций обучающегося из семьи мигрантов. Обосновано, что успешное прохождение тестирования на знание русского языка для освоения российской образовательной программы, введенное в обязательном порядке в российских школах в текущем 2025 г., является своевременным и оптимальным решением снижения негативных тенденций в образовательной среде. Доказано, что полноценная языковая адаптация школьника из семьи мигрантов в новом образовательном пространстве важна и для психоэмоционального благополучия в новом сообществе сверстников. Определены пути снижения рисков маргинализации семей мигрантов с детьми и снижения их деструктивной активности. Предлагается обратить внимание не только на семьи мигрантов, но и на семьи с недавним мигрантским прошлым. Интеграция инокультурного мигранта в новое социокультурное пространство рассматривается как сложный процесс, означающий осведомленность о нормах российского законодательства, стремление принять нормы, правила, ценности, традиции принимающего общества, готовность развивать навыки меж-

культурных коммуникаций. Акцентируется роль межведомственного взаимодействия для обеспечения социальной безопасности российского общества в условиях новых вызовов и угроз, связанных с формированием в Российской Федерации мигрантских анклавов.

Ключевые слова: семьи мигрантов с детьми как группа социального риска, инокультурные мигранты, этническая и конфессиональная принадлежность, мигрантские анклавы, стратегии адаптации, школьная неуспешность, тестирования на знание русского языка для освоения российской образовательной программы, социально-педагогические условия профилактики деструктивного поведения мигрантов, межведомственное взаимодействие.

Families of Foreign Labor Migrants with Children as Specific Group at Social Risk

Rosa A. ANDRIANOVA

PhD in Pedagogical Sciences, Researcher
of the Center for Scientific and Information Research on Science,
Education and Technology, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

E-mail: rosa_and@inbox.ru

SPIN-code: 5076-4476

ORCID: 0000-0002-7903-0426

For citation: Andrianova R.A. (2025). Families of Foreign Labor Migrants with Children as Specific Group at Social Risk. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4(12), pp. 40–60. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.03.

Abstract. A migrant family with children is characterized as a special social risk group. Markers of social disadvantage of migrant families who find themselves in a difficult life situation or socially dangerous situation have been identified. The specific socialization of a child in migrant enclaves is considered as an obstacle to integration into the host society and as a factor of social and psychological disorientation in the new educational environment. The relationship between academic failure and behavioral deviations of a student from a migrant family is substantiated. It has been proven that successfully passing the Russian language proficiency test for mastering the Russian educational program, which is mandatory in Russian schools in the current 2025, is a timely and optimal solution to reduce negative trends in the educational environment. It is proved that the full-fledged linguistic adaptation of a student from a migrant family in a new educational space is also important for his psychoemotional well-being in a new peer community. Ways to reduce the risks of marginalization of migrant families with children and reduce their destructive activity were identified. It is proposed to pay attention not only to migrant families, but also to families who have recently moved to Russia. The integration of migrants into the new socio-cultural space is considered as a complex process involving awareness of the norms of Russian legislation, a desire to adopt the norms, rules, values, traditions of the host society and a willingness to develop intercultural communication skills. The role of interde-

partmental cooperation in ensuring the social security of Russian society in the context of new challenges and threats associated with the formation of migrant enclaves in the Russian Federation is emphasized.

Keywords: migrant families with children as a social risk group, foreign-cultural migrants, ethnic and religious affiliation, migrant enclaves, adaptation strategies, school failure, testing for Russian language proficiency to master the Russian educational program, socio-pedagogical conditions for preventing destructive behavior among migrants, and interagency cooperation.

В Российской Федерации для иностранных граждан привлекательными условиями становится доступность получения российского гражданства, гарантирующая возможность бесплатного обучения и медицинского обслуживания, получения материнского капитала при рождении детей. При этом контент-анализ хроники происшествий, связанных с мигрантами или субъектами, имеющими недавнее миграционное прошлое, выявляет множественные случаи их противоправного и деструктивного поведения.

Обзор и анализ публикаций на платформе научно-электронной библиотеки (НЭБ) eLIBRARY.RU показал, что большая часть работ, опубликованных в период с 2020 по 2025 г., посвящаются исследованию правового статуса трудовых мигрантов, управленческих механизмов адаптации, роли мигрантов в экономическом развитии России и др.¹ Однако целенаправленное изучение семей инокультурных мигрантов находится за пределами научных интересов исследователей. Актуальная междисциплинарная проблема процесса адаптации и интеграции семей инокультурных мигрантов с детьми, снижение рисков их деструктивного поведения в последние годы остается малоисследованной.

В текущем году последовательно ужесточается миграционное законодательство в отношении нелегальной миграции. С февраля 2025 г. работает база данных Министерства внутренних дел РФ (МВД России) о нелегальных иностранных гражданах, детям которых отказывают в приеме в образовательные организации (детские сады и школы), запрещена также регистрация брака или оформление развода, покупка или аренда недвижимости, управление транспортными средствами, ограничиваются и банковские переводы в ситуации нелегальной миграции².

Министр экономического развития РФ Максим Решетников анонсировал переход к модели возвратной миграции, в основе которого лежит принцип «приехал, подработал, уехал». Данный подход, по мнению ми-

¹ Научная электронная библиотека // Elibrary.ru. – URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp?> (дата обращения: 21.09.2025).

² Заработал сервис МВД по проверке нелегальных мигрантов // Актион. – 2025. – URL: <https://www.rnk.ru/news/223356-novyyu-servis-ot-mvd-po-proverke-nelegalnyh-migrantov> (дата обращения: 20.09.2025).

нистра, будет способствовать восполнению дефицита рабочей силы, но не будет поддерживать постоянное проживание мигрантов с детьми в России³.

Однако в настоящее время для упрощенного получения гражданства не требуется: постоянное проживание в РФ в течение пяти лет со дня принятия решения о выдаче вида на жительство (ВНЖ) в России и до дня подачи заявления о приеме в гражданство; снижаются требования к трудовым мигрантам по уровню овладения русским языком⁴.

Президент Российской Федерации подписал ФЗ «О внесении изменений в статью 4 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» и статью 22 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». Данный Федеральный закон принят Государственной думой 31 июля 2024 г. и одобрен Советом Федерации 2 августа 2024 г.⁵ Таким образом, синхронизируются между собой процедура постановки гражданина с мигрантским прошлым на воинский учет и получение им гражданства РФ.

Очевидно, что получение российского гражданства не означает сформированность российской идентичности как осознания принадлежности к сообществу граждан принимающего государства, принятие норм и ценностей, традиций российского общества⁶. Анализ хроники происшествий, зафиксированных Министерством внутренних дел РФ (МВД) и представленных федеральными СМИ, показывает, что в последние годы отмечаются случаи резонансных преступлений мигрантов, способствующих росту антимигрантских настроений россиян, активному обсуждению в социальных сетях и призывам к борьбе с «чужаками». Противостояние принимающей стороны и инокультурных иностранных граждан или «новоиспеченных» россиян с мигрантским прошлым способствует нарастанию социальной напряженности в обществе.

Вероятно, снижению преступности лиц, имеющих мигрантское прошлое, будет способствовать новый Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», устанавливающий прекращение гражданства у лиц, совершивших преступления⁷.

³ Решетников заявил о переходе России к модели возвратной миграции // Российская газета. – 2025. – URL: <https://rg.ru/2025/09/17/reshetnikov-zaiavil-o-perehode-rossii-k-modeli-vozvratnoj-migracii.html> (дата обращения: 10.09.2025).

⁴ Упрощенный порядок получения гражданства РФ // Госуслуги. – URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/docs_military/254340 (дата обращения: 12.09.2025).

⁵ Подписан закон об обязательной постановке на воинский учет граждан, получивших российское гражданство // Президент России. – 2024. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/74766> (дата обращения: 20.09.2025).

⁶ Андрианова Р.А., Ковалева А.В. Формирование гражданской идентичности мигрантов как условие нейтрализации рисков деструктивного поведения // Известия Российской академии образования. – 2024. – № 1 (65). – С. 189. – DOI: 10.51944/20738498_2024_1_183.

⁷ Федеральный закон от 28.04.2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Президент России. – 2023. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49216> (дата обращения: 11.09.2025).

Упрощение процесса получения российского гражданства необоснованно в современных условиях новых вызовов и угроз национальной безопасности РФ. Очевидно, что необходимо не менее пяти лет для адаптации мигрантов в новой социокультурной среде. Известно, что для адаптации инокультурных мигрантов требуется значительно больше времени и определенных условий, норм и правил для интеграции в принимающее общество. При этом адаптация и интеграция иностранных граждан – это не только сфера ответственности принимающего общества, но, прежде всего, самих мигрантов. Иждивенческая позиция мигрантов неприемлема в современных условиях, когда многие семьи с детьми коренного населения не справляются в должной мере с нарастающими финансовыми нагрузками из-за высокой инфляции и тоже нуждаются в социальной поддержке и психолого-педагогическом сопровождении.

На практике видно, что граждане, получившие документальное подтверждение российского гражданства, не стремятся к интеграции в российское общество и рассматривают Россию, прежде всего, как экономический ресурс получения доступа к бесплатной медицине, образованию, материнскому капиталу и иным социальным благам принимающего общества.

Отметим, что с 1 января 2024 г. вступили поправки в Федеральный закон № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и в настоящее время доступ к материнскому капиталу открыт только для лиц с российским гражданством, ребенок которых является гражданином России по рождению⁸. Ранее до принятия этих ограничений мигранты использовали «лазейку» в законодательстве и приезжали в Российскую Федерацию исключительно с целью получения материнского капитала. Очевидно, что введение ограничений для получения материнского капитала было своевременным и остановило поток иностранных граждан с целью необоснованного доступа к социальным благам российского общества.

Очевидно также, что в современных условиях не работают стратегии «старой» мягкой адаптации мигрантов из постсоветского пространства. Первые мигранты из стран СНГ имели совместный опыт социализации в советских образовательных учреждениях при активно поддерживаемой государством идеологии «дружбы народов», проходили обучение в школах, профессионально-технических училищах, техникумах и институтах по унифицированным программам и единой системе воспитания. При этом русский язык был не только государственным в СССР, но и обязательным для изучения во всех республиках. Также в СССР большинство граждан вне зависимости от региона проживания имели схожий уровень

⁸ О внесении изменения в статью 8 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Президент России. – 2024. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51465> (дата обращения: 17.09.2025).

жизни: скромный, но достаточно стабильный с предсказуемым бюджетом для удовлетворения базовых потребностей жизнедеятельности. Дети в СССР учились не только по единым бесплатным учебникам, но и имели похожие школьные принадлежности, ходили в одинаковой школьной форме, смотрели одинаковые фильмы и телевизионные передачи. Организация детского досуга в стране проходила также в соответствии с едиными методическими требованиями.

По причине общего опыта социализации в образовательных и общественных организациях в составе СССР бывшие советские дети, а после развала СССР они же мигранты из стран постсоветского пространства первой волны, проходили достаточно «мягкую адаптацию» в новой России. Однако советское прошлое, которое было своеобразным скрепом принимающего российского общества и мигрантов, в настоящее время теряет свои позиции в силу нарастающей социокультурной дистанции между народами из постсоветского пространства, связанной, прежде всего, со смежной поколений.

Современные молодые трудовые мигранты менее образованны, не изучали русский язык как старшее поколение в СССР, по сути приезжают в крупные города «чужой и чуждой страны» из сельской глубинки. Отметим, что они и профессионально не востребованы у себя на родине, а стало быть, отсутствуют перспективы решения финансовых и иных проблем в стране исхода. В России они чаще живут в мигрантских анклавах, выстраивают адаптационные стратегии в зависимости от помощи и поддержки своих земляков и в целом настроены на коммуникации только «со своими».

Анализ причин анклавизации провели З.Х. Лепшокова, А.Н. Татарко и пришли к выводу, что ключевая проблема заключается в отношении трудовых мигрантов к принимающему обществу как экономическому ресурсу с пренебрежительным отношением к нормам и ценностям принимающего общества⁹.

Таким образом, Россия рассматривается инокультурными мигрантами чаще как ресурс для решения своих финансовых и иных проблем, а российское гражданство позволяет получить «пропуск» к социальным благам в виде бесплатного образования, качественных медицинских услуг, материнского капитала при рождении детей в РФ.

Очевидно, что в России назрела острая необходимость осмысления последствий сепарации инокультурных мигрантов, как осознанного выбора социальной изоляции от принимающего общества. Особую тревогу вызывает формирование мигрантских анклавов, которые практически «живут в параллельном мире» со своими нормами, правилами, ценност-

⁹ Лепшокова З.Х., Татарко А.Н. Адаптация и модификация методики аккультурационных ожиданий Джона Берри // Социальная психология и общество. – 2017. – Т. 8, № 3. – С. 138–139. – DOI: 10.17759/sps.2017080310.

ными ориентациями, превращаются в деструктивные сообщества, проявляющие готовность к противостоянию принимающему обществу, демонстрации косвенного и прямого враждебного отношения к представителям других национальных и конфессиональных групп, проживающих в Российской Федерации.

К вопросу социальной дезориентации семьи в мигрантских анклавах

В ходе интервью с московскими трудовыми мигрантами, работающими в сфере обслуживания, была подтверждена информация, что они чаще приезжают в крупные российские города из сельской местности из стран постсоветского пространства в связи с безработицей и отсутствием социального лифта для молодых людей из сельской местности в стране исхода. Были выявлены специфичные социокультурные нормы, уклад жизни, низкий уровень опыта межкультурных коммуникаций с представителями иных национальных или конфессиональных групп до миграции. Перечисленные факторы препятствуют их адаптации и интеграции в социум принимающей стороны. Как правило, большинство опрошенных трудовых мигрантов имеют и крайне низкий образовательный уровень¹⁰.

В ходе интервью с московскими риелторами было выявлено, что в настоящее время устойчивыми местами компактного проживания инокультурных мигрантов или лиц, имеющих недавнее мигрантское прошлое, стали московские районы Люблино, Капотня, Некрасовка, Южное Бутово, Бирюлево. Риелторы утверждают, что по их статистическим данным в этих районах наиболее низкие цены на покупку и аренду жилья. При этом перечисленные московские районы признаются москвичами неблагополучными, социально опасными и даже не рассматриваются россиянами при аренде или покупке жилья. Также в ходе интервью с московскими риелторами было выявлено, что выбор подобных мест компактного проживания инокультурных мигрантов связан, прежде всего, с местом их трудовой деятельности на рынках, торговых центрах, строительных площадках.

К.С. Григорьева, А.А. Эндрюшко установили, что в среднем 25% в качестве потенциальных арендаторов выбирают только «славян» и исключают выходцев из Средней Азии. В «аутсайдерах – граждане Таджикистана»¹¹. В.И. Мукомель, оценивая современную миграционную ситуацию и восприятие мигрантов россиянами, отмечает, что наибольшие риски связаны с мигрантами, проживающими в неблагополучных районах, кото-

¹⁰ Социогуманитарные основы противодействия экстремизму в молодежной среде / под ред. Пузанова Ж.В. – Москва: Российский университет дружбы народов, 2022. – 183 с.

¹¹ Григорьева К.С., Эндрюшко А.А. Доступ мигрантов к жилью в России: методика оценки и результаты экспериментального исследования // Вестник Института социологии. – 2021. – Т. 12, № 4. – С. 35. – DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.748.

рые в свою очередь и «самые дешевые»¹². А.С. Андреева, И.С. Иванова, Е.А. Варшавер по результатам исследования выявили, что значительная доля мигрантов в г. Котельники Московской области – это также выходцы из Центральной Азии, главным образом из Таджикистана, за ними по численности – граждане из Киргизии, Узбекистана. При этом авторы утверждают, что коренные жители избегают «отдавать своих детей в местные школы» из-за большего числа школьников (примерно 15–20%), не владеющих русским языком, что закономерно оказывает негативное влияние на образовательный процесс. Авторы подчеркивают, что подобная стратегия «детей возить учиться в другое место» – достаточно распространенная в г. Котельники¹³.

Здесь важно понимать, что продать свою недвижимость в подобных неблагоприятных районах, населенных мигрантами из СНГ, москвичам достаточно сложно, а сам переезд в благополучный район затрудняется из-за более высокой стоимости квартир. В этой ситуации уже коренное население вынужденно адаптируется к ограничениям и неудобствам, рискам и угрозам безопасности, исходящим от мигрантов, которые не только успешно локализуются, увеличиваются в количественном составе из-за высокой рождаемости, но, по сути, «выживают» коренное население.

В последние годы в России растет число детей, рожденных мигрантами из стран постсоветского пространства, «и их доли в общем количестве рождений»¹⁴. А.Ю. Толмачева на основе социологических опросов показывает, что миграция особо зависима «от детей в транснациональных семьях». Автор подчеркивает, что зачастую именно ребенок становится «движущей силой миграции». А родители выбирают «миграционные сценарии, исходя из планов в отношении будущего для своих детей»¹⁵.

Таким образом, мигрантские анклав – это не только локализованные сообщества мигрантов, в которых концентрируются представители одной или нескольких этнических групп, но и потенциально опасные сообщества.

Большинство резонансных событий, связанных с мигрантами, по мнению А.В. Шустова, локализуются в столице, и после теракта в Крокус

¹² Мукомель В.И. Миграционная ситуация и мигранты в восприятии россиян // Вестник Российской нации. – 2021. – № 1–2. – С. 64.

¹³ Андреева А.С., Иванова И.С., Варшавер Е.А. Являются ли Котельники этномиграционным анклавом? Кейс-стади города-спутника Москвы на предмет этномиграционных характеристик его жителей // Городские исследования и практики. – 2020. – Т. 5, № 4. – С. 65. – DOI: 10.17323/usp54202054-72.

¹⁴ Тонких Е.В., Пешкова В.М. Рождаемость среди мигрантов из стран Центральной Азии в России: региональный аспект // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 1 (201). – С. 55. – DOI: 10.24158/tipor.2025.1.5.

¹⁵ Толмачева А.Ю. Семьи мигрантов из постсоветских государств: между родиной и Россией // Вестник Института социологии. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 65. – DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.830.

Сити Холле, совершенного 22 марта 2024 г., места концентрации мигрантов, где фиксируется высокая численность инокультурных граждан, стали объектами повышенного внимания. Автор также подчеркивает, что анклавов изначально формируются в местах локализации их работодателей. При этом из-за высокой рождаемости и притока земляков или родственников мигрантов подобные анклавов стремительно разрастаются. Следствием этих трансформаций становится рост конфликтных ситуаций с представителями принимающего общества, что приводит к «нарастанию рисков дестабилизации этнополитической ситуации» в регионе¹⁶.

В данном контексте представляет интерес интервью РИА «Новости» заместителя председателя Совета безопасности РФ Александра Гребенкина¹⁷. В ходе интервью 31 марта 2025 г. он признал риски устойчивых мигрантских анклавов. По его словам, они связаны с компактным проживанием моноэтнических групп и создают угрозы: в этих анклавах фактически не соблюдаются законы Российской Федерации, формируются радикальные настроения, создается критическая нагрузка на социальную инфраструктуру. Особое внимание Александр Гребенкин уделил школам, где доля детей из семей мигрантов нередко превышает половину, что осложняет обучение и вызывает недовольство общества¹⁸. Таким образом, в интервью федеральному СМИ заместитель председателя Совета безопасности Российской Федерации обозначил проблемное поле российской миграционной политики.

В последние годы появилось понятие «этнический анклав» и в документах стратегического планирования. Так, в «Стратегии национальной политики РФ до 2025 г.» обозначена угроза незаконной миграции и формирования замкнутых этнических анклавов¹⁹. А Концепция миграционной политики на 2019–2025 гг. была дополнена в 2023 г. пунктом о «противодействии формированию этнических (полиэтнических) анклавов мигрантов»²⁰.

¹⁶ Шустов А.В. Этнические миграции, формирование анклавов и этнополитические риски в столичном регионе России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2025. – Т. 27, № 2. – С. 378. – DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-2-378-397.

¹⁷ Александр Гребенкин: экстремизм активно пытаются использовать против России // РИА Новости. – 31.03.2025. – URL: <https://ria.ru/20250331/grebenkin-2008039236.html> (дата обращения: 20.09.2025).

¹⁸ В Совбезе оценили риски возникновения замкнутых мигрантских анклавов // РИА Новости. – 31.03.2025. – URL: <https://ria.ru/20250331/migranty-2008356069.html> (дата обращения: 20.09.2025).

¹⁹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400) // Президент России. – 2021. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 17.09.2025).

²⁰ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. (утв. Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622) // Президент России. – 2018. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43709> (дата обращения: 15.09.2025).

Отметим, что мигрантские анклавные становятся своеобразным центром, способствующим сохранению этнической идентичности инокультурных мигрантов без признания норм и ценностей других народов. Известно, что в местах их компактного проживания сфера обслуживания настраивается «под их нужды и потребности». Открываются кафе, салоны красоты, магазины, гостиницы, частные детские сады и другие социальные объекты исключительно «для своих». Очевидно, что мигрантские анклавные воспринимаются россиянами как «чужая территория», «параллельный опасный мир», что усиливает социальную сегрегацию, мигрантофобию и ксенофобию по отношению к «чужакам».

Очевидно, что семья инокультурного мигранта с детьми, проживающая в подобных мигрантских анклавах, способствует социальной и психологической дезориентации своего ребенка в новой образовательной среде.

Семья социального риска: факторы трудной жизненной ситуации или социально опасного положения семей мигрантов с детьми

Различные факторы уязвимости семьи в новой социальной среде, выявляющие признаки неблагополучия в семье инокультурных мигрантов, позволяющие выделить данную семью в группу социального риска.

1. Социокультурные факторы:

– значительная социокультурная дистанция с принимающим обществом, обусловленная их этнической и конфессиональной принадлежностью и проблемами языковой адаптации, приводящие к беспомощности и социальной дезориентации в принимающем обществе.

2. Социально-экономические факторы семейного неблагополучия:

– низкий доход и отсутствие стабильного заработка, позволяющие обеспечить базовые потребности детей и родителей, долги по коммунальным платежам, потребительские кредиты, займы и иные долги.

3. Социально-бытовые факторы:

– отсутствие комфортных бытовых условий для проживания, проживание в одной квартире с другими семьями, отсутствие отдельных спальных мест для родителей и детей, семья живет в антисанитарных условиях совместно с другими земляками.

4. Социально-психологический климат семьи:

– конфликтные отношения между родителями и ближайшим социальным окружением; вербальная и физическая агрессия по отношению к детям;

– пренебрежение социальными потребностями ребенка (здоровье, гигиена, питание, досуг, отдых);

– асоциальное поведение родителей (алкогольная или наркотическая зависимость);

– ксенофобские установки в семье (неприязнь и враждебное по отношению к представителям иных национальных или конфессиональных групп).

5. Образовательная сфера ребенка:

– низкий образовательный и воспитательный потенциал семьи, чтобы оказать помощь и поддержку ребенку в новой образовательной среде;

– проблемы языковой адаптации в семье и низкий уровень овладения русским языком у обучающегося;

– школьная неуспешность, связанная с расхождением программ обучения в стране исхода и принимающем обществе, отсутствие мотивации к обучению в российской школе;

– социальное исключение в сообществе класса или группы, буллинг и кибербуллинг;

– поведенческие девиации, которые фиксируются педагогами и психологической службой образовательной организации; постановка на учет в комиссию по делам несовершеннолетних.

6. Правовые факторы, приводящие к социально опасному положению семьи:

– правовая безграмотность родителей, способствующая втягиванию в противоправную деятельность;

– нелегальная миграция;

– административное или уголовное нарушение законодательства РФ;

– постановка родителей на профилактический учет, лишение родительских прав (неисполнение родительских обязанностей, жестокое обращение с ребенком, асоциальный образ жизни).

Социально опасное положение семьи, обусловленное правовой безграмотностью мигрантов, способствует дискриминации, эксплуатации, втягиванию в противоправную деятельность. Известно, что мигрантов в деструктивных целях могут использовать их же земляки, втягивать в противоправную деятельность для достижения своих корыстных целей. Эксплуатация и дискриминация также возможны со стороны работодателей.

Перечисленные факторы дезадаптации семьи мигрантов с детьми в новой социальной среде чаще взаимообусловлены и взаимосвязаны.

**Интеграция ребенка из семьи инокультурных мигрантов
в новую социальную среду: зависимость от адаптационного
потенциала родителей**

Исследования, проведенные в рамках государственных заданий Центра исследования проблем безопасности РАН и Министерства просвещения с 2019 по 2024 г., субъекты образования из семей инокультурных мигрантов требуют повышенного внимания из-за проблем их социо-

культурной, учебно-познавательной и психологической адаптации в новой образовательной среде^{21, 22, 23, 24}.

Очевидно, что стратегии адаптации детей из семей мигрантов зависят, прежде всего, от адаптационного и образовательного потенциала их родителей, уровня культурной дистанции, обусловленной нормами, традициями, обычаями, ценностями в стране исхода.

Адаптация и интеграция ребенка из семьи мигрантов в принимающей стране проходит гораздо сложнее из-за множества факторов. Родители ребенка, как правило, трудоустраиваются в организации, где могут работать со своими земляками и рассчитывать на их помощь и поддержку. А ребенок погружается во множественное взаимодействие с учителями, сверстниками, работниками школы, т.е. со всеми участниками образовательных отношений. К тому же ему надо адаптироваться под требования, условия, ограничения чужой среды, чтобы избежать конфликтных ситуаций и получить удовлетворительные оценки, которые от него ожидают не только учителя, но и его родители. И при этом, как правило, необразованные родители склонны школьную неуспешность перекладывать на своего ребенка. «Я ему говорю. Я его наказываю. Я его заставляю». Примерно так выглядит родительский контроль за обучением в семьях, которые не понимают специфики обучения детей в современной школе.

Проблемы адаптации и интеграции, защиты прав детей из семей мигрантов, запрос на их психолого-педагогическое сопровождение рассматриваются в работах М.А. Смирновой²⁵, Е.Ю. Алексейчевой²⁶, В.И. Екимовой, Е.П. Зиминой и Е.А. Орловой²⁷, И.Г. Морозовой²⁸. Авторы предлагают

²¹ Андрианова Р.А., Ковалева А.В. Формирование гражданской идентичности мигрантов как условие нейтрализации рисков деструктивного поведения // Известия Российской академии образования. – 2024. – № 1 (65). – С. 183–196. – DOI: 10.51944/20738498_2024_1_183.

²² Андрианова Р.А. Буллинг и ксенофобия в образовательной среде: проблемное поле и превентивный ресурс. – Москва: Издательство «Саратовский источник», 2023. – 99 с.

²³ Социогуманитарные основы противодействия экстремизму в молодежной среде / под ред. Пузанов Ж.В. – Москва: Российский университет дружбы народов, 2022. – 150 с.

²⁴ Комплексная профилактика агрессивного поведения в образовательной среде. – Москва: Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, 2022. – 364 с.

²⁵ Смирнова М.А. Дети мигрантов в России: потребность в интеграционной образовательной поддержке // Демографическое обозрение. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 81–103. – DOI: 10.17323/demreview.v11i1.20933.

²⁶ Алексейчева Е.Ю. Законодательное регулирование процесса поступления детей мигрантов в школы России // Русский язык: вызовы времени. Коллективная монография. – Москва: ИКД «Зерцало-М», 2024. – С. 118–123.

²⁷ Екимова В.И., Зиминова В.И., Орлова Е.А. Этническая и социальная идентичность подростков в условиях миграции // Социальная психология и общество. – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 116–135. – DOI: 10.17759/sps.2025160208.

²⁸ Морозова И.Г. Дети мигрантов в российской образовательной среде: актуальные проблемы социокультурной адаптации и способы их решения // Муниципальное образо-

решать вопросы интеграционной образовательной поддержки, дают характеристику социальной и этнической идентичности школьников из семей мигрантов. Диссертационное исследование Е.А. Омельченко²⁹ посвящается также актуальной проблеме интеграции детей из семей иноэтничных мигрантов в российское общество. Г.А. Шиганова, Л.П. Юздова и Т.Н. Маркова³⁰ представляют в своей статье технологии организации работы с детьми-инофонами при обучении русскому языку в начальной школе.

Обзор научных публикаций о детях из семей мигрантов показывает актуальность повышенного внимания к данной категории детей и принятия конкретных мер для устранения факторов риска социальной безопасности в принимающем обществе.

Обучающиеся из семей мигрантов: новые правила приема в российские школы

В сентябре 2023 г., т.е. в начале нового учебного года стало известно, что в одной из школ Волгоградской области учитель отказалась работать в классе, полностью состоящем из школьников из семей иностранных инокультурных граждан. Причиной отказа стала невозможность организации учебного процесса из-за языкового барьера³¹. То есть в подобной ситуации учителю, чтобы обеспечить удовлетворительный учебный процесс, надо было знать в совершенстве все родные языки своих учеников.

Необходимо отметить, что в соответствии с законом «Об образовании в РФ» в государственные образовательные организации до сентября 2025 г. школы принимали на обучение всех обучающихся, состоящих на миграционном учете без предварительного тестирования на предмет языковой адаптации. Подобные условия превращали российского учителя в заложника профессиональной деятельности с необучаемыми школьниками из семей инокультурных мигрантов. При этом задача каждого учителя – это успешная академическая успеваемость всех обучающихся вне зави-

вание: инновации и эксперимент. – 2025. – № 2 (99). – С. 23–28. – DOI: 10.36871/2306-8329_2025_99_2_23.

²⁹ Омельченко Е.А. Интеграция детей из семей иноэтничных мигрантов в российское общество (историко-этнографическое исследование на материалах системы образования): специальность 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология»: дис. ... д-ра ист. наук. – 2022. – 515 с.

³⁰ Шиганова Г.А., Юздова Л.П., Маркова Т.Н. Организация работы с детьми-инофонами при обучении русскому языку и литературному чтению в начальной школе // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2024. – № 5 (183). – С. 259–274.

³¹ СМИ: в Волгограде педагог отказалась от класса, где дети не знали русский // РИА Новости. – 02.09.2023. – URL: <https://ria.ru/20230902/shkola-1893808765.html?ysclid=mfpo73maq2236682874> (дата обращения: 16.09.2025).

симости от национальной принадлежности и социального статуса семьи. Однако для достижения образовательной цели учитель не обязан осваивать все языки, которыми владеют школьники из инокультурных семей.

Именно с этого конкретного случая в школе Волгоградской области был запущен процесс осознания масштаба деструктивной ситуации, которая стала складываться в российских школах в связи с наплывом школьников из семей инокультурных мигрантов.

В настоящее время обязательным условием для освоения российской образовательной программы стало успешное прохождение тестирования на знание русского языка. Новые правила в российских школах для обучающихся из семей мигрантов изложены на официальном сайте Министерства внутренних дел РФ (МВД России)³²: 1 апреля 2025 г. вступил в силу Федеральный закон № 544-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ “Об образовании в Российской Федерации”», который установил особые правила приема иностранных граждан на обучение в российские школы.

Приказ от 5 марта 2025 г. Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) «Об определении минимального количества баллов, подтверждающего успешное прохождение иностранными гражданами и лицами без гражданства тестирования на знание русского языка, достаточное для освоения образовательных программ начального общего, основного общего и среднего общего образования»³³. Тестирование проводится в государственных образовательных организациях. Информация о местах проведения тестирования публикуется в системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг» (ЕПГУ). Тестирование проводится в устной и письменной форме (при поступлении в первый класс только устное). Отмечается, что основанием для зачисления в школу становится успешное прохождение тестирования, а в случае низких результатов теста предлагается дополнительное обучение русскому языку. При этом повторное тестирование становится возможным только через три месяца³⁴. Важно, что к тестированию не допускаются дети нелегальных мигрантов.

Таким образом, обязательным условием становится подтверждение законности пребывания в Российской Федерации, а языковой барьер

³² Информация об основных изменениях в законодательстве Российской Федерации в сфере образования // Министерство иностранных дел России. – 03.04.2025. – URL: https://www.mid.ru/ru/useful_information/information_for_foreigners/2006816/ (дата обращения: 19.09.2025).

³³ Приказ Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 5 марта 2025 г. № 510 // Гарант.ру. – 18.03.2025. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411563585> (дата обращения: 16.09.2025).

³⁴ Информация об основных изменениях в законодательстве Российской Федерации в сфере образования // Министерство иностранных дел России. – 03.04.2025. – URL: https://www.mid.ru/ru/useful_information/information_for_foreigners/2006816/ (дата обращения: 19.09.2025).

может стать причиной отказа в приеме на обучение в российскую образовательную организацию.

По данным Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзора) 87% детей из семей мигрантов не прошли тестирование на знание русского языка для зачисления в школу в текущем учебном году³⁵. В новых условиях руководитель образовательного учреждения несет персональную ответственность за достоверность представленных документов, обучение и поведение обучающегося из семьи мигрантов. На наш взгляд, такая персональная ответственность директора школы будет способствовать оптимизации воспитательной и превентивной работы образовательной организации.

Травматические факторы миграции, связанные с вынужденной сменой места жительства ребенка

Вынужденная миграция ребенка сопряжена с определенными травматическими факторами:

– нарушение структуры привычных родственно-семейных связей (ребенок лишается поддерживающей среды в лице ближайшего социального окружения в стране исхода, например бабушек, дедушек и других близких родственников);

– смена климатических условий (в России достаточно длинный зимний период, сопряженный с некомфортными погодными условиями – морозы, гололедица и др.);

– нестабильное экономическое положение семьи, отсутствие комфортных условий проживания для отдыха и обучения приносят существенный вред физическому, психическому и социальному здоровью ребенка;

– противоречия между нормами, традициями семейного воспитания и принимающего социума способствуют социальной дезориентации и деформации личности ребенка;

– значительная социокультурная дистанция с принимающим обществом, обусловленная этнической и конфессиональной принадлежностью и проблемами языковой адаптации тормозят интеграцию в новую образовательную среду;

– низкий образовательный ресурс родителей, отсутствие поддержки в семье снижают возможность успешного освоения сложной российской школьной программы и приводят к школьной неуспешности;

– у родителей в ситуации миграции ограничено свободное время, снижается воспитательный и поддерживающий потенциал семьи во всех сферах ребенка;

³⁵ Рособрнадзор рассказал, почему школы не приняли 87% детей мигрантов // РБК. – 10.09.2025. – URL: <https://www.rbc.ru/society/10/09/2025/68c146849a7947f0d901a44b> (дата обращения: 07.09.2025).

– в условиях миграции возрастают и риски внутрисемейных конфликтов, проявления вербальной и физической агрессии, что способствует снижению родительского авторитета и приводит к закреплению устойчивых поведенческих девиаций всех членов семьи.

Очевидно, что стратегии адаптации детей из семей мигрантов зависимы, прежде всего, от адаптационного и образовательного потенциала их родителей, уровня культурной дистанции, обусловленной нормами, традициями, обычаями, ценностями в стране исхода.

Адаптация и интеграция ребенка из семьи мигрантов в принимающей стране проходит гораздо сложнее из-за множества факторов. Родители ребенка, как правило, трудоустраиваются в организации, где могут работать со своими земляками и рассчитывать на их помощь и поддержку. А ребенок погружается во множественное взаимодействие с учителями, сверстниками, работниками школы, т.е. со всеми участниками образовательных отношений. К тому же ему надо адаптироваться под требования, условия, ограничения чужой среды, чтобы избежать конфликтных ситуаций и получить удовлетворительные оценки, которые от него ожидают не только учителя, но и его родители. И при этом, как правило, необразованные родители склонны школьную неуспешность перекладывать на своего ребенка. «Я ему говорю. Я его наказываю. Я его заставляю». Примерно так выглядит родительский контроль за обучением в семьях, которые не понимают специфику обучения детей в современной школе.

В каких случаях мигранту не стоит перевозить ребенка для обучения в Россию:

– родители приезжают на сезонные и краткосрочные работы (несколько месяцев – до года);

– у семьи нет правового статуса (ребенок не будет зачислен в образовательную организацию);

– у семьи нет стабильного дохода и комфортного жилья;

– ребенок обучается в старших классах и не сможет подготовиться к основному государственному экзамену (ОГЭ как итоговой аттестации после 9 класса) или ЕГЭ (единого государственного экзамена как итоговой аттестации после 11 класса);

– родители ребенка проживают в условиях мигрантских анклавов и социальной изоляции от принимающего общества.

В рамках государственного задания Министерства просвещения РФ в 2022 г. прошло исследование проблемы агрессивного поведения в образовательной среде (общая выборка исследования – 5866 респондентов из 57 российских регионов). Анализ причин агрессивных способов взаимодействия в образовательной среде показал, что школьная неуспешность становится предиктором поведенческих девиаций, риском агрессивного преследования в сообществах образовательной организации, например классе, группе или общих групповых чатах. Обследование рисков ксенофобии проходило по анкете Р.А. Андриановой и показало, что из 128 опро-

шенных школьников 16,4% выбирают ближайшее социальное окружение своей этнической принадлежности: 9,4% стараются не общаться с представителями других этнических групп, 7,0% выбирают круг общения в зависимости от национальной или конфессиональной принадлежности, 3,1% школьников отметили, что они наблюдают отсутствие стремления к общению со стороны самих инокультурных сверстников, 10,2% российских школьников предложили «не пускать мигрантов в близкий круг общения в классе и школе»³⁶. Результаты исследования показали достаточно высокий уровень ксенофобских настроений для многонациональной и многоконфессиональной страны.

Очевидно, что дети из семей иностранных граждан с проблемами языковой адаптации находятся в группе обучающихся с особыми образовательными потребностями (ООП) и нуждаются в специальных условиях инклюзивного образования. Однако на практике в школах наблюдается дефицит специалистов для организации эффективной индивидуальной работы со всеми обучающимися. В индивидуальном психологическом сопровождении нуждаются и современные учителя, которые находятся в риске профессионального выгорания и родители школьников, которые «буквально разрываются», чтобы обеспечить семью и поддержать своих детей в процессе возрастающих учебных нагрузок, создать условия, чтобы ребенок успешно сдал ЕГЭ и поступил на бюджетное обучение, потому что платное обучение многим россиянам «не по карману». Очевидно, что в группе риска могут быть и российские школьники, которые также нуждаются в организованном индивидуальном сопровождении.

* * *

Обязательное единое тестирование состояния языковой адаптации во всех государственных российских образовательных организациях – это необходимое условие для снижения школьной неуспешности всех обучающихся. Педагоги не могут оставаться заложниками системы образования, в которой не отработан механизм работы со школьниками из семей иностранных граждан, не владеющими государственным языком Российской Федерации.

Очевидно, что полноценная языковая адаптация школьника в новом образовательном пространстве важна не только для освоения сложной российской образовательной программы, но и для психоэмоционального благополучия в новом сообществе сверстников, снижения рисков конфликтных ситуаций.

³⁶ Комплексная профилактика агрессивного поведения в образовательной среде. – Москва: Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, 2022. – 59 с.

Вероятно, необходимы целевые профилактические программы снижения рисков негативных тенденций в образовательной среде в зависимости от соотношения количества обучающихся из семей мигрантов по отношению к общей численности обучающихся.

Важным направлением становится противодействие изоляции мигрантов в своей этнической среде и противодействие формированию социально опасных сообществ, настроенных враждебно к принимающему обществу. Здесь важно понимать, что получение мигрантом российского гражданства не означает его адаптацию и интеграцию в новое социокультурное пространство. А российский паспорт у человека с недавним миграционным прошлым не показатель сформированной российской гражданской идентичности, готовности принять нормы, ценности, традиции принимающего общества, поддерживать гармоничные отношения с представителями других культур в многонациональной и многоконфессиональной стране.

В современных условиях новых вызовов и угроз необходимо повышенное внимание к истории миграции или миграционного прошлого «новоиспеченного россиянина». В связи с этим можно отметить, что опыт многих стран показывает, что особые социальные гарантии не стимулируют интеграцию мигрантов, а чаще порождают иждивенческую позицию.

Интеграция инокультурного мигранта в новое социокультурное пространство – это достаточно сложный процесс, означающий осведомленность о нормах российского законодательства, стремление принять нормы, правила, ценности, традиции принимающего общества, готовность развивать навыки межкультурных коммуникаций. Могут ли перечисленные условия сформироваться в короткий срок проживания в России для человека недостаточно образованного, без должного уровня личностных и профессиональных компетенций, который, по сути, уехал из страны исхода, потому что не был там востребован? Ответ очевиден, а нарастающие проблемы неэффективной миграционной политики требуют особого внимания и системной работы для обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации.

Список источников и литературы

1. Александр Гребенкин: экстремизм активно пытаются использовать против России // РИА Новости. – 31.03.2025. – URL: <https://ria.ru/20250331/grebenkin-2008039236.html> (дата обращения: 20.09.2025).
2. Алексейчева Е.Ю. Законодательное регулирование процесса поступления детей мигрантов в школы России // Русский язык: вызовы времени. Коллективная монография. – Москва: ИКД «Зерцало-М», 2024. – С. 118–123.

3. Андреева А.С., Иванова Н.С., Варшавер Е.А. Являются ли Котельники этномиграционным анклавом? Кейс-стади города-спутника Москвы на предмет этномиграционных характеристик его жителей // Городские исследования и практики. – 2020. – Т. 5, № 4. – С. 54–72. – DOI: 10.17323/usp54202054-72.
4. Андрианова Р.А. Буллинг и ксенофобия в образовательной среде: проблемное поле и превентивный ресурс. – Москва: Издательство «Саратовский источник», 2023. – 187 с.
5. Андрианова Р.А., Ковалева А.В. Формирование гражданской идентичности мигрантов как условие нейтрализации рисков деструктивного поведения // Известия Российской академии образования. – 2024. – № 1 (65). – С. 183–196. – DOI: 10.51944/20738498_2024_1_183.
6. В Совбезе оценили риски возникновения замкнутых мигрантских анклавов // РИА Новости. – 31.03.2025. – URL: <https://ria.ru/20250331/migranty-2008356069.html> (дата обращения: 20.09.2025).
7. Григорьева К.С., Эндрюшко А.А. Доступ мигрантов к жилью в России: методика оценки и результаты экспериментального исследования // Вестник Института социологии. – 2021. – Т. 12, № 4. – С. 29–41. – DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.748.
8. Екимова В.И., Зимица В.И., Орлова Е.А. Этническая и социальная идентичность подростков в условиях миграции // Социальная психология и общество. – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 116–135. – DOI: 10.17759/sps.2025160208.
9. Заработал сервис МВД по проверке нелегальных мигрантов // Актион. – 07.02.2025. – URL: <https://www.rnk.ru/news/223356-novyuy-servis-ot-mvd-po-proverke-nelegalnyh-migrantov> (дата обращения: 20.09.2025).
10. Информация об основных изменениях в законодательстве Российской Федерации в сфере образования // Министерство иностранных дел России. – 2025. – URL: https://www.mid.ru/ru/useful_information/information_for_foreigners/2006816/ (дата обращения: 19.09.2025).
11. Комплексная профилактика агрессивного поведения в образовательной среде. – Москва: Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, 2022. – 364 с.
12. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. (утв. Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622) // Президент России. – 2018. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43709> (дата обращения: 15.09.2025).
13. Лепшокова З.Х., Татарко А.Н. Адаптация и модификация методики аккультурационных ожиданий Джона Берри // Социальная психология и общество. – 2017. – Т. 8, № 3. – С. 125–146. – DOI: 10.17759/sps.2017080310.
14. Морозова И.Г. Дети мигрантов в российской образовательной среде: актуальные проблемы социокультурной адаптации и способы их решения // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. – 2025. – № 2 (99). – С. 23–28. – DOI: 10.36871/2306-8329_2025_99_2_23.
15. Мукомель В.И. Миграционная ситуация и мигранты в восприятии россиян // Вестник Российской нации. – 2021. – № 1–2. – С. 53–68.

16. Научная электронная библиотека // Elibrary.ru. – URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp?> (дата обращения: 21.09.2025).
17. О внесении изменения в статью 8 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Президент России. – 2024. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51465> (дата обращения: 17.09.2025).
18. Омельченко Е.А. Интеграция детей из семей иноэтничных мигрантов в российское общество (историко-этнографическое исследование на материалах системы образования): специальность 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология»: дис. ... д-ра ист. наук. – 2022. – 515 с.
19. Подписан закон об обязательной постановке на воинский учет граждан, получивших российское гражданство // Президент России. – 2024. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/74766> (дата обращения: 20.09.2025).
20. Приказ Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 5 марта 2025 г. № 510 // Гарант.ру. – 2025. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411563585/> (дата обращения: 16.09.2025).
21. Решетников заявил о переходе России к модели возвратной миграции // Российская газета. – 17.09.2025. – URL: <https://rg.ru/2025/09/17/reshetnikov-zaiavil-o-perehode-rossii-k-modeli-vozvratnoj-migracii.html> (дата обращения: 10.09.2025).
22. Рособннадзор рассказал, почему школы не приняли 87% детей мигрантов // РБК. – 10.09.2025. – URL: <https://www.rbc.ru/society/10/09/2025/68c146849a7947f0d901a44b> (дата обращения: 07.09.2025).
23. СМИ: в Волгограде педагог отказалась от класса, где дети не знали русский // РИА Новости. – 02.09.2023. – URL: <https://ria.ru/20230902/shkola-1893808765.html> (дата обращения: 16.09.2025).
24. Смирнова М.А. Дети мигрантов в России: потребность в интеграционной образовательной поддержке // Демографическое обозрение. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 81–103. – DOI: 10.17323/demreview.v11i1.20933.
25. Социогуманитарные основы противодействия экстремизму в молодежной среде / под ред. Пузанова Ж.В. – Москва: Российский университет дружбы народов, 2022. – 305 с.
26. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400) // Президент России. – 2021. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 17.09.2025).
27. Толмачева А.Ю. Семьи мигрантов из постсоветских государств: между родиной и Россией // Вестник Института социологии. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 49–69. – DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.830.
28. Тонких Е.В., Пешкова В.М. Рождаемость среди мигрантов из стран Центральной Азии в России: региональный аспект // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 1 (201). – С. 49–56. – DOI: 10.24158/tpor.2025.1.5.
29. Упрощенный порядок получения гражданства РФ // Госуслуги. – URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/docs_military/254340 (дата обращения: 12.09.2025).

30. Федеральный закон от 28.04.2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Президент России. – 2023. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49216> (дата обращения: 11.09.2025).
31. Шиганова Г.А., Юздова Л.П., Маркова Т.Н. Организация работы с детьми-инофонами при обучении русскому языку и литературному чтению в начальной школе // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2024. – № 5 (183). – С. 259–274.
32. Шустов А.В. Этнические миграции, формирование анклавов и этнополитические риски в столичном регионе России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2025. – Т. 27, № 2. – С. 378–397. – DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-2-378-397.

РОЛЬ ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ ЕАЭС

БЛУДОВА Светлана Николаевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики
и таможенной статистики Российской таможенной академии

E-mail: s.bludova@customs-academy.ru

SPIN-код: 2332-7075

МАРТЫНОВА Татьяна Константиновна

студентка Российской таможенной академии

E-mail: martynova294@gmail.com

Для цитирования: *Блудова С.Н., Мартынова Т.К.* Роль таможенного регулирования в функционировании транспортных коридоров ЕАЭС // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 4 (12). – С. 61–72. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.04.

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию ключевой роли таможенного регулирования в обеспечении эффективности и конкурентоспособности транспортных коридоров Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в условиях глобальной турбулентности и санкционного давления. В работе детально рассматриваются функции таможенного регулирования, его прямое влияние на логистические показатели (скорость, стоимость, предсказуемость), а также проводится анализ количественных данных, включая Индекс эффективности логистики (LPI) Всемирного банка и новые Big Data-индикаторы, выявляющие узкие места. Особое внимание уделяется выработке стратегических решений, направленных на гармонизацию процедур, глубокую цифровизацию и создание наднациональной системы мониторинга на основе «цифровых двойников» для перехода к управлению.

Ключевые слова: таможенное регулирование, транспортные коридоры ЕАЭС, логистика, таможенные процедуры, цифровизация, международные перевозки, интеграция.

Role of Customs Regulation in Functioning of EAEU Transport Corridors

Svetlana N. BLUDOVA

PhD in Economics, Associate Professor, Department of World Economy
and Customs Statistics, Russian Customs Academy

E-mail: s.bludova@customs-academy.ru

SPIN-code: 2332-7075

Tatiana K. MARTYNOVA

Student, Russian Customs Academy

E-mail: martynova294@gmail.com

For citation: Bludova S.N., Martynova T.K. (2025). Role of Customs Regulation in Functioning of EAEU Transport Corridors. *Middle and Post-Soviet East*, no. 4 (12), pp. 61–72. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.04.

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the key role of customs regulation in ensuring the efficiency and competitiveness of the transport corridors of the Eurasian Economic Union (EAEU) in the context of global turbulence and sanctions pressure. The paper examines in detail the functions of customs regulation, its direct impact on logistics indicators (speed, cost, predictability), and analyzes quantitative data, including the Logistics Performance Index (LPI) The World Bank and new Big Data indicators that identify bottlenecks. Special attention is paid to the development of strategic solutions aimed at harmonizing procedures, deep digitalization and the creation of a supranational monitoring system based on “digital twins” for the transition to management.

Keywords: customs regulation, EAEU transport corridors, logistics, customs procedures, digitalization, international transportation, integration.

В современном мире, характеризующемся растущей взаимозависимостью и глобализацией экономических процессов, транспортные коридоры играют ключевую роль в обеспечении бесперебойного и эффективного движения товаров между странами и регионами. Как отмечает П. Ханна, «Связанность – это судьба», и именно транспортные коридоры выступают материальным воплощением этой взаимосвязанности, формируя новый цивилизационный облик, основанный на всеобщем и нераздельном пространстве¹. Транспортные коридоры представляют собой результат качественно нового уровня связанности глобального пространства. Они агрегируют новые технологии мульти- и интермодальности, комплексного транспортно-экспедиционного обслуживания и управления транспортными потоками. В контексте Евразийского экономического союза (ЕАЭС), развитие и эффективное функционирование транспортных коридоров имеет

¹ Егоров В.Г. Геополитика транспортных коридоров: монография. – Рязань: РГУ им. С.А. Есенина, 2022. – С. 45.

особое значение для укрепления интеграционных связей, повышения конкурентоспособности экономик стран-участниц и расширения их участия в международной торговле. Однако реализация этого потенциала во многом зависит от эффективности таможенного регулирования, которое является неотъемлемым элементом функционирования любого транспортного коридора.

Транспортные коридоры, как сложные и многогранные структуры, можно классифицировать по различным критериям, в первую очередь по масштабу охватываемых территорий и вовлеченных субъектов. В зависимости от этого критерия выделяют национальные (внутренние), региональные и международные транспортные коридоры.

Национальные транспортные коридоры играют ключевую роль в реализации стратегий внутреннего развития государства. Они призваны стимулировать экономический рост за счет освоения природных ресурсов, формирования единого рынка труда и сбыта, а также способствовать повышению качества жизни населения и обеспечению национального суверенитета². Примером может служить Северный морской путь, проходящий через арктические моря России и открывающий возможности для развития северных регионов.

Региональные транспортные коридоры ориентированы на обеспечение эффективного сообщения в пределах отдельных регионов. Ярким примером служит Трансъевропейская транспортная сеть (TEN-T) в Европейском союзе, которая функционирует параллельно с другими европейскими коридорами³. Эти коридоры способствуют интеграции и сплочению пространства ЕС, а также укрепляют экономические связи между странами-членами. Региональный характер также носят коридоры «Приморье-1» и «Приморье-2», связывающие российский Дальний Восток с портами стран Юго-Восточной Азии⁴. Важно отметить катализирующее влияние региональных ТК на рост интеграционного потенциала, который может перерасти и в политическое взаимодействие.

Международные транспортные коридоры – это глобальные артерии, обеспечивающие оптимальные направления сообщения в мировом масштабе. Однако, как подчеркивается в исследованиях, развитие международных транспортных коридоров подвержено влиянию геополитических факторов и конкуренции между мировыми центрами⁵. Стремление к кон-

² Козлов Т.Л. Транспортная стратегия Российской Федерации: национальные аспекты развития // Транспорт России. – 2020. – № 3. – С. 67.

³ Петров К.А. Альтернативные транспортные маршруты в Евразии: вызовы и возможности // Логистика и управление цепями поставок. – 2022. – № 4 (87). – С. 12.

⁴ Васильев М.П. Региональные транспортные коридоры Дальнего Востока: проблемы и перспективы // Экономика региона. – 2021. – № 2. – С. 89.

⁵ Егоров В.Г. Геополитика транспортных коридоров: монография. – Рязань: РГУ им. С.А. Есенина, 2022. – С. 78.

тролю над стратегически важными территориями может приводить к ограничению доступа для стран с политической позицией, не совпадающей с доминирующими государствами. В контексте политической конкуренции возникают альтернативные транзитные маршруты, такие как Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ), хотя его эффективность и альтернативность традиционным направлениям коридора «Восток – Запад» остаются предметом дискуссий⁶. Следует подчеркнуть, что структурирование транспортных коридоров по уровням носит условный характер. Коридоры не являются статичными и могут интегрироваться в системы более высокого уровня. Более того, функционирование коридоров даже в рамках ограниченной территории расширяет потенциал трансрегиональных и международных коммуникационных систем. Именно этот динамичный характер транспортных коридоров и их роль в глобальной экономике побуждают нас к дальнейшему исследованию роли таможенного регулирования в их эффективном функционировании, особенно в рамках ЕАЭС.

Роль таможенного регулирования в международной торговле чрезвычайно важна. Таможенное регулирование выполняет ключевые функции, такие как фискальная (обеспечение поступления таможенных платежей в государственный бюджет), защитная (защита внутреннего рынка от недобросовестной конкуренции и контрафактной продукции), контрольная (контроль за перемещением товаров через таможенную границу) и содействие развитию торговли (создание благоприятных условий для участников ВЭД)⁷. Эффективное таможенное регулирование способствует упрощению процедур торговли, снижению издержек и повышению прозрачности, что, в свою очередь, стимулирует экономический рост и развитие международной торговли.

В ЕАЭС действует единая таможенная территория, что подразумевает унификацию таможенных правил и процедур между странами-участниками. Основным нормативным актом, регулирующим таможенные отношения в ЕАЭС, является Таможенный кодекс ЕАЭС. Этот документ устанавливает единые правила таможенного оформления, таможенного контроля, определения таможенной стоимости товаров и уплаты таможенных платежей. Кроме того, в рамках ЕАЭС действуют многочисленные соглашения и решения, направленные на гармонизацию таможенного законодательства и упрощение процедур таможенного администрирования. В частности, осуществляется свободное передвижение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также обеспечивается осуществление

⁶ Петров К.А. Альтернативные транспортные маршруты в Евразии: вызовы и возможности // Логистика и управление цепями поставок. – 2022. – № 4 (87). – С. 112.

⁷ Смирнов А.В. Таможенное регулирование в системе международной торговли. – Москва: Инфра-М, 2021. – С. 34.

единой политики в ряде секторов экономики, включая таможенное регулирование⁸.

Взаимосвязь таможенного регулирования и развития транспортных коридоров является прямой и непосредственной. Эффективное таможенное регулирование является необходимым условием для бесперебойного и быстрого перемещения товаров по транспортным коридорам. Упрощение таможенных процедур, снижение времени таможенного оформления и применение современных информационных технологий позволяют сократить издержки и повысить привлекательность транспортных коридоров для участников ВЭД. В свою очередь, развитие транспортных коридоров способствует увеличению объемов торговли и, как следствие, увеличению поступлений таможенных платежей в бюджет. В рамках ЕАЭС, учитывая отсутствие общей границы между всеми государствами-членами, особое значение приобретает таможенная процедура «Таможенный транзит», позволяющая перемещать товары по территориям государств-членов без применения таможенной декларации и государственного контроля (за исключением таможенного транзита)⁹.

Таможенное регулирование является одним из ключевых элементов, определяющих эффективность и конкурентоспособность международных транспортных коридоров (МТК) на пространстве Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Его роль выходит далеко за рамки простого фискального контроля, трансформируясь в комплексный инструмент, который напрямую влияет на логистическую привлекательность маршрута, скорость доставки грузов и, в конечном итоге, на экономическую интеграцию всего макрорегиона.

Основные роли таможенного регулирования включают в себя несколько ключевых аспектов. Во-первых, это обеспечение беспрепятственного транзита, что достигается путем создания прозрачных и предсказуемых правил транзита через территории государств – членов ЕАЭС, что особенно важно для привлекательности коридоров «Восток – Запад» и «Север – Юг», стремясь к минимизации остановок и административных барьеров для грузов, следующих транзитом. Во-вторых, большое значение имеет балансировка грузопотоков, учитывая существующий дисбаланс в направлениях перевозок, где гибкое таможенное регулирование и упрощенные процедуры для экспортно-импортных операций могут стимулировать увеличение грузопотоков в менее загруженном направлении, например, с Запада на Восток для повышения общей рентабельности инфраструктуры. В-третьих, таможенное регулирование играет роль в стимулировании экспорта и импорта, напрямую способствуя росту взаимной и внешней

⁸ Евразийская экономическая комиссия. Таможенное регулирование в ЕАЭС: основные принципы и практика реализации. – Москва: ЕЭК, 2022. – С. 91.

⁹ Григорьева Е.А. Таможенный транзит в ЕАЭС: правовые аспекты и практика применения // Таможенное дело. – 2022. – № 4. – С. 45.

торговли за счет упрощения и ускорения таможенных процедур для товаров, произведенных в государствах – членах ЕАЭС. В-четвертых, несмотря на акцент на упрощение, таможенные органы обеспечивают безопасность и законность, оставаясь барьером на пути нелегального товарооборота и контрабанды, что требует нахождения баланса между контролем и скоростью. И, наконец, в-пятых, современное таможенное регулирование невозможно представить без интеграции в цифровую экосистему, где внедрение электронного документооборота, предварительного информирования, электронных транзитных деклараций и систем прослеживаемости грузов играет критически важную роль в сокращении времени прохождения границ¹⁰.

Анализ влияния таможенного регулирования на скорость и стоимость перемещения товаров выявляет, что «мягкие» ограничения, в частности таможенные процедуры, нередко становятся более значимым барьером, чем «жесткие» ограничения, такие как состояние инфраструктуры. Влияние на скорость проявляется в длительном времени прохождения границ, сверхнормативных простоях контейнеров, которые могут достигать 10 и более часов, а иногда и нескольких суток, что снижает конкурентоспособность сухопутного коридора по сравнению с морским. Также существенное влияние оказывает несогласованность процедур между таможенными службами разных стран, приводящая к многократным проверкам и переоформлению документов, а отсутствие взаимного признания таможенного контроля на внешних границах ЕАЭС ведет к дублированию функций и задержкам. Кроме того, бумажный документооборот и необходимость физического предъявления груза для досмотра создают «узкие места», и переход на единую электронную накладную ЦИМ/СМГС мог бы решить эту проблему. Анализ актуальных данных показывает, что, несмотря на работу в рамках «единого окна» и цифровизации, среднее время прохождения границ на ключевых переходах может колебаться от нескольких часов до суток в периоды пиковой нагрузки, что указывает на недостаточную эффективность существующих механизмов.

Влияние на стоимость обусловлено прямыми финансовыми издержками, связанными с задержками грузов, платой за простой вагонов и контейнеров, расходами на содержание персонала и процентами по кредитам на замороженный в пути товар. Непрозрачность и непредсказуемость сроков таможенного оформления вынуждают участников ВЭД закладывать в стоимость перевозки дополнительные риски и финансовые буферы, делая тарифы менее конкурентоспособными. Административные затраты на содержание специалистов по таможенному оформлению и консультационные услуги также увеличивают накладные расходы, а требования различных видов контроля, осуществляемых на границе, приводят к затратам

¹⁰ Иванова О.Н. Цифровая трансформация таможенных процессов: мировой опыт и практика ЕАЭС // Таможенная политика. – 2023. – № 1. – С. 56.

на получение сертификатов и проведение досмотров. В современном контексте санкционное давление на Россию и Белоруссию внесло дополнительные сложности, усложнив международные платежи и страхование грузов, что привело к росту логистических рисков и стоимости перевозки по коридорам, проходящим через ЕАЭС, и обострило необходимость создания внутренних, независимых и отлаженных таможенно-логистических цепочек¹¹.

Эффективность таможенного регулирования в транспортных коридорах ЕАЭС оценивается по скорости, предсказуемости и стоимости декларирования, досмотра и выпуска товаров. Декларирование значительно ускорилось благодаря обязательному электронному декларированию, при этом более 99% деклараций в РФ подаются в электронном виде, а доля автоматически выпускаемых деклараций достигает 40–50% для «беспроблемных» участников ВЭД. Однако предоставление дополнительных документов может замедлить процесс. Досмотр остается наиболее ресурсоемкой процедурой, где эффективность зависит от оснащенности пунктов пропуска современной техникой, особенно в коридорах «Восток – Запад», в то время как в коридоре «Север – Юг» оснащенность хуже. Выпуск товаров, согласно Таможенному кодексу ЕАЭС, должен занимать до 4 часов, но может быть приостановлен на срок до 10 дней при дополнительном контроле. Среди проблем остаются актуальными длительность таможенных процедур, очереди на границах, большой объем требуемых документов, различия в подходах к контролю и коррупционные риски. Цифровизация, включая электронное декларирование, систему управления рисками (СУР) и автоматизированные системы контроля, такие как инспекционно-досмотровые комплексы (ИДК) и технологии прослеживаемости, значительно повышает эффективность таможенного регулирования, сокращая время досмотра, повышая эффективность выявления контрабанды и минимизируя человеческий фактор¹².

Таким образом, таможенное регулирование выступает системообразующим элементом транспортных коридоров ЕАЭС, напрямую влияя на их пропускную способность, предсказуемость и экономическую привлекательность. Однако в условиях глобальной турбулентности и роста требований к устойчивости логистических цепочек традиционных показателей эффективности (таких как общие объемы грузоперевозок) становится недостаточно. На первый план выходят качественные параметры: скорость, надежность и прозрачность всего цикла движения товара.

В этом контексте особую ценность представляют новые инструменты оценки, позволяющие проводить точечную диагностику узких мест.

¹¹ Орлов Д.С. Влияние санкций на логистику ЕАЭС: новые вызовы и возможности // Внешнеэкономический бюллетень. – 2023. – № 1. – С. 112.

¹² World Bank. Connecting to Compete 2023: Trade Logistics in the Global Economy. – Washington: World Bank Publications, 2023. – С. 123.

Как раз такие инструменты были недавно представлены Всемирным банком в отчете «Connecting to Compete 2023». Публикация новых индикаторов отслеживания цепочек поставок, основанных на анализе больших данных из миллионов реальных грузоперевозок, знаменует собой переход от макростатистики к прецизионному измерению логистических процессов.

Данные открывают для ЕАЭС уникальные возможности, позволяя: во-первых, количественно оценить эффективность таможенного администрирования, опираясь на объективные данные о времени простоя контейнеров (например, данные TradeLens), а не на отчетность самих ведомств; во-вторых, сравнить корреляцию между внедрением цифровых «окон» (таких как «Единое окно» ЕАЭС и предварительное информирование) и реальным сокращением времени выполнения заказов на конкретных коридорах, например «Западная Европа – Западный Китай»; в-третьих, выявить дисбалансы в развитии логистической инфраструктуры, анализируя показатели связности и количество международных стыковок для ключевых узлов ЕАЭС (порты Балтии, железнодорожные хабы в Казахстане, аэропорты России и Белоруссии)¹³.

Эффективное функционирование транспортных коридоров на пространстве Евразийского экономического союза (ЕАЭС) является ключевым условием для достижения стратегических целей экономической интеграции, обеспечения конкурентоспособности и устойчивого роста государств-членов. В этой сложной системе таможенное регулирование выступает не просто административным барьером, который необходимо преодолеть, а системообразующим элементом, напрямую определяющим скорость, стоимость и предсказуемость движения товаров. Качество таможенного администрирования либо создает условия для бесшовной логистики, либо становится критическим узким местом, сводя на нет инвестиции в инфраструктуру и развитие транспорта.

В условиях глобальной турбулентности и роста требований к устойчивости цепочек поставок традиционных показателей эффективности (таких как общие объемы грузоперевозок) становится недостаточно. На первый план выходят качественные параметры: скорость, надежность и прозрачность всего цикла движения товара. Именно эти аспекты оказались в фокусе внимания Всемирного банка, который в 2023 г. представил новые углубленные индикаторы отслеживания цепочек поставок в рамках отчета «Connecting to Compete 2023». Эти показатели, основанные на анализе больших данных из миллионов реальных операций, позволяют перейти от макростатистики к прецизионной диагностике логистических процессов. Для ЕАЭС их анализ в контексте таможенного регулирования открывает уникальные возможности для выявления проблем и выработки конкретных решений.

¹³ Соколов П.В. Цифровизация таможенных услуг: опыт ЕАЭС и международные тенденции // Таможенная служба. – 2023. – № 2. – С. 78.

Наиболее комплексной международной оценкой качества логистики является Индекс эффективности логистики (LPI) Всемирного банка. Он оценивает страны по шести ключевым критериям по шкале от 1 (худший результат) до 5 (лучший результат), а также присваивает им место в общем глобальном рейтинге. Анализ данных LPI за последние три цикла (2018, 2020 и 2023 гг.) для стран ЕАЭС выявляет ряд тревожных и показательных тенденций.

Российская Федерация, являясь крупнейшей экономикой Союза, демонстрирует высокую устойчивость, но и признаки стагнации. Ее общий балл LPI стабильно составляет 2,7 балла из 5 возможных. При этом ее позиция в глобальном рейтинге за пять лет ухудшилась, опустившись с 75-го места в 2018 и 2020 гг. до 87-го места в 2023 г. Все компоненты индекса, включая «Таможню» (2,5 балла), «Инфраструктуру» (2,6 балла) и «Логистическую компетентность» (2,7 балла), остаются неизменными. Это свидетельствует о том, что система не деградирует, но и не развивается темпами, достаточными для опережения других стран мира.

Схожая ситуация наблюдается у Казахстана. При сохранении общего балла на уровне 2,7 в 2023 г., страна также демонстрирует отрицательную динамику в рейтинге, опустившись с 71-го места в 2018 г. до 83-го места в 2023 г. Это указывает на то, что даже при сохранении абсолютных показателей относительная конкурентоспособность логистической системы Казахстана снижается.

Наиболее резкая негативная динамика характерна для Белоруссии. Всего за два года между отчетами 2020 и 2023 страна пережила обвальное падение по всем компонентам. Общий балл LPI снизился с 2,8 до 2,5 балла, а позиция в рейтинге рухнула с 73-го на 99-е место. Оценка качества таможенного администрирования («Таможня») упала с 2,6 до 2,3 балла. Это наглядная иллюстрация того, как геополитические факторы и санкционное давление могут мгновенно разрушить логистические достижения предыдущих лет.

Киргизия и Армения, как менее развитые экономики Союза, традиционно занимают более низкие позиции. Киргизия с общим баллом 2,4 находится на 108-м месте в 2023 г., демонстрирует стагнацию. Ее самые слабые компоненты – «Таможня» (2,2 балла) и «Международные перевозки» (2,2 балла). Армения, напротив, при таком же низком абсолютном балле (2,3 балла), показывает уверенную положительную динамику в рейтинге, поднявшись со 123-го места в 2018 г. до 114-го места в 2023 г. Это доказывает, что даже небольшие, но последовательные улучшения дают положительный эффект.

Главный вывод из анализа LPI заключается в том, что таможенное регулирование остается самым слабым звеном логистической системы ЕАЭС. Во всех странах Союза, за исключением России с ее стабильно средней оценкой, именно компонент «Таможня» показывает наихудшие результаты. Низкие баллы по критерию «Инфраструктура» (в среднем

2,3–2,6 балла по странам) подтверждают необходимость инвестиций, однако именно таможенные процедуры являются тем барьером, который обесценивает эти инвестиции, создавая задержки и непредсказуемость.

Новые индикаторы, представленные в 2023 г., основаны на анализе миллионов международных перемещений контейнеров (данные Marine Traffic, MDS Transmodal и TradeLens), авиагрузов (данные Cargo IQ) и почтовых отправок (данные Всемирного почтового союза). В отличие от LPI, основанного на опросах, эти метрики измеряют конкретные параметры, такие как время ожидания (задержки в портах и терминалах), время выполнения заказа по коридорам (разница во времени между транспортными событиями) и связность (количество международных стыковок и доступных маршрутов). Для ЕАЭС эти данные предоставляют бесценный диагностический инструмент, позволяющий количественно измерить эффективность таможенных технологий (цифровые сервисы должны сокращать время простоя контейнеров) и выявлять дисбалансы внутри Союза (задержки на внутренних границах потребуют точечной работы с пунктами пропуска). Кроме того, они позволяют сравнить конкурентоспособность коридоров ЕАЭС с альтернативными маршрутами, анализируя время выполнения заказов¹⁴.

Анализ данных LPI и новых индикаторов однозначно указывает на то, что гармонизация таможенного регулирования является приоритетом для развития транспортных коридоров ЕАЭС, без которого инвестиции в инфраструктуру не приведут к росту конкурентоспособности. В качестве стратегических шагов предлагается создание наднациональной системы мониторинга на основе аналогичных индикаторов (внедрение «цифровых двойников» коридоров), смещение фокуса с формального соблюдения процедур на их практический результат (ключевой KPI – время прохождения груза через границу) и глубокая цифровизация с взаимным признанием таможенных контрольных мероприятий (исключение повторных досмотров на внутренних границах)¹⁵.

Переход к управлению на основе объективных данных (data-driven governance) и концентрация на устранении «узкого места» – таможенных процедур, позволит транспортным коридорам ЕАЭС раскрыть свой полный потенциал и стать конкурентоспособными артериями глобальной торговли.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что таможенное регулирование является системообразующим элементом, от которого напрямую зависит эффективность функционирования транспортных коридоров ЕАЭС. Несмотря на создание единой таможенной территории и

¹⁴ Николаева К.В. Big data в логистике: анализ транспортных коридоров ЕАЭС // Информационные технологии в бизнесе. – 2022. – № 5. – С. 134.

¹⁵ Соколов П.В. Цифровизация таможенных услуг: опыт ЕАЭС и международные тенденции // Таможенная служба. – 2023. – № 2. – С. 156.

гармонизацию законодательства в рамках Союза, сохраняются значительные вызовы, препятствующие реализации всего потенциала международных перевозок.

Данные Индекса эффективности логистики (LPI)¹⁶ Всемирного банка за 2018–2023 гг. демонстрируют тревожные тенденции. Общая стагнация показателей России (общий балл 2,7; падение в рейтинге с 75-го на 87-е место) и Казахстана (падении с 71-го на 83-е место при балле 2,7) указывает на то, что страны Союза не успевают за глобальными темпами улучшения логистических систем. Наиболее показательным является резкий регресс Белоруссии, чей рейтинг рухнул с 73-го на 99-е место, а оценка таможенного администрирования снизилась с 2,6 до 2,3 балла, что наглядно иллюстрирует разрушительное влияние геополитических факторов на логистические цепочки.

Ключевой проблемой, идентифицированной во всех странах ЕАЭС (за исключением России со стабильно средней оценкой), остается низкая эффективность таможенных процедур. Именно компонент «Таможня» показывает наихудшие результаты, выступая главным барьером на пути создания бесшовного логистического пространства. Низкие оценки инфраструктуры (в среднем 2,3–2,6 балла) подтверждают необходимость инвестиций, однако именно таможенные задержки нивелируют их эффект, создавая непредсказуемость и увеличивая стоимость перевозок.

Внедрение новых инструментов измерения на основе больших данных (например, платформ TradeLens, Marine Traffic), представленных Всемирным банком, открывает новые возможности для точной диагностики узких мест. Эти индикаторы, измеряющие время простоя контейнеров, время выполнения заказов по коридорам и связность маршрутов, позволяют перейти от субъективных оценок к объективному data-driven управлению.

* * *

Для решения выявленных проблем требуется комплексный подход. Во-первых, необходимо создать наднациональную систему мониторинга транспортных коридоров ЕАЭС, основанную на данных в реальном времени, представляющих собой «цифровые двойники» этих коридоров. Во-вторых, следует изменить ключевые показатели эффективности таможенных служб, отдавая приоритет не формальному соблюдению процедур, а фактической скорости прохождения грузов, измеряемой в часах. В-третьих, требуется глубокая цифровизация и взаимное признание результатов таможенного контроля на внутренних границах ЕАЭС, чтобы избежать дублирования проверок. В-четвертых, необходимо развивать

¹⁶ World Bank. International LPI Tracking Data // The World Bank Group. – 2023. – URL: <https://lpi.worldbank.org/international/tracking-data> (дата обращения: 12.03.2025).

логистическую инфраструктуру, особенно в направлении «Север – Юг», одновременно интегрируя цифровые таможенные технологии. Только переход к управлению, основанному на данных, и преодоление фрагментации таможенного администрирования позволят транспортным коридорам ЕАЭС стать конкурентоспособными и устойчивыми звеньями глобальной торговли, способными отвечать вызовам современной геоэкономической обстановки.

Список источников и литературы

1. Васильев М.П. Региональные транспортные коридоры Дальнего Востока: проблемы и перспективы // Экономика региона. – 2021. – № 2. – С. 85–94.
2. Григорьева Е.А. Таможенный транзит в ЕАЭС: правовые аспекты и практика применения // Таможенное дело. – 2022. – № 4. – С. 42–49.
3. Евразийская экономическая комиссия. Таможенное регулирование в ЕАЭС: основные принципы и практика реализации. – Москва: ЕЭК, 2022. – 312 с.
4. Егоров В.Г. Геополитика транспортных коридоров: монография. – Рязань: РГУ им. С.А. Есенина, 2022. – 234 с.
5. Иванова О.Н. Цифровая трансформация таможенных процессов: мировой опыт и практика ЕАЭС // Таможенная политика. – 2023. – № 1. – С. 54–68.
6. Козлов Т.Л. Транспортная стратегия Российской Федерации: национальные аспекты развития // Транспорт России. – 2020. – № 3. – С. 65–72.
7. Николаева К.В. Big data в логистике: анализ транспортных коридоров ЕАЭС // Информационные технологии в бизнесе. – 2022. – № 5. – С. 132–139.
8. Орлов Д.С. Влияние санкций на логистику ЕАЭС: новые вызовы и возможности // Внешнеэкономический бюллетень. – 2023. – № 1. – С. 108–117.
9. Петров К.А. Альтернативные транспортные маршруты в Евразии: вызовы и возможности // Логистика и управление цепями поставок. – 2022. – № 4 (87). – С. 110–125.
10. Смирнов А.В. Таможенное регулирование в системе международной торговли. – Москва: Инфра-М, 2021. – 187 с.
11. Соколов П.В. Цифровизация таможенных услуг: опыт ЕАЭС и международные тенденции // Таможенная служба. – 2023. – № 2. – С. 152–160.
12. World Bank. Connecting to Compete 2023: Trade Logistics in the Global Economy. – Washington: World Bank Publications, 2023. – 215 p.
13. World Bank. International LPI Tracking Data // The World Bank Group. – 2023. – URL: <https://lpi.worldbank.org/international/tracking-data> (дата обращения: 12.03.2025).

СИРИЙСКИЙ КОНФЛИКТ КАК «ШАХМАТНАЯ ДОСКА» ТУРЕЦКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

КРЫЛОВ Данила Сергеевич

кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

E-mail: danila-krylov@yandex.ru

SPIN-код: 5422-5163

ORCID: 0000-0003-1982-4678

ЧИНЮК Артем Геннадьевич

студент Дипломатической академии

Министерства иностранных дел Российской Федерации

E-mail: 9531823595al@gmail.com

ORCID: 0009-0002-7690-9969

Для цитирования: *Крылов Д.С., Чинюк А.Г.* Сирийский конфликт как «шахматная доска» турецкой внешней политики // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 4 (12). – С. 73–83. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.05.

Аннотация. В статье проведен анализ взаимосвязи между внутренней и внешней политикой Турецкой Республики в контексте сирийского конфликта и трансформации ближневосточной подсистемы международных отношений. Особое внимание уделено стратегии Анкары, включающей использование внешних конфликтов для внутривосточной консолидации. Рассмотрены последствия турецких военных операций в Сирии, особенности взаимодействия с различными негосударственными акторами, включая «Хайят Тахрир аш-Шам»*, а также влияние пост-Асадовской конфигурации власти на региональный баланс сил. Выявлено, что использование сирийского трека в качестве политического «гамбита» привело к усилению структурных противоречий внутри самой Турции: росту экономического давления, миграционного кризиса и этнополитической фрагментации. Сделан вывод о двойственности стратегических достижений Анкары: краткосрочные успехи на внешнем направлении обернулись долгосрочными издержками для внутренней стабильности.

Ключевые слова: Турция, Сирия, сирийский конфликт, ближневосточная безопасность, региональное лидерство, внешняя политика, курдский вопрос.

Syrian Conflict as “Chessboard” of Turkish Foreign Policy

Danila S. KRYLOV

PhD in Political Science, Research Fellow of the Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

E-mail: danila-krylov@yandex.ru

SPIN-code: 5422-5163

ORCID: 0000-0003-1982-4678

Artyom G. CHINIUK

Student, Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs

E-mail: 9531823595al@gmail.com

ORCID: 0009-0002-7690-9969

For citation: Krylov D.S., Chiniuk A.G. (2025). Syrian Conflict as “Chessboard” of Turkish Foreign Policy. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4(12), pp. 73–83. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.05.

Abstract. The article analyses the relationship between the domestic and foreign policies of the Republic of Turkey in the context of the Syrian conflict and the transformation of the Middle Eastern subsystem of international relations. Particular attention is paid to Ankara’s strategy, which includes the use of external conflicts for domestic political consolidation. The consequences of Turkish military operations in Syria, the peculiarities of interaction with various non-state actors, including Hayat Tahrir al-Sham*, and the impact of the post-Assad power configuration on the regional balance of power are examined. It is revealed that the use of the Syrian track as a political gambit has led to an intensification of structural contradictions within Turkey itself: increased economic pressure, a migration crisis, and ethno-political fragmentation. The conclusion is drawn that Ankara’s strategic achievements are dual in nature: short-term successes in foreign policy have resulted in long-term costs for internal stability.

Keywords: Turkey, Syria, Syrian conflict, Middle East security, regional leadership, foreign policy, Kurdish issue.

На протяжении последних десятилетий внутренняя и внешняя политика Турецкой Республики формировалась в рамках процесса трансформации полицентричной мировой системы, роста политической нестабильности на Ближнем Востоке и затяжных региональных кризисов. В этих условиях Анкара последовательно стремится закрепить за собой статус регионального лидера.

Конфликтные ситуации в соседних государствах Турция использует в качестве инструмента расширения своего политического влияния и демонстрации активности. С одной стороны, стратегия президента страны Реджепа Тайипа Эрдогана предполагает перераспределение общественного внимания с внутренних проблем на внешние «победы», с другой – подобные шаги усиливают внутренние противоречия, усугубляя экономический

кризис, повышая миграционное давление на социально-экономическую систему Турции и обостряя внутригосударственные этнополитические противоречия¹.

Сирия как «шахматная доска» турецкой внешней политики

Турция рассматривает ближневосточные кризисы не только как угрозу региональной стабильности, но и как возможность для реализации собственных внешнеполитических целей². Ключевыми направлениями деятельности Анкары являются борьба с курдскими вооруженными формированиями, управление миграционными потоками, противодействие террористическим организациям и укрепление позиций Анкары в системе ближневосточной безопасности³. Подобная политика отражает стремление Турции утвердиться не просто в роли самостоятельного регионального актора, но регионального лидера с претензией на международное лидерство⁴.

Сирийский конфликт, являясь ареной, на которой пересеклись интересы мировых и региональных держав, стал для Турецкой Республики возможностью укрепить свои позиции в геополитическом пространстве Ближнего Востока. Продолжающийся конфликт можно уподобить шахматной партии, где турецкие операции 2016–2019 гг. напоминали своего рода «двойной гамбит Мак-Донелла» – жертву двух «пешек» ради стратегического наступления на «королевском фланге»⁵. В данном контексте «пешками» стали международный авторитет Турции и значительные гуманитарные ресурсы, направленные на поддержание военного присутствия и восстановление подконтрольных территорий. Анкара рассматривала сирийский кризис как окно возможностей для продвижения внешнеполитических амбиций, а проведенные операции – «Щит Евфрата» (2016–2017), «Оливковая ветвь» (2018) и «Источник мира» (2019) – были нацелены на нейтрализацию Исламского государства* и курдских формирований (YPG), рассматриваемых как непосредственная угроза нацио-

¹ Аватков В.А. Основные векторы внешней политики Турции в 2024 г. // Свободная мысль. – 2025. – № 1 (1709). – С. 35–43.

² Надеин-Раевский В.А. Курдский вопрос в Турции и ее ближневосточной политике // Пути к миру и безопасности. – 2025. – № 1 (68). – С. 208–225. – DOI: 10.20542/2307-1494-2025-1-208-225.

³ Аватков В.А., Сбитнева А.И. Трансформация антитеррористической политики Турции в период правления Партии справедливости и развития // Вестник МГИМО Университета. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 143–174. – DOI: 10.24833/2071-8160-2022-3-84-143-174.

⁴ Орал М. Ближний Восток как регион, его проблемы и возможные выгоды от сотрудничества. Oral M. Bir Bölge Olarak Orta Doğu, Sorunları ve Olası İş Birliği Kazanımları // Dünya Coğrafyası ve Kalkınma Perspektifi Dergisi. – 2024. – № 5. – Р. 44–45. – Турец. яз.

⁵ Надеин-Раевский В.А. Политика Турции на Ближнем Востоке // Пути к миру и безопасности. – 2020. – № 1 (58). – С. 139–156. – DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-139-156.

нальной безопасности⁶. С одной стороны, подобные акции позволили Турецкой Республике создать буферную зону вдоль южных границ и снизить риск трансграничного терроризма; с другой – спровоцировали «эффект бумеранга», усилив внутренние социальные и политические конфликты⁷.

Продолжая шахматную метафору, «королевским флангом» в сирийском конфликте для Анкары выступает северо-восточное направление, где сосредоточены ключевые стратегические интересы Турции – обеспечение безопасности границ, контроль над курдскими территориями и влияние на энергетическую инфраструктуру региона. Именно здесь пересекаются маршруты контрабанды, логистические коридоры и зоны деятельности Сирийских демократических сил (СДС), поддерживаемых США. Укрепление позиций на этом участке «доски» рассматривалось Анкарой как возможность для долгосрочного укрепления влияния и демонстрации возможности и способности действовать независимо от попыток внешнего давления.

Массовое перемещение сирийских беженцев на турецкую землю, начавшееся еще во время Арабской весны, дополнительно усилилось гражданской войной в Сирии, что усугубило социально-экономические проблемы внутри страны⁸. В результате обозначилась двойственная тенденция: с одной стороны, Турция продемонстрировала способность к проактивным действиям и защите своих интересов, с другой – столкнулась с ростом гуманитарных расходов и внутренней напряженности⁹. Более того, атака на «королевский фланг», потребовавшая задействования значительных ресурсов, в итоге привела к новым геополитическим рискам, усилив напряженность в отношениях с Вашингтоном и Москвой, а также вызвав дополнительные внутренние социально-экономические противоречия, что подтвердило двусмысленность стратегического выигрыша Турции.

Пост-Асадовская Сирия и трансформация регионального баланса сил

К декабрю 2024 г. вооруженная оппозиция при активной поддержке турецких прокси и группировки «Хайят Тахрир аш-Шам» (ХТШ)* развернула стремительное и масштабное наступление на позиции правительст-

⁶ Гасанова А. Турция и сирийский конфликт // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2022. – Т. 66, № 3. – С. 44–51. – DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-44-51.

⁷ Надеин-Раевский В.А. Турецкая политика в Сирии после падения режима Башара Асада // *Перспективы*. Электронный журнал. – 2025. – № 2. – С. 35–45. – DOI: 10.32726/2411-3417-2025-2-35-45.

⁸ Орал М. Ближний Восток как регион, его проблемы и возможные выгоды от сотрудничества. Oral M. Bir Bölge Olarak Orta Doğu, Sorunları ve Olası İş Birliği Kazanımları // *Dünya Coğrafyası ve Kalkınma Perspektifi Dergisi*. – 2024. – № 5. – Р. 41–42. – Турец. яз.

⁹ Аватков В.А., Гузаеров Р.И. Сирийский кризис во внешней политике Турции // *Пути к миру и безопасности*. – 2023. – № 1 (64). – С. 111–125. – DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-111-125.

венных войск Башара Асада. Уже к 7 декабря повстанцы установили контроль над Пальмирой и значительной частью провинции Дейр-эз-Зор, а 8 декабря вошли в Дамаск, объявив столицу «освобожденной». В тот же день уже экс-президент Сирии Б. Асад покинул страну, завершив более чем десятилетний период своего правления и более чем пятидесятилетнее правление клана Асадов¹⁰.

Одновременно курдские формирования в составе Сирийских демократических сил (СДС), поддерживаемые США, укрепили контроль над восточными провинциями, что спровоцировало столкновения СДС с различными оппозиционными группировками¹¹. В результате падения правительства Б. Асада Турецкая Республика и ХТШ*, которые «выбрали» своего лидера Ахмеда аш-Шараа (аль-Голани) в качестве нового «временного» президента Сирии, оказались главными локальными бенефициарами, тогда как курдские и проиранские формирования в значительной мере утратили влияние в ключевых районах страны. В совокупности это привело к формированию новой системы власти и пересмотру баланса сил в регионе.

Поддержка Турцией группировки «Хайят Тахрир аш-Шам»* осуществляется преимущественно через каналы взаимодействия с Сирийской национальной армией (СНА) и при помощи турецких частных военных компаний (ЧВК)¹². Сотрудничество турецкой разведки с ХТШ* позволило Анкаре установить контроль над ключевыми транспортными узлами и городскими агломерациями северной и центральной Сирии (включая Дамаск), что подчеркивает стратегическую значимость данного альянса в обеспечении регионального влияния.

При этом лидер ХТШ* Ахмед аш-Шараа стремится диверсифицировать внешние контакты, избегая полной зависимости от Анкары, в том числе за счет установления каналов взаимодействия с США, отдельными странами Европы, Россией и монархиями Персидского залива. Турецкое руководство, формально сохраняя антиисламистскую риторику, одновременно ведет прямые переговоры с новым правительством в Дамаске, обещая содействие и помощь в послевоенном восстановлении страны и организации возвращения беженцев¹³.

¹⁰ Ешилташ М., Горюджю К. Турция и Новая Сирия: укрепление стабильности после падения режима Асада. Yeşiltaş M., Görücü K. Türkiye ve Yeni Suriye: Esed Rejiminin Düşüşünden Sonra İstikrar İnşası / SETA Güvenlik Radarı: 2025'te Türkiye'nin Jeopolitik Ortamı. Küresel Belirsizlikler Döneminde Fırsatları Yönetmek. – Turkuvaz Haberleşme ve Yayıncılık A.Ş., İstanbul, 2025. – P. 60–69. – Турец. яз.

¹¹ Иванов С.М. Урегулирование сирийского конфликта – важный шаг на пути к региональной стабильности // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2020. – Т. 64, № 11. – С. 53–61. – DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-53-61.

¹² Аватков В.А., Сбитнева А.И. Один в поле не воин: ведущие ЧВК Турции // *Пути к миру и безопасности*. – 2023. – № 2 (65). – С. 219–232. – DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-219-232.

¹³ Çevik S. Regime Change in Syria and Stabilization: The Limits of Turkey's Unilateral Action // *Arab Center Washington DC*. – 24.01.2025. – URL: <https://arabcenterdc.org/resource/>

Одновременно администрация Д. Трампа пересмотрела санкционную политику в отношении Сирии, заявив о намерении отменить экономические ограничения против Дамаска, действовавшие с 1979 г.¹⁴ Активизация арабских государств на дипломатическом треке, вкупе с вовлечением внешних акторов привели к ослаблению в определенной степени турецкой монополии на управление в постасадовской Сирии, создав условия для расширения влияния западных держав, в первую очередь США¹⁵.

Ключевым событием, обозначившим возвращение США на Ближний Восток, стало турне президента Д. Трампа в мае 2025 г. по ключевым государствам региона¹⁶. В ходе визита Трамп продемонстрировал стремление Вашингтона восстановить позиции на Ближнем Востоке, частично утраченные при президенте Байдене, и активизировать не только военно-политическое¹⁷, но и дипломатическое присутствие в условиях трансформации региональной архитектуры безопасности¹⁸. Однако установление полного контроля США над регионом представляется маловероятным ввиду сложности баланса сил и пересечения множественных интересов мировых и региональных акторов¹⁹.

Попытка «монополизации» Вашингтоном стратегических направлений на Ближнем Востоке в теории способна вызвать определенную ответную реакцию со стороны России, Ирана и Китая, которые, в целях сохранения геополитического паритета, могут усилить собственное присутствие на ближневосточном направлении. Однако ни одно из указанных государств на современном этапе не имеет возможностей (Иран) или не готово (Россия и Китай) вовлекаться в прямое военно-политическое и эко-

regime-change-in-syria-and-stabilization-the-limits-of-turkeys-unilateral-action/ (дата обращения: 10.07.2025).

¹⁴ Балмасов С. России на заметку: что стоит за решением Трампа снять санкции с Сирии // ТАСС. – 15.05.2025. – URL: <https://tass.ru/opinions/23951837> (дата обращения: 10.07.2025).

¹⁵ Salih M.A. Post-Assad Syria: Challenges, Opportunities, and the US Role in Shaping its Future // Foreign Policy Research Institute. – 14.01.2025. – URL: <https://www.fpri.org/article/2025/01/post-assad-syria-challenges-opportunities-and-the-us-role-in-shaping-its-future/> (дата обращения: 10.07.2025).

¹⁶ Лапкин В.В. Геостратегический разворот Д. Трампа: мотивы, содержание и вероятные последствия // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2025. – № 2. – С. 26–38. – DOI: 10.20542/afij-2025-2-26-38.

¹⁷ Аватков В.А., Крылов Д.С. Военный фактор в региональном балансе сил на Ближнем Востоке // Среднерусский вестник общественных наук. – 2024. – Т. 19, № 4. – С. 14–36. – DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-4-14-35.

¹⁸ Крылов Д.С., Сбитнева А.И. Конфликтное взаимодействие Турции и США в рамках сирийского кризиса // Пути к миру и безопасности. – 2024. – № 1 (66). – С. 134–149. – DOI: 10.20542/2307-1494-2024-1-134-149.

¹⁹ Гасанова А.Б. Турция и сирийский конфликт // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 3. – С. 44–51. – DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-44-51.

номическое противостояние с США в регионе. В этих условиях Турция, как и ряд других держав, придерживается многовекторного курса, продолжая развивать совместные энергетические и инфраструктурные проекты с восточными партнерами²⁰.

В практической плоскости можно предположить, что одним из результатов американской политики в Сирии станет сохранение и расширение Вашингтоном сети военных баз при вынужденном учете позиций других мировых акторов и укреплении многосторонних форматов взаимодействия^{21, 22}.

Сирийские беженцы и их влияние на внутреннюю политику Турции

Согласно данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (UNHCR) и национальных статистических агентств Турции, на начало 2025 г. в стране проживает порядка 3,1 млн сирийских беженцев, что составляет 4–5% от общей численности населения²³. Подобная демографическая нагрузка существенно влияет на состояние инфраструктуры, системы здравоохранения, образования и рынка труда²⁴. Турция направляет значительные ресурсы на социальные и интеграционные программы, включая систему «Социальной помощи и солидарности» (SYDV), предусматривающую ежемесячные выплаты малоимущим, а также проекты агентства занятости «İŞKUR», ориентированные на трудоустройство беженцев²⁵.

Однако в приграничных провинциях местные жители выражают обеспокоенность ростом конкуренции на рынке труда, повышением цен на жилье и перегрузкой социальной инфраструктуры. Эти процессы нередко приводят к протестам, которые власти стремятся «нивелировать» через усиление внешнеполитической риторики и активизацию военных опера-

²⁰ Сбитнева А.И. Извилистый турецкий маршрут – путь к успеху? // Пути к миру и безопасности. – 2025. – № 1 (68). – С. 302–311. – DOI: 10.20542/2307-1494-2025-1-302-311.

²¹ US Begins Construction of New Military Base in Eastern Syria // Atlas Press News. – 25.10.2025. – URL: <https://atlaspress.news/en/2025/10/25/us-military-base-construction-eastern-syria/> (дата обращения: 26.10.2025).

²² Аватков В.А., Гаврюшина П.А. Турецко-сирийские отношения в условиях эскалации напряженности в регионе. Перспективы нормализации // Обозреватель. – 2025. – № 2 (409). – С. 28–37. – DOI: 10.48137/2074-2975_2025_2_28.

²³ Republic of Türkiye. Global Focus // UNHCR. – 2025. – URL: <https://reporting.unhcr.org/operational/operations/t%C3%BCrkiye> (дата обращения: 21.08.2025).

²⁴ Нафиков И.З., Галимов И.И. Миграционная политика Турецкой Республики в условиях региональных конфликтов на Ближнем Востоке: сирийский кризис // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 1 (9). – С. 104–118. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.09.

²⁵ Republic of Türkiye. Global Focus // UNHCR. – 2025. – URL: <https://reporting.unhcr.org/operational/operations/t%C3%BCrkiye> (дата обращения: 21.08.2025).

ций за рубежом (схема «маленькой победоносной войны» для сплочения населения против внешней угрозы).

Стремясь справиться с миграционным кризисом и одновременно укрепить внешнеполитические позиции, Турция использует комплекс стратегий, сочетающих внутренние меры и элементы давления на внешних партнеров²⁶. С 2015 г. Анкара периодически угрожает «открыть границы» для сирийских беженцев²⁷, что создает миграционное давление на Европу и позволяет получать дополнительные финансовые ресурсы от ЕС на реализацию гуманитарных программ. Этот шаг связан с ростом социального недовольства в приграничных регионах, где уровень безработицы превышает 25%, а совокупные расходы на содержание и интеграцию сирийцев за десятилетие достигли 40 млрд евро²⁸.

Брюссель, в свою очередь, выражает обеспокоенность тем, что Турция использует сирийских беженцев как инструмент политического торга, что осложняет отношения между Анкарой и европейскими институтами. Таким образом, Турецкая Республика, с одной стороны, компенсирует определенную часть расходов на содержание беженцев за счет внешнего финансирования, а с другой – укрепляет образ ключевого актора в сфере управления миграционными потоками в регионе.

Одним из наиболее спорных направлений турецкой политики стало продвижение проекта переселения около 1 млн сирийских беженцев в северные районы Сирии, находящиеся под контролем протурецких сил²⁹. Официально инициатива позиционируется как мера по снижению нагрузки на турецкий бюджет и ослаблению социальной напряженности. Однако ряд наблюдателей квалифицирует эти действия как форму «демографической инженерии», поскольку они изменяют этническую структуру региона, усиливая противоречия между курдским и арабским населением³⁰. Кроме того, реализация проекта осложняется нестабильной обстановкой и продолжающейся активностью курдских формирований и остатков боевиков Исламского государства*.

²⁶ Данилова Н.М., Соболев М.М. Влияние фактора сирийских беженцев на электоральные процессы 2023–2024 гг. в Турции // *Власть*. – 2025. – Т. 33, № 1. – С. 258–266.

²⁷ Турция пригрозила «открыть двери» для беженцев в Европу // ТАСС. – 10.10.2019. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6984101> (дата обращения: 25.09.2025).

²⁸ Republic of Türkiye. Global Focus // UNHCR. – 2025. – URL: <https://reporting.unhcr.org/operational/operations/t%C3%BCrkiye> (дата обращения: 21.08.2025).

²⁹ Turkey plans \$27 billion housing project in northeast Syria // Reuters. – 27.09.2019. – URL: <https://www.reuters.com/article/world/turkey-plans-27-billion-housing-project-in-northeast-syria-broadcaster-trt-idUSKBN1WC1V1/> (дата обращения: 03.07.2025).

³⁰ Ондже Р. Оборона Турции: глобальное видение и развитие потенциала. Önce R. Türkiye'nin Savunması: Küresel Vizyon ve Gelişen Kapasite / SETA Güvenlik Radarı: 2025'te Türkiye'nin Jeopolitik Ortamı. Küresel Belirsizlikler Döneminde Fırsatları Yönetmek. – Turkuvaz Haberleşme ve Yayınçılık A.Ş., İstanbul, 2025. – P. 120–126. – Турец. яз.

Несмотря на предпринимаемые меры, ни одна из стратегий Анкары пока не привела к долгосрочной стабилизации ситуации, а нарастающее социальное недовольство превращается в один из ключевых вызовов для политического руководства страны.

* * *

В то же время достигнутые успехи Турции на сирийском направлении выявили пределы ее региональных возможностей. В условиях нарастающей конкуренции внешних акторов и усложнения структуры послевоенного урегулирования Анкара сталкивается с необходимостью переосмысления своей стратегии. С одной стороны, сохранение военного присутствия и механизмов политического влияния в Сирии позволяет Турции закрепить статус регионального / кросс-регионального центра силы; с другой – усиливает зависимость от внешних обстоятельств и колебаний глобального баланса сил и интересов. Усиление американского фактора, с определенным сохранением российского присутствия в политической, энергетической и военной сферах ограничивают пространство для маневра, делая турецкую внешнюю политику более реактивной, чем проактивной.

Внутренние вызовы при этом становятся ключевым ограничителем внешнеполитической активности. Экономический спад, рост социальной напряженности и снижение доверия к институтам власти ограничивают потенциал Анкары в реализации крупных трансрегиональных проектов. Попытки использовать внешнюю повестку для консолидации общества – через риторику о «внешних врагах», «курдской угрозе» и «национальном возрождении» – дают лишь временный эффект, закрепляя зависимость власти от воспроизводства внешних кризисов как инструмента внутриполитической мобилизации.

Таким образом, вовлечение Турции в ближневосточные конфликты, изначально задуманное как средство укрепления национальной безопасности и регионального лидерства, в долгосрочной перспективе превратилось в источник внутренних напряжений. Политика внешнего расширения, обеспечившая временные успехи в Сирии, не смогла нивелировать структурные дисбалансы внутри страны. Итогом стала ситуация «обратного гамбита»: стремление к внешнему усилению обернулось внутренним ослаблением, а расширение сфер влияния – ростом зависимости от внешних акторов и уязвимости самой политической системы Турецкой Республики. Дальнейшее сохранение влияния Турции будет зависеть от способности Анкары сочетать военные и экономические ресурсы с решением внутренних проблем, а также от развития баланса сил между США, Россией и региональными партнерами.

** Признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.*

Список источников и литературы

1. Аватков В.А. Основные векторы внешней политики Турции в 2024 г. // Свободная мысль. – 2025. – № 1 (1709). – С. 35–43.
2. Аватков В.А., Гаврюшина П.А. Турецко-сирийские отношения в условиях эскалации напряженности в регионе. Перспективы нормализации // Обозреватель. – 2025. – № 2 (409). – С. 28–37. – DOI: 10.48137/2074-2975_2025_2_28.
3. Аватков В.А., Гузаеров Р.И. Сирийский кризис во внешней политике Турции // Пути к миру и безопасности. – 2023. – № 1 (64). – С. 111–125. – DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-111-125.
4. Аватков В.А., Крылов Д.С. Военный фактор в региональном балансе сил на Ближнем Востоке // Среднерусский вестник общественных наук. – 2024. – Т. 19, № 4. – С. 14–36. – DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-4-14-35.
5. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Один в поле не воин: ведущие ЧВК Турции // Пути к миру и безопасности. – 2023. – № 2 (65). – С. 219–232. – DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-219-232.
6. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Трансформация антитеррористической политики Турции в период правления Партии справедливости и развития // Вестник МГИМО Университета. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 143–174. – DOI: 10.24833/2071-8160-2022-3-84-143-174.
7. Балмасов С. России на заметку: что стоит за решением Трампа снять санкции с Сирии // ТАСС. – 15.05.2025. URL: <https://tass.ru/opinions/23951837> (дата обращения: 10.07.2025).
8. Гасанова А. Турция и сирийский конфликт // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 3. – С. 44–51. – DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-44-51.
9. Данилова Н.М., Соболев М.М. Влияние фактора сирийских беженцев на электоральные процессы 2023–2024 гг. в Турции // Власть. – 2025. – Т. 33, № 1. – С. 258–266.
10. Иванов С.М. Урегулирование сирийского конфликта – важный шаг на пути к региональной стабильности // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 11. – С. 53–61. – DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-53-61.
11. Крылов Д.С., Сбитнева А.И. Конфликтное взаимодействие Турции и США в рамках сирийского кризиса // Пути к миру и безопасности. – 2024. – № 1 (66). – С. 134–149. – DOI: 10.20542/2307-1494-2024-1-134-149.
12. Лапкин В.В. Геостратегический разворот Д. Трампа: мотивы, содержание и вероятные последствия // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2025. – № 2. – С. 26–38. – DOI: 10.20542/afij-2025-2-26-38.
13. Надеин-Раевский В.А. Курдский вопрос в Турции и ее ближневосточной политике // Пути к миру и безопасности. – 2025. – № 1 (68). – С. 208–225. – DOI: 10.20542/2307-1494-2025-1-208-225.
14. Надеин-Раевский В.А. Политика Турции на Ближнем Востоке // Пути к миру и безопасности. – 2020. – № 1 (58). – С. 139–156. – DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-139-156.

15. Надеин-Раевский В.А. Турецкая политика в Сирии после падения режима Башара Асада // Перспективы. Электронный журнал. – 2025. – № 2. – С. 35–45. – DOI: 10.32726/2411-3417-2025-2-35-45.
16. Нафиков И.З., Галимов И.И. Миграционная политика Турецкой Республики в условиях региональных конфликтов на Ближнем Востоке: сирийский кризис // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 1 (9). – С. 104–118. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.09.
17. Сбитнева А.И. Извилистый турецкий маршрут – путь к успеху? // Пути к миру и безопасности. – 2025. – № 1 (68). – С. 302–311. – DOI: 10.20542/2307-1494-2025-1-302-311.
18. Турция пригрозила «открыть двери» для беженцев в Европу // ТАСС. – 10.10.2019. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6984101> (дата обращения: 25.09.2025).
19. Çevik S. Regime Change in Syria and Stabilization: The Limits of Turkey’s Unilateral Action // Arab Center Washington DC. – 24.01.2025. – URL: <https://arabcenterdc.org/resource/regime-change-in-syria-and-stabilization-the-limits-of-turkeys-unilateral-action/> (дата обращения: 10.07.2025).
20. Republic of Türkiye. Global Focus // UNHCR. – 2025. – URL: <https://reporting.unhcr.org/operational/operations/t%C3%BCrkiye> (дата обращения: 21.08.2025).
21. Salih M.A. Post-Assad Syria: Challenges, Opportunities, and the US Role in Shaping its Future // Foreign Policy Research Institute. – 14.01.2025. – URL: <https://www.fpri.org/article/2025/01/post-assad-syria-challenges-opportunities-and-the-us-role-in-shaping-its-future/> (дата обращения: 10.07.2025).
22. Turkey plans \$27 billion housing project in northeast Syria // Reuters. – 27.09.2019. – URL: <https://www.reuters.com/article/world/turkey-plans-27-billion-housing-project-in-northeast-syria-broadcaster-trt-idUSKBN1WC1V1/> (дата обращения: 03.07.2025).
23. US Begins Construction of New Military Base in Eastern Syria // Atlas Press News. – 25.10.2025. – URL: <https://atlaspress.news/en/2025/10/25/us-military-base-construction-eastern-syria/> (дата обращения: 26.10.2025).
24. Ешилташ М., Горюджю К. Турция и Новая Сирия: укрепление стабильности после падения режима Асада. Yeşiltaş M., Görücü K. Türkiye ve Yeni Suriye: Esed Rejiminin Düşüşünden Sonra İstikrar İnşası / SETA Güvenlik Radarı: 2025’te Türkiye’nin Jeopolitik Ortamı. Küresel Belirsizlikler Döneminde Fırsatları Yönetmek. – Turkuvaz Haberleşme ve Yayıncılık A.Ş., İstanbul, 2025. – P. 60–69. – Турец. яз.
25. Ондже Р. Оборона Турции: глобальное видение и развитие потенциала. Önce R. Türkiye’nin Savunması: Küresel Vizyon ve Gelişen Kapasite / SETA Güvenlik Radarı: 2025’te Türkiye’nin Jeopolitik Ortamı. Küresel Belirsizlikler Döneminde Fırsatları Yönetmek. – Turkuvaz Haberleşme ve Yayıncılık A.Ş., İstanbul, 2025. – P. 120–126. – Турец. яз.
26. Орал М. Ближний Восток как регион, его проблемы и возможные выгоды от сотрудничества. Oral M. Bir Bölge Olarak Orta Doğu, Sorunları ve Olası İş Birliği Kazanımları // Dünya Coğrafyası ve Kalkınma Perspektifi Dergisi. – 2024. – № 5. – P. 35–49. – Турец. яз.

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПОИСКАХ КУЛЬТУРНОГО КОДА

ПОЛИЩУК Александр Иванович

кандидат исторических наук, доцент кафедры
восточных языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

E-mail: polyshuk20@mail.ru

SPIN-код: 7015-3351

ORCID: 0000-0003-2296-4858

СОБОЛЕВА Аида Сергеевна

член Союза журналистов РФ (Москва)

E-mail: aidasoboleva@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9519-7472

Для цитирования: *Полищук А.И., Соболева А.С.* Страны Центральной Азии в поисках культурного кода // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 4 (12). – С. 84–106. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.06.

Аннотация. Статья исследует процесс поиска культурного кода республиками Центральной Азии (Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном) после распада СССР. Выход из советской идеологической парадигмы запустил в них поиск новых скреп, позволяющих динамично развиваться в общемировом контексте без потери национальной идентичности. В каждой из постсоветских республик Центральной Азии (ЦА) возрос интерес к исламу как исторической основе своей культуры, но одновременно возникли риски религиозного экстремизма в условиях «кризиса идентичности». Поиски «культурного кода» отражают ведущиеся в интернете дискуссии о переосмыслении советского наследия и «деколонизации», идеи которой навязываются апологетами западных ценностей. Авторы статьи предприняли анализ официальных символов (гимнов и высших государственных наград) республик Центральной Азии. Он выявляет консолидацию вокруг образов «великих предков», патриотизма, трудовой этики, почитания родителей, воинской доблести и миролюбия. Делается вывод, что республики Центральной Азии в целом сумели сбалансировать традиционные культурные ценности с различными внешними влияниями и сформировать многоуровневую идентичность, ставшую ресурсом устойчивого развития и региональной кооперации.

Ключевые слова: страны Центральной Азии, культурная идентичность, деколонизация, национальные символы, государственные награды, гимн, культурный код.

Central Asian Countries in Search of Cultural Code

Alexander I. POLISHCHUK

PhD in Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of Oriental Languages, Faculty of Translation,
Moscow State Linguistic University

E-mail: polyshuk20@mail.ru

SPIN-code: 7015-3351

ORCID: 0000-0003-2296-4858

Aida S. SOBOLEVA

Member of the Union of Journalists of the Russian Federation

E-mail: aidasoboleva@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9519-7472

For citation: Polishchuk A.I., Soboleva A.S. (2025). Central Asian Countries in Search of Cultural Code. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4(12), pp. 84–106. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.06.

Abstract. The article explores the process of Central Asian republics (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan) searching for a cultural code after the collapse of the USSR. The exit from the Soviet ideological paradigm initiated a quest for new ties that would allow for dynamic development in the global context without losing national identity. In each of the post-Soviet Central Asian republics, there has been an increased interest in Islam as a historical foundation of their culture, but at the same time, risks of religious extremism have emerged in the context of a “crisis of identity”. The search for a “cultural code” reflects ongoing discussions on the internet about rethinking the Soviet legacy and “decolonization”, ideas that are being imposed by proponents of Western values. The authors of the article conducted an analysis of the official symbols (anthems and highest state awards) of the Central Asian republics. This analysis reveals a consolidation around the images of “great ancestors”, patriotism, work ethics, respect for parents, military valor, and peace. The conclusion is drawn that the Central Asian republics, in general, have managed to balance traditional cultural values with various external influences and have formed a multi-layered identity that has become a resource for sustainable development and regional cooperation.

Keywords: Central Asian countries, cultural self-identity, decolonization, state symbols, state awards, national anthem, cultural code.

Термин «Центральная Азия» был введен в научный оборот в 1834 г. выдающимся немецким натуралистом и путешественником Александром фон Гумбольдтом. За прошедшие 190 лет физическая география не изменилась, но произошли тектонические сдвиги в географии политической.

В данном исследовании нас интересует только тот сегмент центральноазиатского пространства Евразии, который в советской историографии именовался «Средняя Азия и Казахстан». «Культурный код» – сложившееся в коллективном сознании представление о фиксированном наборе национальных культурных ценностей и смыслов, поведенческих стереотипов, традиций и обычаев в историческом контексте, которые передаются из поколения в поколение и регулируют повседневное взаимодействие людей друг с другом и которые являются маркерами в определении национальной идентичности социума с позиции внешнего наблюдателя¹.

Необходимость культурной самоидентификации в постсоветский период

Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан и Казахстан в нынешних границах и с этими названиями обрели государственность в 20-е годы XX в., войдя в состав Союза Советских Социалистических Республик. Это был короткий, но значимый период в жизни населения этих республик, когда оно впервые в истории осознало себя частью унитарного светского многонационального государства. Жители Средней Азии и Казахстана были полноправными представителями закреплённой в Конституции СССР 1977 г. «новой исторической общности» – советского народа, имеющего много общих черт в духовном облике и психологии, но сохранявшего свои национальные особенности в каждом регионе. При всех издержках советского правления развитию национальных культурных институтов уделялось огромное внимание: государством активно поддерживались национальные театры, музеи, научные исследования в области национальной культуры и родного языка, что сочеталось и с углубленным освоением языка межнационального общения – русского.

Сразу после распада СССР в конце 1991 г. советские республики Центральной Азии (ЦА) обрели независимость и вошли в Содружество Независимых Государств на правах учредителей. Независимость стала во многом неожиданной для каждой из этих республик – никаких предпосылок для выхода из СССР в них практически не существовало. Об этом свидетельствуют результаты референдума, проведенного 17 марта 1991 г.: за сохранение СССР в Узбекистане проголосовало – 93,7% населения, в Казахстане 94,1%, в Киргизии – 94,6%, в Таджикистане – 96,2%, в Туркмении – 97,9%².

¹ Гуревич Л.С., Батыршин Р.И. Культурный код нации: принцип национальной ценностной ориентации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2024. – № 67. – С. 18.

² Об итогах Референдума СССР, состоявшегося 17 марта 1991 года. Из сообщения Центральной комиссии Референдума СССР // Известия. – 27.03.1991. – URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/referendum_rezultat.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

Разрыв десятилетиями налаженных связей и слом сложившейся политической системы в этих странах ознаменовались системным кризисом. Хотя лишь в Республике Таджикистан это вылилось в полномасштабную гражданскую войну (1992–1997), в каждой из этих стран в 90-е годы XX в. проходили сложные процессы становления новых государственных структур, развития рыночной экономики и формирования этнонационального сознания проживавших там народов. Необходимость (во многом навязанная извне) отмежеваться от советского прошлого с его антирелигиозной идеологией и пророссийской ориентацией, массовый исход русского населения из этих республик, замещавшегося репатриантами «коренной национальности» из других стран, привели к напряженному поиску идентификационных скреп.

О необходимости базовых ценностей, которые сплачивают народы в единую общность, в интервью агентству САА-Network убедительно говорит казахстанский социолог Есет Есенгараев: «Анализируя, как разрушилось советское общество, мы приходим к выводу, что оно разрушилось не из-за военного вторжения извне или внутренней вооруженной борьбы. Оно разрушилось из-за того, что потеряли свое значение представления и ценности, которые определяли сознание советских людей и формировали их идентичность. Оно разрушилось из-за того, что институты, когда-то довольно эффективно организовывавшие жизнь советских людей, уже не могли работать как раньше. И если в обществе наступает кризис базовых представлений, ценностей и институтов, то общество не может воспроизводить себя несмотря на то, что в нем сохранились его основные материальные объекты»³.

Проблемы культурной самоидентификации народов этого региона обстоятельно исследовал культуролог из Ташкента А. Джумаев, отметив, что всего лишь за столетие среднеазиатское городское общество пережило два полярных состояния: полностью традиционное, религиозное в дореволюционный период и преимущественно светское в советское время. Создание светской культуры на базе синтеза русско-европейских и восточномусульманских традиций сопровождалось такими тенденциями, как:

- вытеснение религиозного комплекса из общественной жизни в «тень», в «параллельный мир», где он в той или иной мере продолжал свое существование вплоть до наших дней в контролируемых и скрытых (нелегальных и полунелегальных) формах частного, профанированного и народного бытования;
- остановка развития и фактическая консервация классических видов исламской культуры и искусства (архитектуры, миниатюры, калли-

³ Саттаров Д. Казахстан-30. О постсоветскости, модернизации и антиинтеллектуализме // САА-Network. – 09.12.2021. – URL: <https://www.caa-network.org/archives/22428/kazakhstan-30-o-postsovetstskosti-modernizaczii-i-antiintellektualizme> (дата обращения: 10.08.2025).

графии и т.д.), сохранявших, однако, свое значение в качестве объектов серьезного научного исследования;

- трансформация отдельных видов и элементов классического исламского искусства в современную национальную культуру в ее секуляризованном и десакрализованном виде.

«Нынешнее общество неустойчивого постсоветского периода вобрало в себя все названные культурные накопления и культурные типы. Сохраняется их баланс, они сосуществуют в едином пространстве, демонстрируя противоположные культурные устремления. Курс на построение светских государств неизбежно сочетается и корректируется с возрождением исламских культурных ценностей»⁴. Джумаев отмечает, что происшедшая в советское время культурная модернизация не смогла изменить и в целом не изменила некоторые сущностные пласты бытовой культуры, поведения, этикета и в конечном счете – национально-этнического менталитета, которые формировались на протяжении веков в русле исламской традиции и культуры⁵.

Ислам как фактор культурной идентичности стран ЦА

Еще в конце 1980-х годов, в пору перестройки, ислам стал восприниматься населением республик Центральной Азии как возвращение к своим исконным традициям и способ дистанцироваться от ошибочных практик советского прошлого. После распада СССР мусульманские праздники (Ураза-байрам, Курбан-байрам) официально получили статус государственных и были объявлены выходными днями. Для миллионов людей, с трудом адаптирующихся к новым, рыночным, условиям, более тысячи лет присутствующая в регионе (и в архетипе жителей) религия снова дарила надежду на стабильность и лучшую жизнь. Падение «железного занавеса» открывало широкие возможности для поездок в хадж, получения религиозного образования за границей, изучения ранее запрещенной религиозной литературы. На общественном уровне все более популярной становилась религиозная обрядность – исламские свадьбы, ношение исламской одежды (хиджаба), участие в коллективных молитвах на исламских праздниках. Свою нишу нашел малый и средний бизнес – было налажено производство халяльной (разрешенной религией) продукции и предметов культа, индустрия исламской моды. Возникла система транснациональных исламских банков, фондов и грантов.

Ислам ассоциировался населением с национальным возрождением и был важной психологической частью обретенного суверенитета. Однако в первые годы независимости население постсоветских республик Цен-

⁴ Джумаев А. Ислам и культура в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 3. – С. 104.

⁵ Там же. С. 117.

тральной Азии, несколько десятилетий отрезанное от мусульманского мира, весьма неразборчиво относилось к получению грантов на образование в зарубежных странах и хлынувшему потоку религиозной литературы, среди которой было немало сочинений радикалов. Выпускники исламских заведений, вернувшись в родные республики из Пакистана, Афганистана, Йемена, Саудовской Аравии, пытались бороться с пороками общества (коррупцией, клановостью, социальным неравенством, авторитаризмом), приводя его «в соответствие с законами шариата»⁶.

Таким образом, политический ислам, будучи одной из форм социального протеста, быстро стал средством радикализации общества в своих странах, а исламистские организации в республиках Центральной Азии периодически превращались в субъекты экстремистской и террористической деятельности. Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), созданная в 1990 г., стала главной силой оппозиции, развязавшей в республике гражданскую войну. Несколько раз выходявшая в легальное русло как «партия умеренных исламистов», в сентябре 2022 г. она внесена в реестр террористических организаций ШОС и запрещена в Таджикистане и России.

«Исламское движение Узбекистана» (ИДУ)*, созданное в 1998 г., получало значительные средства от «Аль-Каиды»*, ставя своей целью свергнуть правительство Узбекистана и установить Исламский халифат в Ферганской долине. Боевики совершили ряд терактов, в том числе покушение на президента Ислама Каримова в 1999 г., взрывы в киргизских городах Ош и Бишкек в 2002 и 2003 гг., нападения на посольства США и Израиля в Ташкенте в 2004 г. Вытесненные с территории СНГ, члены ИДУ продолжили террористическую деятельность против правительств в Афганистане и Пакистане, периодически сотрудничая то с талибами, то с региональным филиалом ИГИЛ*⁷.

За более чем три десятилетия независимости в странах Центральной Азии религиозные организации стали неотъемлемой частью гражданского общества, а принципы умеренного ислама – частью правовой культуры большинства населения. И все же почва для пополнения международных преступных сообществ с помощью «религиозных наставников» в странах Центральной Азии остается весьма плодородной. Этому далеко не всегда способствуют экономические трудности – любая традиционная религия призывает преодолевать их с честью, развивая свою духовность и уповая на Бога. По мнению эксперта по противодействию насильственному экстремизму Рустама Азизи, основной причиной радикализации становится «кризис идентичности», что особенно характерно для молодежи из сме-

⁶ Звягельская И.Д. Исламское возрождение в Центральной Азии. Причины и игроки // Восточная аналитика. – 2012. – № 3. – С. 28.

⁷ Бактыбаева А.Н. Терроризм в СНГ: узбекский джихадизм. Исламское движение Узбекистана // Постсоветские исследования. – 2020. – Т. 3, № 4. – С. 307.

шанных семей. Самой многочисленной категорией, составляющей «пушечное мясо» терроризма, являются молодые люди с низким уровнем образования, но с высоким уровнем неосознанной религиозности, которая делает их склонными к подчинению. Им легко внушить, что они занимаются «богоугодным» и «святым делом», убивая тех, на кого им укажут псевдорелигиозные авторитеты⁸.

Президент Таджикистана Эмомали Рахмон, выступая перед общественностью и религиозными деятелями страны 9 марта 2024 г., отметил: «Только в 2023 году было выявлено 300 случаев незаконного религиозного образования, предотвращено привлечение более 4100 человек, что свидетельствует об активизации процесса промывания мозгов детей, подростков и молодежи». Президент с горечью констатировал, что за последние три года 24 гражданина Таджикистана в 10 странах мира (в Германии, Нидерландах, Польше, Дании и др.) совершили террористические акты, в том числе путем взрыва в толпе людей. Он напомнил об унесшей четыре жизни стрельбе в мечети Шах-Черах в Ширазе в августе 2023 г. и двойном теракте в иранском Кермане, где 3 января 2024 г. от рук таджикских террористов, связанных с ИГИЛ*, погибло 89 человек⁹.

22 марта 2024 г., в разгар священного для мусульман месяца Рамадан, граждане Таджикистана стали непосредственными исполнителями теракта в подмосковном ТЦ «Крокус», в ходе которого погибло 149 человек, один пропал без вести и более 600 пострадало. Нападавшие и их пособники были связаны с организацией «Вилаят Хорасан»* – структурным подразделением ИГ*. Председатель совета улемов Таджикистана Саидмукаррам Абдулкодирзода подчеркнул: «Подозреваемые в нападении на “Крокус Сити Холл” в Москве граждане Таджикистана не имели хороших религиозных знаний, не молились и не совершали это нападение во имя ислама»¹⁰.

Следствие подтвердило, что члены преступного сообщества пошли на это не из идейных побуждений, а из желания получить большие и быстрые деньги, действуя в интересах политического руководства Украины¹¹.

Как бы ни трепали террористы знамя религии, ислам продолжает оставаться неотъемлемой составляющей национальной и даже цивилизационной идентичности народов Центральной Азии. На официальном сайте

⁸ Аслонова Н. Как 24 таджика-смертника устроили террор в 10 странах мира // ASIA-Plus. – 11.03.2024. – URL: <https://asiaplus.tj.info/ru/news/tajikistan/security/20240311/kak-24-tadzhika-smertnika-ustroili-terror-v-10-stranah-mira> (дата обращения: 10.08.2025).

⁹ Там же.

¹⁰ Наджиби М. «Нашу молодежь застали врасплох». Муфтий Таджикистана о теракте в «Крокусе» // ASIA-Plus. – 30.07.2024. – URL: <https://asiaplus.tj.info/en/node/339093> (дата обращения: 12.08.2025).

¹¹ СК завершил расследование теракта в «Крокусе» и назвал Украину заказчиком // РБК. – 23.06.2025. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/685955b19a79477d26f795ca> (дата обращения: 12.08.2025).

Духовного управления мусульман Казахстана говорится: «Духовный потенциал нашей религии является основой в реализации исторического предназначения исламского мира, условием цивилизационной модернизации общества на путях духа служения высшим ценностям. Защита и сохранение традиционных ценностей ислама, а также культуры, традиций и менталитета народов Центральной Азии является сохранением исламской современной цивилизации. Мусульманская культура гуманистична, ибо человек является ее главной ценностью и средством. Ислам призывает к тому, чтобы все наши поступки были направлены на обеспечение мира и согласия, счастья и процветания всего человечества. <...> Традиционные исламские ценности и смыслы, лежащие в основе национальной культуры, ядром которой является ислам, настаивают на духовном становлении человека как на сущностном, соответствующем его природе восхождению. Это конкретизирует мировые общечеловеческие ценности и питает гуманистические идеалы мусульманского общества»¹².

Несмотря на то что все постсоветские республики относятся к исламскому цивилизационному ареалу, а «традиционные исламские ценности» упомянуты в конституциях всех пяти республик, в каждой из них закреплена статья «о свободе вероисповедания» и на всех уровнях власти подчеркивается ее светский характер. Исламский фактор национальной идентичности, как мощный горный поток, нуждается в прочном «гранитном» обрамлении выверенной государственной политики, чтобы он крутил колесо истории в заданном направлении, а не разрушал границы и законы.

Ярким примером такого «обрамления» можно считать проводимый с конца второго десятилетия XXI в. курс президента Узбекистана Шавката Мирзиёева «Новый Узбекистан – новое Возрождение». В его основе лежит концепция «Третьего мусульманского Ренессанса», согласно которой, первый Ренессанс мусульманской культуры на территории нынешнего Узбекистана был в IX–XII вв., второй – в эпоху Тимуридов (XIV–XV вв.). Ныне же сложились все условия, чтобы возродить прерванные «большевистской диктатурой» традиции джадидизма – движения мусульманского обновления, призванного вывести народ «на путь всеобщего развития, вооружив его светской наукой и передовыми профессиями»¹³.

В Ташкенте на семи гектарах возведен Центр исламской цивилизации, в составе которого музей, библиотека, исследовательский институт, научные лаборатории, центры традиционных ремесел, представительства

¹² Кайрбеков Н.Е. Традиционные ценности исламской современной цивилизации // Официальный сайт ДУМ Казахстана. – 27.10.2022. – URL: <https://www.muftyat.kz/ru/articles/islam-and-society/2022-10-27/40754-traditsionnye-tsennosti-islamskoi-sovremennoi-tsivilizatsii/> (дата обращения: 10.08.2025).

¹³ Что такое Третий Ренессанс? // Новости Узбекистана. Gazeta. – 17.08.2021. – URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/17/renaissance/> (дата обращения: 13.08.2025).

международных организаций, действующих под эгидой «Всемирного общества по изучению, сохранению и популяризации культурного наследия Узбекистана» (WOSCU). По замыслу создателей, Центр исламской цивилизации должен стать «не только хранителем истории, но и интеллектуальным пространством, соединяющим прошлое, настоящее и будущее, определяющим ключевые направления нашего развития». <...> «Наша главная цель – осознание и популяризация нашей национальной идентичности», – подчеркнул глава государства¹⁴.

«Декolonизация» и проблемы идентичности

Формирование «нового национального сознания» в постсоветских республиках Центральной Азии с момента обретения ими независимости проходило под знаменем отмежевания от советского наследия, сопровождаясь ростом антироссийских настроений, которые поощрялись глобалистскими (западными) институтами, активно осваивавшими освободившееся идеологическое пространство. Стараниями последних в сознание народов ЦА настойчиво внедряется мысль, что виновниками всех их бед за последние полтора века являются «русский колониализм», «большевики», «экспансионистская политика РФ». Международное НКО InterNews в столицах центральноазиатских республик ежегодно проводит масштабный семинар *MediaCAMP Fest*, где «независимые» журналисты, политологи, правозащитники, медиатренеры убеждают участников мероприятия в необходимости активизации процесса деколонизации Центральной Азии, рассказывают о негативном влиянии России на страны региона, призывают уменьшать любую зависимость от РФ¹⁵.

Полемика о «деколонизации» и национальной идентичности широко ведется в Интернете. Молодой политолог из Таджикистана Мухаммад Шамсутдинов считает, что национальную идентичность и патриотизм невозможно сформировать лишь разговорами о великих предках, пропагандой древней истории и культуры – важно поднимать экономику, улучшать условия жизни и труда населения, развивать технологии, инновации, образование и возможности культурного роста. Обвинения в адрес большевиков, якобы помешавших национальному развитию, Шамсутдинов считает беспочвенными, так как только с установлением Советской власти произошло национальное размежевание между тюрками и таджиками,

¹⁴ Президент посетил Центр исламской цивилизации, строительство которого подходит к концу // Новости Узбекистана. *Gazeta*. – 29.01.2025. – URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2025/01/29/islam-civilization-center/> (дата обращения: 10.08.2025).

¹⁵ Раскачивать обстановку в Центральной Азии будут на гендерной тематике и экологических проблемах // *EurasiaToday*. – 29.03.2024. – URL: <https://eurasiatoday.ru/taskachivat-obstanovku-v-tsentralnoj-azii-budut-na-gendernoj-tematike-i-ekologicheskikh-problemah/> (дата обращения: 10.08.2025).

проживавшими на территориях бывшего Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств. «Именно при Союзе впервые начала формироваться национальная идентичность, когда таджикский народ впервые за долгое историческое время осознал себя как нацию, у которой есть свое национальное государство. Базис современного национального таджикского государства был положен при СССР, и когда он распался, именно наличие такого базиса позволило нам построить независимое государство на новом историческом этапе»¹⁶.

Примечательно, что данная позиция высказана отнюдь не на «про-русском» ресурсе: один из спонсоров «независимой» русскоязычной медиагруппы ASIA-Plus – Национальный фонд развития демократии США (NED). Но статья встретила горячую поддержку читателей сайта. Вот некоторые отрывки из комментариев: «Браво! Наконец-то Азия-плюс решила опубликовать взвешенный и трезвый материал, свободный от “ура-патриотического дурмана”» (Алишер Абдуллаев); «Очень важная статья для правильного понимания истории нашего государства» (Абдумунин Шарифов); «Тем “патриотам”, которые критикуют Советский Союз и заявляют о том, что с приходом Советов в СА мы многое потеряли, можно посоветовать посмотреть на качество жизни, нынешнюю культуру и развитие общества нашего соседа Афганистана, где не было Советов» (Сухроб)¹⁷.

Символы национальной идентичности в государственных гимнах

Нигде так четко и кратко не обозначены национальные ценности, как в тексте государственного гимна. Любые изменения в тексте гимна свидетельствуют о желании властей активировать в общественном сознании и закрепить в социальной памяти своего народа некое важное спланированное его понятие. После обретения независимости страны Центральной Азии встали перед необходимостью выработать новые идеологические ориентиры и государственную символику.

В начале 1992 г. был объявлен конкурс на музыку и текст гимна независимой **Республики Казахстан**. В отборочную комиссию были направлены около 750 проектов. По итогам конкурса было принято решение сохранить музыку гимна Казахской ССР (1943), авторами которой были Мукан Тулебаев, Евгений Брусиловский и Латиф Хамиди. Авторами новых слов гимна в 1992 г. стали четверо: известные поэты Музафар

¹⁶ Шамсуддинов М. Сначала в Таджикистане нужно подумать об образовании и работе, а потом о «деколонизации» // Media Group ASIA-Plus. – 05.01.2024. – URL: <https://asiaplustj.info/news/opinion/20240105/snachala-v-tadzhikistane-nuzhno-podumat-ob-obrazovanii-i-rabote-a-potom-o-dekolonizatsii#article-likeblock> (дата обращения: 10.08.2025).

¹⁷ Там же.

Алимбаев, Кадыр Мырзалиев и Туманбай Молдагалиев и молодая поэтесса Жадыра Дарибаева. В построчном переводе Б. Каирбекова на русский язык гимн звучал так:

«Мы – народ доблестный, дети чести,
На пути к свободе жертвовали всем.
Из тисков-испытаний судьбы, из адских огней
Вышли победителями, мы уцелели...

Припев:

Пари ввысь, орел свободы,
Призывая к единению!
Сила-мощь героя – в народе,
Сила-мощь народа – в сплоченности!
Уважая матерей, чтя гениев народа,
В годину лихолетья мы распахнули свои объятия всем.
Казахская степь – любимая Родина.
Святая колыбель дружбы и солидарности...»¹⁸.

В 2006 г. было решено сменить гимн. «В целях популяризации звуковой символики страны» новым гимном стала написанная еще в 1956 г. популярная в народе песня «Менің Қазақстаным» («Мой Казахстан») Шамши Калдаякова на стихи Жумекена Нажимеденова¹⁹. Однако ее текст отредактировал лично Нурсултан Назарбаев, в то время президент республики. Слова нового гимна в русском построчном переводе звучат так:

«В небе золотое солнце,
В степи золотое зерно.
Сказание о мужестве – моя страна.
В седой древности родилась наша слава,
Горд и силен мой казахский народ.

Припев:

О, мой народ!
О, моя страна!
Я твой цветок, возвращенный тобой.
Я песня, звенящая на твоих устах...»²⁰.

¹⁸ Гимн Казахстана // Сайт бюро переводов Neoland. – 11.10.2007 – URL: https://web.archive.org/web/20071011031340/http://www.neoland.ru/gn_Kazakhstan.htm (дата обращения: 10.08.2025).

¹⁹ Гимн Республики Казахстан // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – URL: https://www.akorda.kz/ru/state_symbols/kazakhstan_anthem (дата обращения: 10.08.2025).

²⁰ Государственный гимн Республики Казахстан. Подстрочный перевод на русский язык // Юрист. – 09.01.2006. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30038776 (дата обращения: 10.08.2025).

При всем кажущемся сходстве текстов старого и нового гимнов, нельзя не заметить, что в первом варианте (1992) есть напоминание о годах Великой Отечественной войны, когда в Казахстан были эвакуированы важнейшие промышленные предприятия и сотни тысяч людей («В годину лихолетья мы распахнули свои объятия всем»). Намеком говорилось и о революционном прошлом, когда «на пути к свободе жертвовали всем», а также о том, что казахстанцы «из адских огней вышли победителями» и их Родина – «колыбель дружбы и солидарности». Все эти весьма ненавязчивые отсылы к недавнему советскому прошлому в гимне 2006 г. отсутствуют. В первом же куплете указывается на то, что «наша слава родилась в седой древности» (здесь и далее все курсивы наши. – *Авт.*), а народ, который «горд и силен», является «независимым и сплоченным» и встречает свое «новое время». У жителя нынешнего Казахстана «простор неоглядный», над которым светит солнце, где всходит золотое зерно и каждый чувствует себя возвращенным на этой земле цветком. Акцент делается не на «солидарности» с какой-то другой страной, а на независимости и самодостаточности, достигаемых за счет богатых природных ресурсов страны и качеств ее сплоченного народа.

Государственный гимн **Киргизской Республики** был утвержден постановлением Верховного Совета РК от 18.12.1992 г. Вот его текст:

«Высокие горы, долины, поля –
Родная, заветная наша земля.
Отцы наши жили среди Ала-Тоо,
Всегда свою родину свято храня.

Припев:
Вперед, кыргызский народ,
Путем свободы вперед!
Взрастай, народ, расцветай,
Свою судьбу созидай...»²¹.

Слова о том, чтобы свободный народ расцветал и созидал свою судьбу на своей земле, как мечтали отцы, за годы независимости страны ни у кого не вызвали возражений. Однако между первым и вторым куплетом первоначально был еще один куплет, но 27 декабря 2012 г. депутаты парламента КР большинством голосов «пришли к необходимости удаления целого четверостишия из-за спорных трактовок слова «бейкуттук» и строчки «готов отдать за друзей сердце» в дословном переводе:

²¹ Государственный гимн Киргизии написали композиторы Н. Давлесов и К. Молдобасанов, поэты Ж. Садыков и Ш. Кулуев. Перевод на русский язык: К. Акматов, М. Рудов (приводится с сохранением авт. орфографии): Государственный гимн Кыргызской Республики // Кыргызтест. – URL: https://kyrgyztest.gov.kg/wp-content/uploads/2021/07/Gosudarstvennyi_Gimn_KR_i_simvoliki.pdf (дата обращения: 29.08.2025).

«Издревле сложился характер моего народа,
Готового отдать за друзей сердце.
Эта дружба спаяла единство народа,
И приносит кыргызской земле спокойствие».

Главным поводом переделки стало противоречивое значение слова «бейкутук» – спокойствие, безмятежность. Члены комиссии посчитали, что отрицательный префикс «бей» придает противоположное значение слову «кут» – счастье, благодать²². Хотя официальной причиной изъятия куплета были чисто филологические моменты, слова о «спокойствии и дружбе» в стране, возможно, приобрели оттенок горькой иронии после унесших тысячи жизней межэтнических конфликтов на юге Киргизии в начале 2010-х.

Узбекистан является одной из четырех бывших советских республик, где музыка актуального гимна не менялась после распада СССР, что косвенно указывает на желание сохранить культурные традиции и преемственность поколений²³. Слова гимна Республики Узбекистан написал Абдулла Арипов. В переводе Ораза Абдуразакова на русский язык они звучат так:

«Светлый край свободный, общий наш успех,
Ты спасительный друг и спутник, милосерден для всех!
Созидания путь, мудрости оплот,
Славой ты воссияй, пока мир живет!

Припев:

Злато долин – родной мой Узбекистан,
Предков мощь, слава их навсегда с тобой!
Дух великих людей нам по праву дан,
Очарован весь свет этою землей!»²⁴.

Наряду с общими ценностями, декларируемыми в гимнах многих стран мира (свобода, независимость, мирная жизнь, мудрость и милосердие власти), упоминаются такие знаковые для Узбекистана понятия, как «*мощь и слава предков*», «*дух великих людей*» и «*светоч веры*». Примеча-

²² Бактыбаев З. Сократив гимн Кыргызстана на один куплет, депутаты теперь возьмутся за государственный стяг // ЦентрАзия. – 14.01.2013. – URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1358138580#gsc.tab=0> (дата обращения: 09.08.2025).

²³ Странами бывшего СССР, где используется музыка гимна советского времени, помимо Узбекистана, являются Белоруссия, Россия и Таджикистан.

²⁴ Музыку гимна Узбекской ССР написал в 1947 г. композитор Мутал Бурханов (1916–2002): Государственный гимн Республики Узбекистан // Гимн. – URL: <https://gimn.uz/> (дата обращения: 20.08.2025).

тельно, что слова гимна Республики Узбекистан с 10 декабря 1992 г. не претерпели изменений.

Слова гимна **Таджикистана**, написанные Гулназаром Келди (1945–2020), были утверждены по окончании в стране горячей фазы гражданской войны и в день празднования третьей годовщины провозглашения независимости Республики Таджикистан. До этого использовался гимн Таджикской ССР на стихи Абулькасима Лахути (в редакции 1977 г.) и музыке Сулеймана Юдакова, которая была написана в 1946 г. и осталась музыкой нового гимна²⁵. Вот русский подстрочный перевод гимна Республики Таджикистан:

«Наша любимая страна,
Мы рады видеть твою гордость.
Пусть твое счастье и благополучие будут всегда.
Мы шли к этому дню с древних времен,
Мы стоим под твоим флагом.
Да здравствует моя Родина,
Мой свободный Таджикистан!
Для нашей чести и достоинства,
Ты символ надежды наших предков,
Ты вечный мир для сыновей твоих,
Твоя весна никогда не закончится,
Мы по-прежнему верны тебе.
Да здравствует моя Родина,
Мой свободный Таджикистан!»²⁶.

Любовь к матери, почитание предков, преданность родине, надежда на мир – вот ключевые понятия, способные объединить всех жителей республики, пережившей кровавое противостояние начала 1990-х годов. После распада СССР Таджикистан фактически впервые в истории стал суверенным государством. Поэтому в гимне особо подчеркивается, что его граждане *«шли к этому дню с древних времен»*, что страна является *свободной и независимой*, о чем мечтали предки; выражается уверенность, что родина всегда будет *счастливой и благополучной*, что ее *«весна никогда не закончится»*, а ее сыновей ждет *«вечный мир»*. Страна сравнивается с матерью, всегда дающей счастье, притягивающей любовь всего мира.

В **Туркменистане** в качестве официального гимна до 1997 г. исполнялся гимн Туркменской ССР, но лишь в инструментальной версии, без слов. Новый гимн был утвержден 27 сентября 1996 г.²⁷

²⁵ Официальный сайт президента Республики Таджикистан // Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. – URL: <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/150> (дата обращения: 11.08.2025).

²⁶ Национальный гимн Республики Таджикистан // YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RsYpeIKSHEE> (дата обращения: 11.08.2025).

Мелодия гимна была написана композитором Вели Мухатовым, а слова принадлежали первому президенту Туркменистана Сапармурату Ниязову (1940–2006), носившему титул «Туркменбаши», что переводится как «Глава туркмен». Гимн начинался с припева, который трижды повторялся в тексте:

«Великое создание Туркменбаши,
Держава родная, суверенный край,
Туркменистан – светоч и песня души,
Во веки веков ты живи, процветай!».

В 2008 г., спустя два года после кончины первого президента, слово «Туркменбаши» в припеве государственного гимна было заменено на «народ», припев стал появляться после первого куплета, а последний куплет был изъят. Он звучал так:

«И горы, и реки, и степная краса –
Любовь и судьба, откровение мое,
За злой взгляд на тебя да ослепнут глаза,
Родина – предков и продолжение мое!»²⁸.

Текст нынешнего гимна в русском переводе звучит так:

«Жизнь отдать я готов за родимый очаг, –
Духом предков отважных славны сыны,
Земля моя свята. В мире реет мой флаг –
Символ великой нейтральной страны!
Великая, навеки созданная народом
Держава родная, суверенный край,
Туркменистан – светоч и песня души,
Во веки веков ты живи, процветай!»²⁹

В обновленном тексте в качестве объединяющих нацию ценностей названы самоотверженная любовь к *суверенному и нейтральному* родному краю, связь с *кровью предков*, которая «течет в жилах всех племен», готовность преодолевать бури и невзгоды ради чести и славы страны.

²⁷ Государственные символы Республики Туркменистан // Turkmenistan.Ru. – 06.02.2001. – URL: <https://web.archive.org/web/20141030021128/http://www.turkmenistan.ru/ru/node/13532> (дата обращения: 11.08.2025).

²⁸ Гимн Туркменистана // Центральная комиссия по проведению выборов и референдумов в Туркменистане. – URL: <https://saylav.gov.tm/ru/national> (дата обращения: 20.08.2025).

²⁹ О государственном гимне Туркменистана // Меджлис Туркменистана. – URL: <https://mejlis.gov.tm/single-law/273?lang=ru> (дата обращения: 20.08.2025).

Откровенный культ личности президента уже не находит отражения в гимне, хотя де-факто сакрализация центральной власти в Республике Туркменистан продолжает существовать.

Национальные ценности в названии государственных наград

Ключевые ценности любой нации и знаковые фигуры ее истории всегда декларируются в названиях высших государственных наград.

Четко и кратко они обозначены в списке орденов Республики Туркменистан:

- «Watan» – (*Родина*) (награждается исключительно президент Туркменистана);
- «Türkmenistanyň ilkinji Prezidenti Beýik Saparmyrat Türkmenbaşy» – (*Первый Президент Туркменистана Сапармурат Туркменбаши Великий*);
- «Prezidentiň ýyldyzy» – (*Звезда Президента*);
- «Oguzhanyň ýyldyzy» – (*Звезда Огуз-хана*);
- «Türkmenbaşy» – (*Туркменбаши*);
- «Altynasyg» – (*Золотой век*);
- «Garaşsyzlyk» – (*Независимость*);
- «Bitaraplyk» – (*Нейтралитет*).

В ранг высших ценностей возведены *преданность родине и лично руководителю страны* («Первый президент...», «Звезда Президента»), *воинская доблесть* (орден «Туркменбаши» в честь первого президента Туркменистана Сапармурата Ниязова и орден «Огузхана» в честь легендарного прародителя тюрков); *трудолюбие и профессиональное мастерство* («Золотой век», «Возрождение»), *законопослушность и укрепление правопорядка* («Независимость»). Также поощряются *миролюбие и поддержание нейтралитета страны* («Нейтралитет»).

Примечательно, что орден «За большую любовь к независимому Туркменистану», которым награждаются «за большой вклад в экономику, науку, культуру, спортивные достижения страны», в 2014 г. поменял свой облик – из него был исключен профиль первого Президента Туркменистана. В этом есть стремление показать, что *эффективный труд на благо страны* в приоритете над личной преданностью руководителю.

В 2015 г. поменял свой статут орден «Высокая духовность», которым с 2001 г. удостаивались «за особый вклад в воспитание у граждан независимого нейтрального Туркменистана высокой духовности, лежащей в основе книги *Рухнама*»³⁰. Из обновленной редакции статута было исключено упоминание этой достопамятной для граждан Туркменистана книги³¹.

³⁰ Туркменбаши С. Рухнама. – Ашхабад: Туркменская Государственная издательская служба, 2002. – 416 с.

³¹ Закон Туркменистана «Об утверждении в новой редакции Статута ордена Туркменистана ордена «Ruhubelent» // Туркменистан Золотой век. – 15.07.2015. – URL: <https://web>.

«Рухнама» («Книга Духа») была написана, по официальной версии, первым и пожизненным президентом Туркменистана Сапармуратом Ниязовым с 1997 по 2001 г. и долгое время имела сакральный статус «Духовной конституции туркмен» и даже «Священной книги туркменского народа».

До 2014 г. «Рухнама» была включена в школьную программу, а при поступлении в любой вуз нужно было сдать экзамен на знание ее текста. Однако, отказавшись от культа личности Сапармурата Ниязова, нынешнее руководство страны не отвергло того ценного, что содержала «Рухнама», включив многие сведения из этого капитального труда в школьные программы по отечественной истории, обществоведению, культурному наследию Туркменистана³².

Кстати, именно в «Рухнаме» сделана обстоятельная попытка обозначить «культурный код» современных туркмен, а с ними и всех тюркских народов мира, как потомков легендарного Огуз-хана. Среди их важнейших духовных качеств названо почитание родителей и особенно матери. «Мать для туркмена – понятие священное. Мать – это святыня. Только через уважение к ней, к самому слову “мать”, проявляет человек свой истинный облик»³³. Орден, которым награждают женщин за заслуги перед государством, Туркменбаши назвал именем своей собственной матери – Горбансолтан, с 2014 г. этот орден стал называться «Zenankalby» – «Женская душа»³⁴.

Главными качествами туркмена Туркменбаши называет *сплоченность, ощущение себя частью целого* (нации) и *память о великих предках* своего народа. Особо выделяются четыре великих туркменских мужа – Огуз-хан, Горгут-ата, Гёроглы и Махтумкули. Часто упоминаются в «Рухнаме» Тогрул Бег, Алп Арслан, Малик Шах и целый ряд других исторических деятелей. Примечательно, что в сонм великих предков автор «Рухнамы» не включает Тамерлана (1336–1405), считая жестокость и кровожадность основателя государства Тимуридов качествами, не свойственными высокому духовному облику туркмен.

Однако Тамерлан признан спланивающей нацию фигурой в другом тюркском государстве Центральной Азии – **Республике Узбекистан**. Среди ее государственных наград есть Орден *Амира Темура*, который с

archive.org/web/20150715232447/http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=8353 (дата обращения: 12.08.2025).

³² В вузах Туркмении отменили обязательные вступительные экзамены по «Рухнаме» // Редакция Forbes.kz. – 09.07.2014. – URL: https://forbes.kz/news/2014/07/09/newsid_63030 (дата обращения: 12.08.2025).

³³ Туркменбаши С. Рухнама. – Ашхабад: Туркменская Государственная издательская служба, 2002. – С. 323

³⁴ В Туркмении отменили орден в честь матери Туркменбаши // Новости агентства StanRadar. – 12.02.2014. – URL: <https://stanradar.com/news/full/7776-v-turkmenii-otmenili-orden-v-chest-materi-turkmenbashi.html?page=1> (дата обращения: 12.08.2025).

1996 г. вручается «за выдающиеся заслуги в укреплении государственности, значительный вклад в развитие зодчества, науки, литературы и искусства, в том числе военного искусства». А помимо этого, еще и за «особый вклад в деле укрепления межгосударственного сотрудничества, мира и дружбы между народами»³⁵, чему в реальности никак не способствовал «Железный хромец», строивший пирамиды из отрубленных голов жителей завоеванных городов.

В число национальных героев возведен и другой грозный воитель – хорезмшах Джелал ад-Дин Мангуберди (1198–1231), давший мощный отпор напавшему на Хорезм Чингисхану, но также известный своими жестокими расправами над пленными христианами во время своих походов в Закавказье. Орден *Жалоладдина Манкуберди*, учрежденный в 2000 г., считается высшей воинской наградой республики.

Героизация спорных исторических личностей может объясняться их привлекательностью как талантливых полководцев и правителей, действовавших во славу своей страны. Государственные награды в честь завоевателей – закономерность для традиционных культур. Ведь именно воинской доблестью, нередко переходящей в жестокость, и мудростью, становящейся подчас хитростью и коварством, приходилось обладать основателям тюркской (и не только) государственности. Уважение к сильной власти – часть культурного кода всех народов Востока.

«Великими предками», давшими названия главных орденов независимой **Республики Таджикистан**, стали Спитамен и Исмаил Самани.

Находившийся на службе у Ахеменидов согдийский военачальник Спитамен (370–327 гг. до н.э.) был одним из самых ярких противников Александра Македонского, войска которого подошли к Согдиане. Спитамен поднял восстание против греко-македонского владычества и в 329 г. у реки Политимет (Зеравшан) разгромил военачальников Александра, после чего тот еще три года пытался покорить Согдиану и Бактрию. Орденом «Спитамен» I и II степени награждают военнослужащих за укрепление обороноспособности страны и борьбу с преступностью.

Абу Ибрахим Исмаил ибн Ахмад Самани (849–907) – эмир из династии Саманидов, правление которого ознаменовалось пиком их могущества и созданием самостоятельного государства в Средней Азии и Иране. При Саманидах, ставших практически независимыми от Аббасидского халифата, персидская культура и речь прочно проникли в лоно исламского мира. Орденом «*Исмоили Сомони*» награждаются государственные и общественные деятели, работники науки и культуры за высокие достижения в труде на благо государства.

³⁵ Закон Республики Узбекистан об учреждении Ордена «Амир Темур» № 225-I от 26.04.1996 // LexUZ On-line. – 26.04.1996. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/14687> (дата обращения: 12.08.2025).

И, как в каждой республике Центральной Азии, есть орден от имени Президента – «*Ситораи Президенти Тоҷикистон*» (Звезда Президента Таджикистана). Правда, в Таджикистане он не привязан к личному имени Эмомали Рахмона, стоящему во главе республики уже больше 30 лет.

Высшей государственной наградой **Киргизии** (после ордена «Герой Кыргызстана») является орден «Манас», названный в честь главного эпоса киргизского народа и его легендарного героя, а не конкретного исторического лица. Однако следующим по значению является учрежденный в 2011 г. орден «Курманжан Датка», на котором изображена «Мать нации» – правительница алайских киргизов Курманжан Маматбай кызы (1811–1907), писавшая стихи на киргизском, тюркском и фарси, возглавлявшая войско и пользующаяся уважением императоров Российской империи. Орденом ее имени награждаются «за заслуги в общественно-политической деятельности и за трудовые достижения, вклад в защиту и укрепление государства, единство народа, воспитание подрастающего поколения в духе любви и уважения к своей Родине»³⁶.

Высокий статус женщины-матери в Киргизии подчеркивает орден «Баатыр-эне» («Мать-героиня»). С 2009 г. он вручается женщинам, родившим и «полноценно воспитывающим» семь и более детей. Орден был учрежден в 1996 г. и первоначально им награждали женщин, родивших и воспитывающих не менее 10 детей, но со временем, в связи с ухудшением демографической ситуации, требования поменялись.

Перечень высших званий и орденов **Республики Казахстан**, который наглядно показывает, какие качества возведены в ранг наиболее значимых духовных ценностей страны:

- «Халық қаһарманы» (*Народный герой*);
- «Қазақстанның Еңбек Ері» (*Герой труда Казахстана*);
- «Отан» (*Отечество*);
- «Барыс» (*Барс*);
- «Даңк» (*Слава*);
- «Айбын» (*Доблесть*);
- «Парасат» (*Благородство*);
- «Достық» (*Дружба*);
- «Құрмет» (*Почет*);
- «Ел бірлігі» (*Единство народа*);
- «Еңбек Даңқы» (*Трудовая Слава*)³⁷.

³⁶ Государственные награды Кыргызской Республики // Open KG. – 17.10.2014. – URL: <https://open.kg/about-kyrgyzstan/polity/symbolism/1286-gosudarstvennye-nagrada-kyrgyzskoy-respubliki.html> (дата обращения: 12.08.2025).

³⁷ Награды РК и порядок представления к ним // Электронное правительство Республики Казахстан. – 26.10.2023. – URL: https://egov.kz/cms/ru/articles/culture/nagrada_rk (дата обращения: 12.08.2025).

С 2001 по 2021 г. существовал орден «Қазақстан Республикасының Тұңғыш Президенті – Елбасы Нұрсұлтан Назарбаев» (Первый Президент Республики Казахстан – Елбасы Нурсултан Назарбаев).

Названия орденов в достаточно полной мере указывают на духовные ориентиры постсоветских государств Центральной Азии, свидетельствуя о том, что, обретая независимость, эти страны стремятся сохранить то лучшее, что есть в истории и архетипе их древних народов. В процессе создания новой символики происходит трансформация конъюнктурных подходов в пользу традиционных и устоявшихся этических ценностей, связываемых с героями далекого прошлого как объединяющими нацию фигурами.

* * *

Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан и Туркменистан продолжают начатый более тридцати лет назад поиск культурно-национальной идентичности, что нашло отражение в таких символах, как гимны и государственные награды. Несмотря на этнические и культурно-исторические различия, все постсоветские республики Центральной Азии являются светскими государствами с ярко выраженным компонентом исламской культуры. Осознание себя открытой для всего нового частью мирового сообщества, объединенного на основе «общечеловеческих ценностей», в этих странах сопряжено с устойчивостью патриархальных общественных институтов и противодействием культурной экспансии извне. Поиск идентификации продолжается в условиях стремительного развития интернета и усиления информационного противостояния между исторически близкой странам Центральной Азии Россией и странами объединенного Запада, претендующего на включение постсоветских республик региона в зону своего культурного и экономического влияния под видом избавления их от «колониального наследия» прошлого.

Власти центральноазиатских республик в своей культурной политике стремятся соблюсти баланс между сохранением собственной идентичности и допуском в свое культурное пространство различных внешних влияний (западного, российского, китайского, турецкого, арабского, иранского). Для сплочения нации привлекаются образы великих предков (полководцев, ученых, поэтов), идеи о глубокой духовной и даже кровной связи с ними всего народа и древности его пребывания на данной территории. В целом культурными паттернами региона остаются такие конструктивные традиции, как гостеприимство, веротерпимость, дружелюбие, мультилингвизм, исторически свойственные народам «Великого шелкового пути». Поощряемыми качествами личности провозглашаются преданность родине и ее руководству, воинская доблесть, добросовестный труд, почитание родителей, уважение к старшим, забота о семье, стремление к знаниям, жизнелюбие. Это во многом определяет «культурный код»

жителей республик Центральной Азии, что дает надежду на устойчивое развитие этих стран, их конструктивное взаимодействие между собой и с остальным миром. «Не будет преувеличением сказать, что сегодня у каждой страны региона накоплен собственный уникальный опыт государственного строительства, развития рыночной экономики, восстановления культурного наследия, формирования национальной идентичности»³⁸.

* *Террористическая организация, запрещенная в РФ.*

Список источников и литературы

1. Аслонова Н. Как 24 таджика-смертника устроили террор в 10 странах мира // ASIA-Plus. – 11.03.2024. – URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20240311/kak-24-tadhika-smertnika-ustroili-terror-v-10-stranah-mira> (дата обращения: 10.08.2025).
2. Бактыбаев З. Сократив гимн Кыргызстана на один куплет, депутаты теперь возьмутся за государственный стяг // ЦентрАзия. – 14.01.2013. – URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1358138580#gsc.tab=0> (дата обращения: 09.08.2025).
3. Бактыбаева А.Н. Терроризм в СНГ: узбекский джихадизм. Исламское движение Узбекистана // Постсоветские исследования. – 2020. – Т. 3, № 4. – С. 304–314.
4. В вузах Туркмении отменили обязательные вступительные экзамены по «Рухнаме» // Редакция Forbes.kz. – 09.07.2014. – URL: https://forbes.kz/news/2014/07/09/newsid_63030 (дата обращения: 12.08.2025).
5. В Туркмении отменили орден в честь матери Туркменбаша // Новости агентства StanRadar. – 12.02.2014. – URL: <https://stanradar.com/news/full/7776-v-turkmenii-otmenili-orden-v-chest-materi-turkmenbashi.html?page=1> (дата обращения: 12.08.2025).
6. Гимн Казахстана // Сайт бюро переводов Neoland. – 11.10.2007. – URL: https://web.archive.org/web/20071011031340/http://www.neoland.ru/gn_Kazakhstan.htm (дата обращения: 10.08.2025).
7. Гимн Республики Казахстан // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – URL: https://www.akorda.kz/ru/state_symbols/kazakhstan_anthem (дата обращения: 10.08.2025).
8. Гимн Туркменистана // Центральная комиссия по проведению выборов и референдумов в Туркменистане. – URL: <https://saylav.gov.tm/ru/national> (дата обращения: 20.08.2025).

³⁸ Токаев К.-Ж. Ренессанс Центральной Азии: на пути к устойчивому развитию и процветанию // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 08.08.2024. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/renessans-centralnoy-azii-na-puti-k-ustoychivomu-razvitiyu-i-procvetaniyu-1272135> (дата обращения: 12.08.2024).

9. Государственные награды Кыргызской Республики // Open KG. – 17.10.2014. – URL: <https://open.kg/about-kyrgyzstan/polity/symbolism/1286-gosudarstvennye-nagrady-kyrgyzskoy-respubliki.html> (дата обращения: 12.08.2025).
10. Государственные символы Республики Туркменистан // Turkmenistan.Ru. – 06.02.2001. – URL: <https://web.archive.org/web/20141030021128/http://www.turkmenistan.ru/ru/node/13532> (дата обращения: 11.08.2025).
11. Государственный гимн Кыргызской Республики // Кыргызтест. – URL: https://kyrgyztest.gov.kg/wp-content/uploads/2021/07/Gosudarstvennyi_Gimn_KR_i_simvoliki.pdf (дата обращения: 29.08.2025).
12. Государственный гимн Республики Казахстан. Подстрочный перевод на русский язык // Юрист. – 09.01.2006. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30038776 (дата обращения: 10.08.2025).
13. Государственный гимн Республики Узбекистан // Гимн. – URL: <https://gimn.uz/> (дата обращения: 20.08.2025).
14. Гуревич Л.С., Батыршин Р.И. Культурный код нации: принцип национальной ценностной ориентации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2024. – № 67. – С. 13–23.
15. Джумаев А. Ислам и культура в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 3. – С. 102–125.
16. Закон Республики Узбекистан об учреждении Ордена «Амир Темур» № 225-I от 26.04.1996 // LexUZ On-line. – 26.04.1996. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/14687> (дата обращения: 12.08.2025).
17. Закон Туркменистана «Об утверждении в новой редакции Статута ордена Туркменистана ордена “Ruhubelent”» // Туркменистан Золотой век. – URL: <https://web.archive.org/web/20150715232447/http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=8353> (дата обращения: 12.08.2025).
18. Звягельская И.Д. Исламское возрождение в Центральной Азии. Причины и игроки // Восточная аналитика. – 2012. – № 3. – С. 27–31.
19. Кайрбеков Н.Е. Традиционные ценности исламской современной цивилизации // Официальный сайт ДУМ Казахстана. – 27.10.2022. URL: <https://www.muftyat.kz/ru/articles/islam-and-society/2022-10-27/40754-traditsionnye-tsennosti-islamskoi-sovremennoi-tsivilizatsii/> (дата обращения: 10.08.2025).
20. Награды РК и порядок представления к ним // Электронное правительство Республики Казахстан. – 26.10.2023. – URL: https://egov.kz/cms/ru/articles/culture/nagrada_rk (дата обращения: 12.08.2025).
21. Наджиби М. «Нашу молодежь застали врасплох». Муфтий Таджикистана о теракте в «Крокус» // ASIA-Plus. – 30.07.2024. – URL: <https://asiaplustj.info/en/node/339093> (дата обращения: 12.08.2025).
22. Национальный гимн Республики Таджикистан // YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RsYpeIKSHEE> (дата обращения: 11.08.2025).
23. О государственном гимне Туркменистана // Меджлис Туркменистана. – URL: <https://mejlis.gov.tm/single-law/273?lang=ru> (дата обращения: 20.08.2025).
24. Об итогах Референдума СССР, состоявшегося 17 марта 1991 года. Из сообщения Центральной комиссии Референдума СССР // Известия. – 27.03.1991. –

- URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/referendum_rezultat.pdf (дата обращения: 10.09.2025).
25. Официальный сайт президента Республики Таджикистан // Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. – URL: <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/150> (дата обращения: 11.08.2025).
 26. Президент посетил Центр исламской цивилизации, строительство которого подходит к концу // Новости Узбекистана. Gazeta. – 29.01.2025. – URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2025/01/29/islam-civilization-center/> (дата обращения: 10.08.2025).
 27. Раскачивать обстановку в Центральной Азии будут на гендерной тематике и экологических проблемах // EurasiaToday. – 29.03.2024. – URL: <https://eurasia-today.ru/raskachivat-obstanovku-v-tsentralnoj-azii-budut-na-gendernoj-tematike-i-ekologicheskikh-problemah/> (дата обращения: 10.08.2025).
 28. Саттаров Д. Казахстан-30. О постсоветскости, модернизации и антиинтеллектуализме // САА-NETWORK. – 09.12.2021. – URL: <https://www.caa-network.org/archives/22428/kazakhstan-30-o-postsovetskosti-modernizaczii-i-antiintelektualizme> (дата обращения: 10.08.2025).
 29. СК завершил расследование теракта в «Крокусе» и назвал Украину заказчиком // РБК. – 23.06.2025. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/685955b19a79477d26f795ca> (дата обращения: 12.08.2025).
 30. Токаев К.-Ж. Ренессанс Центральной Азии: на пути к устойчивому развитию и процветанию // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 08.08.2024. – URL: <https://www.akorda.kz/ru/renessans-centralnoy-azii-na-puti-k-ustoychivomu-razvitiyu-i-procvetaniyu-1272135> (дата обращения: 12.08.2024).
 31. Туркменбаши С. Рухнама. – Ашхабад: Туркменская Государственная издательская служба, 2002. – 416 с.
 32. Что такое Третий Ренессанс? // Новости Узбекистана. Gazeta. – 17.08.2021. – URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/17/renaissance/> (дата обращения: 13.08.2025).
 33. Шамсудинов М. Сначала в Таджикистане нужно подумать об образовании и работе, а потом о «деколонизации» // Media Group ASIA-Plus. – 05.01.2024. – URL: <https://asiaplustj.info/news/opinion/20240105/snachala-v-tadzhikistane-nuzhno-podumat-ob-obrazovanii-i-rabote-a-potom-o-dekolonizatsii#article-likeblock> (дата обращения: 10.08.2025).

**УЧАСТИЕ СССР В МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ООН
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ПОЛИТИКИ ВРЕМЕН ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ**

ПРОНИКОВ Александр Николаевич

кандидат военных наук, заместитель начальника кафедры

E-mail: a.pro2002@mail.ru

ORCID: 0009-0007-4310-9443

РЕВЕНСКИЙ Николай Сергеевич

обучающийся

E-mail: k-piko@mail.ru

ORCID: 0009-0000-7727-135X

ШАПОВАЛ Данил Максимович

обучающийся

E-mail: vip.danil03@mail.ru

ORCID: 0009-0003-4739-5150

Для цитирования: *Проников А.Н., Ревенский Н.С., Шаповал Д.М.* Участие СССР в миротворческой деятельности ООН на Ближнем Востоке в контексте международной политики времен Холодной войны // *Ближний и Постсоветский Восток.* – 2025. – № 4 (12). – С. 107–120. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.07.

Аннотация. В статье рассматривается участие СССР в миротворческих операциях ООН на Ближнем Востоке в эпоху Холодной войны, а также анализируется актуальность этого участия для современного миротворчества. Несмотря на имеющиеся проблемы, миротворческая деятельность остается важным аспектом международной политики, особенно в свете конфликтов в Европе и на Ближнем Востоке. Международное миротворчество сохраняет свое значение для многих стран, в том числе для России, которая стремится к укреплению своих позиций на мировой арене. Изучение опыта советских миротворцев поможет извлечь ценные уроки для сегодняшних реалий. Укрепление роли ООН как ключевого игрока в разрешении конфликтов соответствует интересам России в случае активизации ее участия в миротворческих миссиях.

Ключевые слова: Арабский мир, Ближний Восток, миротворцы ООН, Холодная война, СССР.

Soviet Participation in UN Peacekeeping in Middle East in Context of Cold War International Politics

Alexander N. PRONIKOV

Candidate of Military Sciences, Deputy Head of Department

E-mail: a.pro2002@mail.ru

ORCID: 0009-0007-4310-9443

Nikolay S. REVENSKY

Student

E-mail: k-piko@mail.ru

ORCID: 0009-0000-7727-135X

Danil M. SHAPOVAL

Student

E-mail: vip.danil03@mail.ru

ORCID: 0009-0003-4739-5150

For citation: Pronikov A.N., Revensky N.S., Shapoval D.M. (2025). Soviet Participation in UN Peacekeeping in Middle East in Context of Cold War International Politics. *Middle and Post-Soviet East*, no. 4 (12), pp. 107–120. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.07.

Abstract. This article examines the Soviet Union's participation in UN peacekeeping operations in the Middle East during the Cold War and analyses its relevance to contemporary peacekeeping. Despite existing issues, peacekeeping remains a vital part of international politics, particularly given ongoing conflicts in Europe and the Middle East. Many countries, including Russia, continue to value international peacekeeping as a means of strengthening their position on the world stage. Studying the experience of Soviet peacekeepers can provide valuable insights into current realities. Strengthening the role of the UN as a key player in conflict resolution would be in Russia's interests. This would be the case if it intensified its participation in peacekeeping missions.

Keywords: Arab World, Middle East, UN peacekeepers, Cold War, USSR.

Участие СССР в миротворческих операциях ООН на Ближнем Востоке в период Холодной войны представляет интерес в контексте изучения сегодняшнего состояния миротворческой деятельности. Являясь еще недавно действенным инструментом международной политики, в настоящее время миротворчество переживает не лучшие времена. Вместе с тем его актуальность подтверждается последними событиями, происходящими в мире, включая Ближний Восток и Восточную Европу.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что международная миротворческая деятельность остается важным направлением внешней политики многих государств, включая Россию, участвующих в урегулировании конфликтов и стремящихся к укреплению своего международного авторитета. Изучение опыта советских миротворцев в «горячих точках»

позволяет извлечь ценные уроки, которые могут быть учтены и использованы в современных реалиях.

Укрепление позиций Организации Объединенных Наций в качестве единственной легитимной международной структуры, способной эффективно разрешать глобальные конфликты, соответствует стратегическим интересам Российской Федерации. Как указывал Президент России В.В. Путин, наша страна рассматривает международное миротворчество как действенный инструмент для решения вооруженных конфликтов и планирует расширять свое участие в миротворческих инициативах как в рамках ООН, так и через сотрудничество с региональными и международными организациями¹.

СССР и ООН

После завершения Второй мировой войны мировое сообщество сосредоточило свои усилия на создании надежной системы международной безопасности и установлении устойчивого мира. Центральным элементом этой системы стала Организация Объединенных Наций, занявшая уникальное место в качестве универсальной платформы для международного взаимодействия. Основным документом ООН – ее Устав – стал основополагающим актом, регулирующим современные международные отношения, при этом его ключевые разделы специально посвящены мерам, направленным на обеспечение глобальной стабильности.

На протяжении четырех десятилетий с момента создания ООН и до распада Советского Союза, а также в последующий период российской государственности, позиция Москвы по вопросам международного вмешательства в конфликты и практике миротворческой деятельности претерпела значительные изменения². Изначально скептически настроенное к миротворческому потенциалу ООН, советское руководство за 45 лет кардинально изменило свою точку зрения, адаптируясь к изменяющимся геополитическим условиям, эволюции концепций миротворчества и внутренним идеологическим корректировкам³.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Сайт Президента Российской Федерации. – URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 08.09.2025).

² Постановление Правительства Российской Федерации от 19 октября 1996 г. № 1251 «Об утверждении положения о специальном воинском контингенте в составе Вооруженных Сил Российской Федерации для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.04.2025).

³ Федеральный закон от 23 июня 1995 г. № 93-ФЗ «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6959/ (дата обращения: 30.04.2025).

На раннем этапе существования ООН политическое руководство СССР во главе со Сталиным длительное время воздерживалось от активного вовлечения в миротворческие инициативы организации, воспринимая ее как инструмент влияния западных государств⁴. Это выражалось либо в открытом бойкоте структур ООН, либо в занятии пассивной наблюдательной позиции. В условиях раннего этапа Холодной войны сформировались различные подходы к поддержанию международного мира, характерные для западных стран и Советского Союза. Западные государства, обладая численным превосходством в ключевых органах Организации Объединенных Наций, в особенности в Генеральной Ассамблее, стремились вывести вопросы урегулирования конфликтов из-под юрисдикции Совета Безопасности, где СССР обладал правом вето. Советский Союз категорически отвергал подобные инициативы, рассматривая их как грубое нарушение Устава ООН. Эта позиция привела к снижению доверия к ООН как к международному институту и вызвала полугодовой бойкот организации со стороны СССР в период с января по июль 1950 г.

Резолюция Генеральной Ассамблеи «Единство в пользу мира»⁵, принятая 3 ноября 1950 г., предоставила возможность рассматривать вопросы поддержания мира на экстренных сессиях Ассамблеи в случае блокирования Совета Безопасности посредством права вето. Это решение существенно ослабило влияние Советского Союза в рамках ООН, лишив его возможности эффективно контролировать процессы поддержания мира через Совет Безопасности.

Парадоксальным образом, в 1950 г. советская политика привела к тому, что страна оказалась в изоляции и не смогла применить право вето на решение о направлении вооруженных сил под эгидой ООН в Корею. В ноябре того же года западные государства, воспользовавшись отсутствием советского представительства и ограниченной поддержкой в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее, приняли резолюцию, расширяющую полномочия Генеральной Ассамблеи по рассмотрению и рекомендации мер, включая военное вмешательство, в случае блокировки Совета Безопасности⁶.

В начальный период Холодной войны (1948–1953) Советский Союз, не располагая возможностями противодействия западному большинству в

⁴ Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция 377 (V) «Uniting for Peace». 5-я сессия, 302-е пленарное заседание. 3 ноября 1950 г. // United Nations Digital Library. – URL: <https://digital-library.un.org/record/209392> (дата обращения: 21.04.2025).

⁵ Uniting for peace – General Assembly Resolution // United Nations. – 1950. – URL: <https://www.un.org/unispal/document/uniting-for-peace-ga-resolution-03nov1950/> (дата обращения: 21.04.2025).

⁶ Запарий Ю.В. Миротворческие операции ООН и Советский Союз: политика и практика // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2004. – № 31 (7). – С. 146–147.

ООН, сосредоточил усилия на сохранении неизменности положений Устава организации. Советская дипломатия активно противостояла созданию внеуставных миротворческих механизмов и попыткам перераспределения полномочий Совета Безопасности в пользу Генеральной Ассамблеи, придерживаясь принципиальной позиции, сохранявшейся на протяжении длительного времени.

Советский подход к миротворчеству в ООН основывался на идеологическом утверждении, что корни международных конфликтов лежат в фундаментальном противостоянии капиталистической и социалистической систем, и что любые меры должны исходить из этого постулата. На практике это выражалось в критике либо игнорировании миротворческих операций ООН.

Особое несогласие у советского руководства вызвали проекты создания международных вооруженных формирований – «полицейских сил ООН», «легиона ООН» и «стражей ООН», предложенные Генеральным секретарем Трюгве Ли в 1948–1951 гг. как решение проблемы отсутствия постоянных вооруженных сил у Организации. Советская сторона рассматривала эти инициативы как угрозу возможного использования военных структур западными державами для навязывания своей политики развивающимся странам.

Значительные изменения в геополитическом ландшафте после волны антиколониальных революций 1960-х годов и вступления в ООН многочисленных новых развивающихся государств, многие из которых занимали просоветскую позицию, привели к изменению баланса сил в Генеральной Ассамблее. Это позволило СССР более активно задействовать механизмы ООН. Если ранее право вето преимущественно использовалось Советским Союзом для блокирования западных инициатив, то в 1970–1980-х годах США, Великобритания и Франция стали чаще применять это право для противодействия предложениям СССР и его союзников из числа развивающихся стран.

Именно в этот период окончательно оформилась советская концепция миротворческих операций, нашедшая отражение в ряде официальных документов: меморандуме правительства СССР от 10 июля 1964 г. об операциях по поддержанию мира и безопасности, ноте МИД СССР от 11 сентября 1964 г., а также в документах специального Комитета Генеральной Ассамблеи по операциям по поддержанию мира, учрежденного в 1965 г. Основные положения этого подхода включали: строгое соблюдение норм Устава ООН, реализацию положений о системе коллективной безопасности, недопущение перераспределения полномочий Совета Безопасности в пользу Генеральной Ассамблеи и разработку регламентирующих принципов проведения миротворческих операций в соответствии с Уставом.

В 1970-е годы во внешней политике СССР наметился постепенный сдвиг в сторону признания возможности участия в миротворческой деятельности в формате направления наблюдателей и финансовых взносов.

Этому способствовала улучшающаяся международная обстановка, в частности политика «разрядки» и нормализация отношений с США. Однако за весь период с 1948 по 1987 г. Советский Союз ограничился участием лишь в одной наблюдательной миссии (UNTSO с 1973 г.), а также предоставлением транспортных самолетов для двух операций (в Конго в 1960 г. и на Синайском полуострове в 1973 г.).

Таким образом, с 1960-х до середины 1980-х годов принципиальная позиция СССР в отношении ООН не претерпела кардинальных изменений. Основные дискуссии велись вокруг нормативно-правовых аспектов: процедуры создания, подчиненности и финансирования миротворческих операций. Советский Союз периодически вносил коррективы в свою позицию с целью сохранения влияния в странах третьего мира и укрепления международного авторитета. Несмотря на идеологическое неприятие концептуальных и правовых основ миротворчества ООН, СССР смог сохранить определенное влияние на этот процесс и в отдельных случаях даже использовать его в своих интересах⁷.

СССР и миротворчество ООН

В российской научной литературе исследования по проблематике миротворчества ООН традиционно разделяются на два основных хронологических пласта – советский и постсоветский периоды, каждый из которых отличается характерными методологическими подходами и концептуальными основаниями.

Советская историографическая традиция отличалась ярко выраженной конфронтационной парадигмой и отражала официальную государственную позицию по вопросам миротворчества. В работах этого периода проблема рассматривалась преимущественно через призму анализа мирных инициатив СССР либо в контексте масштабных международно-правовых исследований. Значительный вклад в разработку темы внесли фундаментальные труды Э.С. Кривчиковой⁸ и В.С. Семенова⁹. Монография Кривчиковой, опубликованная в первой половине 1960-х годов посвящена детальному обоснованию советской позиции в дискуссиях о принципах финансирования и учреждения миротворческих операций. Исследование Семенова, увидевшее свет в середине 1970-х годов представляет систематизированный советский взгляд на практику миротворческих операций

⁷ Учебное пособие по планированию и проведению миротворческих операций / Министерство обороны РФ, Главное оперативное управление Генерального штаба ВС РФ. – Москва, 1996. – С. 28.

⁸ Кривчикова Э.С. Вооруженные силы ООН: практика применения. – Москва: Международные отношения, 1965. – 191 с.

⁹ Семёнов В.С. Вооруженные силы ООН: практика применения. – Москва: Международные отношения, 1976. – 174 с.

ООН, содержащий критический анализ их концептуальных основ. Примечательно, что, несмотря на выводы о несоответствии некоторых аспектов миротворчества нормам международного права, автор признает их практическую эффективность в урегулировании конкретных кризисных ситуаций. Проблематика миротворческих операций получила освещение и в коллективном труде «Советский Союз и Организация Объединенных Наций», который неоднократно переиздавался (1967, 1975, 1981, 1989). Значительный вклад в разработку темы внесли также работы Г.И. Морозова, В.К. Собакина, В.Н. Федорова, которые заложили теоретико-методологические основы изучения советского участия в миротворческой деятельности.

Периодизация миротворческой деятельности ООН в отечественной историографии включает пять ключевых этапов:

Становление (1948–1956) – период создания первых миссий, многие из которых продолжают функционировать до настоящего времени. К их числу относятся UNTSO (1948) по контролю за перемирием между Израилем и арабскими государствами и UNMOGIP (1949), осуществляющая мониторинг линии разграничения в Кашмире. Этот этап характеризовался экспериментальным поиском оптимальных форм организации наблюдательных миссий.

Институционализация (1956–1967) – фаза активного формирования миротворческих сил ООН, происходившая на фоне нарастания напряженности между НАТО и ОВД. В условиях ядерного противостояния сверхдержавы были вынуждены искать компромиссные решения. В этот период были развернуты миссии на Синае (1956), в Конго (1960), на Кипре (1964), а также наблюдательные миссии в Ливане, Йемене и Доминиканской Республике, ставшие полигоном для отработки механизмов воздействия на конфликтующие стороны.

Стагнация (1967–1973) – этап снижения миротворческой активности, обусловленный обострением противостояния Восток – Запад. В этот период не развертывались новые операции, продолжали функционировать лишь три ранее учрежденные миссии.

Возрождение (1973–1991) – после арабо-израильской войны 1973 г. миротворчество вновь стало рассматриваться как эффективный инструмент кризисного регулирования. Особенностью этого периода стало формирование операций с согласия всех сторон конфликта при участии континентов нейтральных государств.

Трансформация (с 1991 г. по настоящее время) начался с распада биполярной системы мира и завершения Холодной войны, что кардинально изменило международные отношения. В этот период появились операции нового поколения – многоаспектные (комплексные) миротворческие операции, которые характеризовались увеличением масштабов вмешательства во внутренние конфликты, а также акцентом на защиту прав человека и гуманитарную помощь. Эти операции стали более слож-

ными и многосторонними, включая не только военные аспекты, но и политические, экономические и социальные компоненты.

С 1973 г., когда СССР впервые принял участие в миротворческой деятельности под эгидой Организации Объединенных Наций, им – а впоследствии и Российской Федерацией – накоплен значительный опыт участия в операциях ООН по поддержанию мира (ОПМ). При этом характерной особенностью стало то, что это участие в большинстве случаев выражалось не в отправке своих воинских контингентов, а в откомандировании отдельных военных специалистов в качестве военных наблюдателей (ВН). По данным Министерства обороны Российской Федерации, к середине 2000-х годов Россия занимала одно из ведущих мест по числу ВН в мире.

Отсчет участия военных наблюдателей ООН в миротворчестве ведется со времен Холодной войны, когда они вошли в состав двух операций: Орган ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия (UNTSO) и Группы военных наблюдателей ООН в Индии и Пакистане (UNMOGIP). Обе миссии, которые продолжают функционировать и по сей день, являются ярким примером «классических» операций по наблюдению и контролю. Их работа сосредоточена на обеспечении соблюдения соглашений о прекращении огня, стабилизации обстановки на местах и создании условий для политических усилий, направленных на мирное разрешение конфликтов.

Участие советских военных наблюдателей в Органе ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия (UNTSO)

В ноябре 1947 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН был принят исторический план раздела Палестины, предусматривавший образование на ее территории двух независимых государств – арабского и еврейского, а также установление особого международного режима для Иерусалима. Однако данный план встретил резкое неприятие со стороны палестинских арабов и соседних арабских государств. После окончания британского мандата 14 мая 1948 г. было провозглашено создание государства Израиль, что уже на следующий день спровоцировало начало полномасштабных военных действий при активном участии арабских стран.

29 мая 1948 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 50, в которой призвал к немедленному прекращению боевых действий, уполномочил специального посредника ООН контролировать выполнение перемирия и создал группу военных наблюдателей для помощи посреднику. Так был основан «Орган ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия» (UNTSO) – операция ООН, начавшая работу в регионе в июне 1948 г. В рамках миссии были организованы четыре смешанные комиссии по перемирию (Mixed Armistice Commissions): израильско-иорданская, израильско-сирийская, египетско-израильская и ливанско-израильская.

С самого начала до сегодняшнего времени задачи военных наблюдателей UNTSO остались практически неизменными, главной из которых является контроль за соблюдением заключенных между Израилем и его арабскими соседями соглашений о перемирии, которые на многие годы стали главным фундаментом зыбкого мира во всем регионе. UNTSO ведет свою деятельность в зоне, расположенной на территории пяти государств – Египта, Израиля, Иордании, Ливана и Сирии, – осуществляя взаимодействие с каждым из них¹⁰.

Несмотря на последующие арабо-израильские конфликты (1956, 1967, 1973), наблюдатели UNTSO продолжали выполнять свои функции, адаптируясь к изменяющейся военно-политической обстановке. Их ключевая роль заключалась в посредничестве между враждующими сторонами, предотвращении эскалации локальных инцидентов и создании условий для диалога. Особую ценность представляла мобильность персонала UNTSO, позволявшая оперативно формировать новые группы для развертывания дополнительных миротворческих миссий в регионе.

6 октября 1973 г. на Ближнем Востоке разразилась война между египетскими и израильскими войсками в районе Суэцкого канала и на Синайском полуострове, а также между израильскими и сирийскими силами на Голанских высотах. Когда конфликт между Египтом и Израилем достиг критической стадии, Совет Безопасности ООН, опираясь на резолюцию № 340 от 25 октября 1973 г., принял решение о создании Вторых Чрезвычайных вооруженных сил (ЧВС-II) Организации Объединенных Наций. Первые ЧВС функционировали с 1956 по 1967 г.¹¹

ЧВС-II были оперативно развернуты между израильскими и египетскими армиями в районе Суэцкого канала, что способствовало стабилизации ситуации. В состав ЧВС-II вошли воинские контингенты и подразделения стран – членов ООН (за исключением постоянных членов Совета Безопасности), а также 300 военных наблюдателей, задача которых заключалась в контроле за соблюдением режима прекращения огня и возвращением сторон на прежние позиции, которые они занимали на момент вступления в силу соглашения о немедленном прекращении огня, установленного резолюцией Совета № 338 от 22 октября 1973 г.

Резолюция № 340 имела важное значение, так как она подтвердила ведущую роль Совета Безопасности, установила принцип равного географического представительства и открыла двери для участия стран Восточного блока в операциях ООН. Это стало возможным благодаря политике разрядки и улучшению советско-американских отношений в начале

¹⁰ Фёдоров В.Н. ООН и проблемы войны и мира. – Москва, 1988. – С. 134.

¹¹ Новиков С.С. Первые советские миротворцы Организации объединенных наций: исторический и правовой аспекты // Вестник Владимирского юридического института. – 2013. – № 3 (28). – С. 160.

1970-х годов СССР не только поддержал резолюцию, но и внес значительный финансовый вклад в размере 30 млн долларов¹².

Советская дипломатия активно поддерживала миротворческие операции ООН на Ближнем Востоке. Если военные наблюдатели от СССР не принимали участия в первоначальном развертывании UNTSO, то к 1973 г. взгляды советского военно-политического руководства изменились. В соответствии с решением высшего партийного руководства в октябре 1973 г. в Советском Союзе была оперативно сформирована группа военных наблюдателей ООН на базе Кантемировской дивизии, в которую вошли 36 офицеров ротного и батальонного звена под командованием заместителя командира дивизии полковника Н.Ф. Белика. Формирование и отправка группы контролировались на высшем уровне, и инструктаж проводил лично заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерал армии Н.В. Огарков. 25 ноября 1973 г. первая группа в составе 12 человек официально приступила к выполнению миротворческой миссии в Египте, в зоне Суэцкого канала. В ее состав вошли: Н.Ф. Белик, М.Б. Бибиков, Е.И. Бирюк, Б.Ф. Бобров, В.В. Гергель, В.И. Катамидзе, В.В. Кузьмин, А.Л. Мирошников, Г.С. Пименов, Н.Г. Потемкин, А.С. Соколов, А.Т. Сорокин¹³.

В этот же день состоялась торжественная церемония вручения офицерам группы голубых беретов и голубых шарфов – атрибутов формы одежды военнослужащих ООН, а также специальных удостоверений личности, подтверждающих статус военных наблюдателей ООН. Именно этот день официально считается датой начала участия советских военнослужащих в миротворческих операциях ООН.

30 ноября 1973 г. первая группа офицеров была расширена за счет 24 новых специалистов. Многие из них обладали значительным опытом службы за границей, участия в боевых операциях и владели несколькими иностранными языками. Личный состав разделили на два отряда. Первый, под командованием майора В. Маренко, направили в Сирию, в район Голанских высот. Вторая группа во главе с полковником Н. Беликом осталась выполнять миротворческие задачи в зоне Суэцкого канала¹⁴.

После принятия резолюции Совета Безопасности ООН от 22 октября 1973 г. и при активном участии СССР боевые действия на Ближнем Вос-

¹² Участие России в миротворческих операциях. Наша миссия // Министерство обороны Российской Федерации. – URL: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/391589/> (дата обращения: 08.06.2025).

¹³ Организация ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия (UNTSO) // United Nations Peacekeeping. – URL: <https://peacekeeping.un.org/en/mission/untso> (дата обращения: 08.07.2025).

¹⁴ Крюкова Е. Воспоминания старшего офицера первой группы миротворцев полковника Н.Ф. Белика // Независимое военное обозрение. – 1998. – № 41. – URL: <http://un-museum.ru/virtual/first.htm> (дата обращения: 08.07.2025).

токе были временно прекращены. Однако противоборствующие стороны, разделенные нейтральной полосой, сохраняли высокую боеготовность. Контроль за 230-километровой линией фронта осуществляли всего восемь патрулей военных наблюдателей, включая советских офицеров.

Фронт делился на 18 секторов патрулирования, простиравшихся с севера на юг. Наблюдение велось как со стороны Египта (два международных офицера и египетский представитель), так и из Иерусалима, где располагался штаб UNTSO. Для координации действий на египетской стороне функционировали командный пункт в Исмаилии и каирский штаб, а на израильской – пост в Кантаре.

С начала 1974 г. советские наблюдатели включились в масштабные операции. Одной из ключевых стала «Омега» (5 февраля – 31 марта), целью которой был поиск тел погибших в ходе войны 1973 г. В задачи миротворцев входило: сопровождение египетских и израильских поисковых групп; координация переговоров между сторонами; обеспечение безопасности работ; предотвращение возможных конфликтов.

За время операции провели 173 поисковые миссии, в ходе которых обнаружили 183 тела израильских и 321 арабского военнослужащего. Работы велись в крайне опасных условиях – участникам приходилось передвигаться по неразведанным минным полям среди неразорвавшихся боеприпасов, включая шариковые бомбы, применявшиеся израильской авиацией. В феврале на mine подорвался патруль из Кантары: двое аргентинских наблюдателей были ранены, а израильский офицер погиб. В марте жертвами мин стали четверо панамских миротворцев. Не менее сложной оказалась операция «Линия Альфа» по разметке границы между буферной зоной и территорией египетских войск. В течение месяца наблюдатели работали на сплошном минном поле, где советские офицеры продемонстрировали профессионализм, не уступая опытным коллегам из других стран¹⁵.

Согласно регламенту ООН, наблюдатели регулярно меняли места службы. В этой связи шестерых советских офицеров в начале 1975 г. перевели в Дамаск в состав Смешанной израильско-сирийской комиссии по перемирию. Тем не менее в связи ситуацией в зоне Суэцкого канала и подписанием очередного соглашения о разъединении египетских и израильских войск на Синайском полуострове наблюдателей ООН, находившихся в Каире и регулярно проводивших инспектирование войск на восточном берегу Суэцкого канала, а также зенитно-ракетных позиций на его западном берегу, не хватало. Поэтому было принято решение привлекать для выполнения данной задачи военных наблюдателей, находившихся в Дамаске, перебрасывая их из столицы Сирии самолетом в

¹⁵ Исаенко А. По следам Лоуренса Аравийского: записки военного наблюдателя ООН // Независимое военное обозрение. – 01.08.2003. – URL: https://nvo.ng.ru/notes/2003-08-01/8_oon.html (дата обращения: 08.07.2025).

Египет – в город Исмаилию. Там они проводили две инспекции, после чего возвращались в Дамаск.

Служба советских военных наблюдателей в миротворческих операциях не только способствовала стабилизации обстановки на Ближнем Востоке, но и укрепила связи с другими странами, участвующими в миротворческой деятельности. Как сказал один из участников, полковник Н.Ф. Белик: «Мы не просто наблюдали за выполнением соглашений, мы становились связующим звеном между конфликтующими сторонами, показывая, что даже в самых сложных условиях возможно сосуществование и взаимопонимание»¹⁶.

Опыт, полученный в этих операциях, стал ценным вкладом в мировую практику миротворчества. Он показал, что даже в эпоху противостояния возможно взаимодействие, что остается актуальным и сегодня.

* * *

Проведенное исследование эволюции позиции СССР в вопросах миротворческой деятельности и специфики его участия в урегулировании ближневосточных конфликтов в эпоху Холодной войны позволяет выделить следующие ключевые положения. Участие Советского Союза в операциях ООН заложило основу для развития российского миротворчества, сохраняющего актуальность в современной геополитике. Кроме того, этот опыт не только укрепил взаимодействие с ближневосточными государствами, но и позиционировал СССР как гаранта интересов арабских стран. Подобная стратегия способствовала росту авторитета СССР на мировой арене, создав новые векторы для диалога с Западом даже в условиях идеологического противостояния.

После Второй мировой войны ООН стала главным инструментом решения глобальных вызовов, несмотря на противоречия между странами-основателями. Советский Союз, изначально скептически относившийся к миротворческим инициативам организации, постепенно пересмотрел свою позицию. За 45 лет взаимодействия подход СССР трансформировался от пассивного наблюдения до активного вовлечения, что было обусловлено как сдвигами в международной обстановке, так и внутренней переоценкой внешнеполитических приоритетов.

После распада СССР Российская Федерация, унаследовав статус постоянного члена СБ ООН, перешла к активному участию в миротворчестве. Это позволило переосмыслить прежние стратегии, адаптировав их к реалиям постбиполярного мира. Акцент на многостороннее сотрудничество стал ответом на вызовы нестабильности, сохранив при этом преемствен-

¹⁶ Крюкова Е. Воспоминания старшего офицера первой группы миротворцев полковника Н.Ф. Белика // Независимое военное обозрение. – 1998. – № 41. – URL: <http://un-museum.ru/virtual/first.htm> (дата обращения: 08.07.2025).

ность относительно советского опыта. Деятельность советских наблюдателей на Ближнем Востоке в период Холодной войны продемонстрировала возможность диалога в условиях конфронтации. Накопленные методы работы с конфликтующими сторонами, координация в зонах повышенного риска и баланс между дипломатией и силовым сдерживанием остаются востребованными в современных операциях.

Советское участие в миротворчестве стало не только инструментом «мягкой силы», но и школой для формирования международных стандартов безопасности. Сегодня Россия, опираясь на этот опыт, продолжает играть ключевую роль в глобальных инициативах, подчеркивая важность адаптации исторических практик к новым угрозам – от гибридных конфликтов до кризисов в цифровую эпоху. Как отмечают эксперты, преемственность в миротворчестве служит мостом между эпохами, демонстрируя, что даже в условиях конкуренции сотрудничество остается необходимым условием стабильности.

Список источников и литературы

1. Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция 377 (V) «Uniting for Peace». 5-я сессия, 302-е пленарное заседание. 3 ноября 1950 г. // United Nations Digital Library. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/209392> (дата обращения: 21.04.2025).
2. Запарий Ю.В. Миротворческие операции ООН и Советский Союз: политика и практика // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2004. – № 31 (7). – С. 142–153.
3. Исаенко А. По следам Лоуренса Аравийского: записки военного наблюдателя ООН // Независимое военное обозрение. – 01.08.2003. – URL: https://nvo.ng.ru/notes/2003-08-01/8_oon.html (дата обращения: 08.07.2025).
4. Кривчикова Э.С. Вооруженные силы ООН: практика применения. – Москва: Международные отношения, 1965. – 191 с.
5. Крюкова Е. Воспоминания старшего офицера первой группы миротворцев полковника Н.Ф. Белика // Независимое военное обозрение. – 1998. – № 41. – URL: <http://un-museum.ru/virtual/first.htm> (дата обращения: 08.07.2025).
6. Новиков С.С. Первые советские миротворцы Организации объединенных наций: исторический и правовой аспекты // Вестник Владимирского юридического института. – 2013. – № 3 (28). – С. 159–163.
7. Организация ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия (UNTSO) // United Nations Peacekeeping. – URL: <https://peacekeeping.un.org/en/mission/untso> (дата обращения: 08.07.2025).
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 октября 1996 г. № 1251 «Об утверждении положения о специальном воинском контингенте в составе Вооруженных Сил Российской Федерации для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» //

- Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.04.2025).
9. Семёнов В.С. Вооруженные силы ООН: практика применения. – Москва: Международные отношения, 1976. – 174 с.
 10. Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Сайт Президента Российской Федерации. – URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 08.09.2025).
 11. Участие России в миротворческих операциях. Наша миссия // Министерство обороны Российской Федерации. – URL: <https://army.gic.mil.ru/Stati/item/391589/> (дата обращения: 08.06.2025).
 12. Федеральный закон от 23 июня 1995 г. № 93-ФЗ «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6959/ (дата обращения: 30.04.2025).
 13. Фёдоров В.Н. ООН и проблемы войны и мира. – Москва, 1988. – 260 с.
 14. Uniting for peace – General Assembly Resolution // United Nations. – 1950. – URL: <https://www.un.org/unispal/document/uniting-for-peace-ga-resolution-03nov1950/> (дата обращения: 21.04.2025).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТ В ТУРЦИИ: ЭВОЛЮЦИЯ И АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ

ГУЗАЕРОВ Разиль Илшатович

младший научный сотрудник Отдела Ближнего
и Постсоветского Востока Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

E-mail: guzaerov99@bk.ru

SPIN-код: 1316-0272

ORCID: 0000-0003-0006-9975

МЕЛИХОВ Григорий Максимович

студент Дипломатической академии МИД России

E-mail: coplenderrr@mail.ru

ORCID: 0009-0000-6421-7821

Для цитирования: *Гузаеров Р.И., Мелихов Г.М.* Использование криптовалют в Турции: эволюция и актуальное состояние // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 4 (12). – С. 121–136. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.08.

Аннотация. Статья посвящена анализу развития сферы криптовалют в Турции. Рост интереса к криптовалютам в Турции был обусловлен стремлением населения сохранить свои активы в условиях экономического кризиса. Экономическое положение Турецкой Республики характеризуется экономической нестабильностью и частыми кризисами, а также девальвацией национальной валюты. Данная ситуация поспособствовала более активному внедрению криптовалют в турецкую экономику. Анкара постепенно вводит криптовалюту в правовое поле, развивая законодательство в данной сфере. Анализируется законодательная база в данной области, представлены ключевые институты, обеспечивающие деятельность в сфере криптовалют, и их основные задачи. Представлены ключевые сферы применения криптовалют. Отмечается, что на данный момент рано говорить об успешности принятых мер, поскольку они несут за собой другие возможные риски. Угроза международных преступлений стоит на переднем плане и заставляет турецкие власти осуществлять постоянный мониторинг ситуации и улучшать собственные стандарты по борьбе с ними.

Ключевые слова: Турция, экономическая политика, криптовалюта, криптобиржи, листинг, биржа, экономические кризисы, девальвация валюты.

The Use of Cryptocurrencies in Turkey: Evolution and Current State

Razil I. GUZAEROV

Junior Researcher, Department of Middle
and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

E-mail: guzaerov99@bk.ru

SPIN-code: 1316-0272

ORCID: 0000-0003-0006-9975

Grigorii M. MELIKHOV

Student, Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs

E-mail: coplenderrr@mail.ru

ORCID: 0009-0000-6421-7821

For citation: Guzaerov R.I., Melikhov G.M. (2025). The Use of Cryptocurrencies in Turkey: Evolution and Current State. *Middle and Post-Soviet East*, no. 4 (12), pp. 121–136. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.08.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the development of the field of cryptocurrencies in Turkey. The growing interest in cryptocurrencies in Turkey was driven by the desire of the population to preserve their assets in the face of the economic crisis. The economic situation of the Republic of Turkey is characterized by economic instability and frequent crises, as well as the devaluation of the national currency. This situation has contributed to a more active introduction of cryptocurrencies into the Turkish economy. Ankara is gradually introducing cryptocurrency into the legal field, developing legislation in this area. The legislative framework in this area is analyzed, the key institutions providing activities in the field of cryptocurrencies and their main tasks are presented. The key areas of application of cryptocurrencies are presented. It is noted that now it is too early to talk about the success of the measures taken, as they entail other possible risks. The threat of international crimes is at the forefront and forces the Turkish authorities to constantly monitor the situation and improve their own standards to combat them.

Keywords: Turkey, economic policy, cryptocurrency, crypto exchanges, listing, stock markets, economic crises, currency devaluation.

Получившая впервые популярность в узких кругах энтузиастов, криптографов и программистов технология децентрализованного обмена криптовалютой между пользователями стала значительно более известной и доступной для широкого круга людей по всему миру, хотя ее повсеместное использование рядовыми гражданами все еще нельзя назвать массовым в силу отсутствия правового регулирования данной сферы во многих государствах и некоторых других рисков.

К росту популярности криптовалют привело множество факторов. Технология блокчейн обеспечивает некоторую анонимность платежей:

операции привязаны не к личности, а к публичным адресам, однако при этом история транзакций остается открытой для просмотра. Помимо условной анонимности, другим ключевым аргументом в пользу использования криптовалют является децентрализация, т.е. отсутствие единого контролирующего органа, по типу Центрального банка в контексте государств и их национальных валют. Управление сетью основано на распределенном консенсусе участников и использовании их мощностей для проведения операций¹.

Механизм платежей основан на криптографии с открытым ключом: у каждого пользователя есть пара ключей. Публичный ключ используется для получения средств и может быть передан другим. Приватный ключ хранится в секрете и является абсолютным доказательством владения активом – он необходим для подписи транзакций и расходования средств, связанных с соответствующим адресом. Потеря приватного ключа означает безвозвратную потерю средств.

Подобные преимущества использования криптоактивов по сравнению с традиционными финансовыми инструментами нашли отклик как у обычного пользователя, так и у институциональных инвесторов и государств. Однако, с другой стороны, эти особенности технологии позволяют также использовать ее для преступной деятельности, в частности для международных преступлений: торговли наркотиками, финансирования терроризма и отмывания денег. Эти факторы подталкивают государства к созданию нормативно-правовой базы для функционирования крипторынков.

Пример эволюции положения криптовалют в Турции по-своему уникален и интересен. Экономическое положение Турецкой Республики характеризуется экономической нестабильностью и частыми кризисами, а также девальвацией национальной валюты. Данная ситуация поспособствовала более активному внедрению криптовалют в турецкую экономику.

Появление криптовалют в Турции

Неотъемлемым фактором, влияющим на появление и использование криптовалют является экономическая ситуация в республике. Рассматривая историю экономических проблем в Турции, важно вспомнить, что действующий президент Р.Т. Эрдоган во время своей избирательной кампании в 2002 г. использовал лозунги о необходимости экономических реформ в стране на фоне разразившегося кризиса 2001–2002 гг.² После

¹ Гаврилова Э.Н., Демьянюк А.С. Тенденции развития криптовалюты в современных условиях // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2023. – № 2 (45). – С. 25–32. – DOI: 10.21777/2587-554X-2023-2-25-32.

² Analysis: Turkish economic crisis recalls Erdogan's 2002 rise – but don't expect replay // Al-Monitor. – 16.10.2025. – URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2018/10/turkey-can-economic-crisis-lead-to-erdogans-downfall.html> (дата обращения: 18.08.2025).

прихода Партии справедливости и развития (ПСР) во главе с Р.Т. Эрдоганом перед ней встал вопрос выбора модели экономического развития. В силу некоторых исторических, внутривластных и геополитических причин, выбор элиты пал на модель активного и массового привлечения иностранного капитала для инвестиций в Турцию.

Поток иностранных инвестиций стал опорой экономического развития Турецкой Республики. Однако этот путь стал причиной появления ряда проблем: во-первых, увеличение иностранных инвестиций привело к падению курса национальной валюты, так как отдавать вложенные в иностранной валюте инвестиции приходится с доходом, т.е. с суммой больше, чем было вложено, вследствие чего необходимо продавать больше национальной валюты, создавая повышенный спрос на иностранную. Во-вторых, обязательства перед иностранными инвесторами стали слабым местом экономики государства в кризисные периоды, так как в них инвесторы выводят свой капитал из экономики государства в менее рискованные активы. Однако такая модель обеспечивала стремительный рост экономики, когда средний рост ВВП Турции за период с 2002 по 2018 г. составил 5,6%³.

В 2017 г. в мире наблюдался период нулевых процентных ставок, побуждающий инвесторов активно вкладываться в развивающиеся страны, к которым относится и Турция. Иностранные инвесторы направляли капитал в страну даже при том, что год назад, в связи с попыткой госпереворота, наблюдалось снижение инвестиционной активности, замедлившее экономику. Турция в тот период времени находилась под влиянием эффекта прошлых успехов по развитию экономики. Поэтому элитами вновь был выбран путь увеличения госрасходов и раздачи государственных гарантий в корпоративном секторе. Данные методы могут привести к росту инфляции в государстве, что случилось и в Турции.

Помимо этого, Турецкая Республика часто ставится в пример государствам, которые неправильно осуществляли свою денежно-кредитную политику (ДКП), вследствие чего переживали множество сильных кризисов. В Турции существует отдельная теория, т.н. «нетрадиционного» подхода к ДКП, продвигаемая в том числе президентом Турции Р.Т. Эрдоганом, заключающаяся в идее того, что повышение ключевой ставки (КС) является поводом увеличения инфляции. Данный подход разнится с международными стандартами по борьбе с инфляцией, которые подразумевают, что повышение КС охлаждает спрос в экономике и направляет население к сбережению денег, что в свою очередь чревато рецессией для экономики и поэтому требует постоянного поиска баланса и независимости ЦБ страны в принятии решений. Собственно, такой подход и был исполь-

³ Эрдоган против экономики: почему закончилось «турецкое чудо» // РБК. – 15.08.2025. – URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/15/08/2018/5b73ca9b9a7947e81e55e3c5> (дата обращения: 18.08.2025).

зован в период вышеописанной попытки разгона экономики: инфляция в Турции превышала 10% с начала 2017 г., однако ЦБ не повышал ключевую ставку вплоть до июня 2018 г., вследствие чего масштабы кризиса стали только больше⁴.

В сумме эти два фактора (модель развития через привлечение иностранных инвестиций и своеобразный подход элит к ДКП), а также состояние мировой экономики, послужили причиной множества кризисов в Турции, связанных с девальвацией национальной валюты.

Параллельно с вышеописанными кризисами в Турции в мире происходил процесс популяризации криптовалют. Так, капитализация крипторынков по данным «CoinGecko», испытав несколько явных взлетов и падений за период 2017–2020 гг., начала постоянно расти⁵. Драйверами роста после 2020 г. были постепенные внедрения криптотехнологий в правовые поля государств, рост популярности децентрализованных финансов (DeFi) и постковидная ситуация, которая характеризовалась повышенным спросом на криптоактивы с целью защиты капитала от инфляции.

Население Турции не стало исключением и также начало пытаться защитить сбережения путем покупки цифровых активов⁶.

Регуляция криптоиндустрии в Турции

Популяризация криптовалют несла для государств несколько последствий. Первое – так как повышение спроса пришлось на «ковидные» времена, в которые государства начали делать усиленные вливания денег в бюджет, пользователи по большей части переводили свои деньги в цифровой эквивалент с целью диверсификации своего капитала или из-за неустойчивости национальной валюты, поэтому финансовым регуляторам стран нужно было предпринять меры в ответ на рост использования криптовалют. Второе – при определенных условиях можно представить, что не зарегулированная сфера криптовалют смогла сильно повлиять на экономику государства в кризисный период. Третье – отсутствие государственного контроля за движением цифрового капитала в стране может обернуться превращением страны в проходную точку в цепочках финан-

⁴ Эрдоган играет с огнем, навязывая огромные счета будущим поколениям Турции // EADaily. – 12.08.2021. – URL: <https://easily.com/ru/news/2021/08/12/erdogan-igract-s-ognem-navyazyvaya-ogromnye-scheta-budushchim-pokoleniyam-turcii-mnenie> (дата обращения: 25.08.2025).

⁵ Global Cryptocurrency Market Cap Charts // CoinGecko. – URL: <https://www.coingecko.com/en/global-charts> (дата обращения: 25.08.2025).

⁶ Гостев Д.Н., Меденина В.А. Теневая экономика в цифровую эпоху: криптовалюты, фриланс-платформы и новые формы урегулирования // Научно-практический журнал. – 2024. – № 3. – С. 150–158. – DOI: 10.47576/2949-1886.2025.3.3.020.

сирования международных преступлений: терроризма, торговли наркотиками, отмывания денег и др.

Из возможных вариантов регуляции были: а) ввод полного запрета на использование криптоактивов, трейдинг и майнинг; б) реализация понятной регуляции всех аспектов криптотехнологий; в) снятие всех лимитов и ограничений с криптовалют и попытка привлечь в экономику как можно больше денег извне; г) отсутствие регуляции и превращение этой части экономики в «серую зону».

С целью избежать таких критических рисков, как коллапс экономики государства по причине вывода значительной части капитала из нее, государства должны ввести хотя бы какую-то регуляцию использования криптоактивов. Некоторые специалисты даже ввели определенную метрику доверия населения к государству, путем измерения жесткости регуляции криптовалют⁷. К примеру, если государство понимает, что его национальная валюта используется только по причине отсутствия альтернатив или наличия директивного указа, его оптимальной стратегией будет запрет криптовалют, чтобы избежать утекания капитала из «замкнутой» экономики страны. К группе стран с подобными вариантами регуляции относят: КНДР, Египет, Алжир, Ирак и др. Подобный вариант чреват созданием серого рынка криптовалют.

Самым оптимальным вариантом для Турецкой Республики было принятие понятной регуляции в криптоиндустрии, что связано с активным увеличением числа турецких пользователей, использующих данный актив (порядка 19,3% населения страны на 2024 г.⁸). Криптовалюта была в Турции еще до принятия какой-либо официальной регуляции. Первая криптобиржа «BtcTurk» появилась уже в 2013 г. Однако непосредственным поводом для разработки нормативно-правовой базы стали два известных случая закрытия мошеннических бирж в Республике – «Thodex» и «Vebitcoin» в 2021 г.⁹ Тогда начались первые обсуждения введения регуляции, а также была запрещена оплата товаров и услуг с помощью криптовалюты¹⁰.

⁷ Антончева О.А., Апанасенко Т.Е. Отношение государства к криптовалюте как индикатор его доверия к обществу // Управленческое консультирование. – 2020. – № 11. – С. 132. – DOI: 10.22394/1726-1139-2020-11-130-139.

⁸ Каждый пятый в Турции инвестирует в криптовалюту. Türkiye’de her 5 kişiden biri kripto yatırımcısı // Anadolu Ajansı. – 07.12.2024. – Турец. яз. – URL: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/turkiyede-her-5-kisiden-biri-kripto-yatirimcisi/3416905> (дата обращения: 02.10.2025).

⁹ Turkey Cryptocurrency Exchange Bust Spurs Move for Regulation // Bloomberg. – 27.04.2021. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-04-27/turkey-cryptocurrency-exchange-bust-spurs-move-for-regulation> (дата обращения: 26.08.2025).

¹⁰ Turkey bans crypto payments and Bitcoin feels the pain // Al Jazeera. – 16.04.2021. – URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2021/4/16/turkey-bans-crypto-payments-and-bitcoin-feels-the-pain> (дата обращения: 26.08.2025).

К тому же Турецкая Республика в 2021 г. вошла в «серый список» Группы разработки финансовых мер по отмыванию денег¹¹ – межправительственной организации в рамках Большой семерки – по причине предположительной деятельности по финансированию терроризма и отмывания денег и неполного соответствия требованиям ФАТФ.

Только в июне 2024 г. был принят всеобъемлющий закон, регулирующий криптоиндустрию. Закон № 7518 «О внесении изменений в Закон о рынке капиталов Турции (№ 6362)» от 26 июня 2024 г. включил крипто-технологии и активы в правовое поле страны¹². Закон ввел необходимые юридические термины и их правовые рамки: кошелек, криптоактив, провайдер услуг криптоактивов, услуга хранения криптоактивов и др.

Также в законе прописаны обязанности компаний, желающих стать провайдером услуг с криптоактивами – они должны выполнить ряд строгих требований, например, иметь собственный капитал в размере минимум 50 млн турецких лир, получить разрешение на деятельность от Совета по рынкам капитала (Sermaye Piyasası Kurulu, SPK). Закреплены гарантии неприкосновенности средств клиентов и невозможности их использования в целях провайдера, например, для покрытия долгов биржи, однако подчеркнуто, что государство не обеспечивает ценность криптоактивов и не страхует вложенный в них капитал. Данные меры подчеркивают серьезность регулятора по отношению к поставщикам криптоуслуг. Совет Турции по научно-техническим исследованиям (Türkiye Bilimsel ve Teknolojik Araştırma Kurumu, TÜBİTAK), в свою очередь, назначен ответственным за техническую сторону вопроса реализации работы криптосистем.

Помимо этого, строго регламентируется деятельность платформ, в частности правила торговли, листинга (появление нового тикера на бирже) и ценообразования (ценообразование свободное, однако имеются механизмы по борьбе с манипуляциями цен), а также вводятся международные регламенты KYC (know your client) и AML (anti-money laundering).

Вместе с этим прописаны обязанности по отчислению средств в размере по 1% от годового дохода в пользу Совета по рынкам капитала и Совета Турции по научно-техническим исследованиям и установлена строгая уголовная ответственность за нарушения нового закона.

Также в Турции осуществляет свою деятельность Агентство банковского регулирования и надзора (Bankacılık Düzenleme ve Denetleme Kurumu, BDDK), которое ответственно за выдачу лицензий банкам для осуществления деятельности провайдера криптоуслуг и одобряет хранение активов клиентов на счетах в банках.

¹¹ Группа по борьбе с финансовыми нарушениями включила Турцию в «серый список» // РИА Новости. – 21.10.2021. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/12731557> (дата обращения: 26.08.2025).

¹² Закон № 7518. Kanun № 7518 // Resmi Gazete. – 02.07.2024. – Турец. яз. – URL: <https://resmigazete.gov.tr/eskiler/2024/07/20240702-1.htm> (дата обращения: 26.08.2025).

Кроме этого, в Турции функционирует орган противодействия финансовым преступлениям MASAK (Mali Suçları Araştırma Kurulu). В соответствии с президентским указом № 3341 от апреля 2021 г. его полномочия были расширены до надзора за финансовыми операциями в криптосфере¹³. Согласно президентскому указу № 9305 от 25 декабря 2024 г.¹⁴ MASAK обязал провайдеров криптоуслуг совершать полную идентификацию личности клиента и противодействовать отмыванию денег путем дополнительного контроля над операциями превышающих 15 тыс. турецких лир (≈ 365 долларов США)¹⁵.

Говоря про налогообложение, криптовалюты в соответствии с законом определены в качестве финансового актива, а не платежного средства, что формирует правовую основу для их налогообложения. Фискальный режим предполагает применение к операциям с цифровыми активами стандартных норм налогообложения доходов физических и юридических лиц. Прибыль, полученная в результате отчуждения криптовалют, квалифицируется как прирост капитала и подлежит обложению налогом на доходы по прогрессивной шкале, варьирующейся в диапазоне от 15 до 40% для резидентов. Корпоративный доход в данной сфере облагается по ставке 20%. Операции, связанные с получением доходов от майнинга, стейкинга и иных форм вознаграждений, признаются налогооблагаемыми доходами в соответствии с их экономической сущностью. Администрирование указанных положений осуществляется Налоговым управлением Турции (Gelir İdaresi Başkanlığı, GİB) в рамках общего режима декларирования: физические лица представляют отчетность до 31 марта, юридические лица – до 30 апреля¹⁶. Отсутствие надлежащего декларирования влечет за собой применение финансовых санкций в виде штрафов, размер которых может многократно превышать сумму неуплаченного обязательства. В настоящее время рассматривается вопрос введения дополнительного транзакционного налога по ставке 0,03%, что направлено на увеличение

¹³ Постановление № 3941. Постановление о внесении изменений в постановление о мерах по предотвращению отмывания преступных доходов и терроризма. Karar № 3941. Suç gerilerinin aklanmasının ve terörün finansmanının önlemesine dair tedbirler hakkında yönetmenlikte değişiklik yapılmasına dair yönetmenlik // Resmi Gazete. – 01.05.2021. – Турец. яз. – URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2021/05/20210501-5.pdf> (дата обращения: 26.08.2025).

¹⁴ Постановление № 9305. Karar № 9305 // Resmi Gazete. – 25.12.2024. – Турец. яз. – URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2024/12/20241225-1.pdf> (дата обращения: 29.08.2025).

¹⁵ Turkey to Give Authorities Power to Freeze Crypto Accounts in New AML Rules // Yahoo Finance. – 29.09.2025. – URL: https://consent.yahoo.com/v2/collectConsent?sessionId=3_cc-session_c48142b4-357c-49f7-a415-dc5f99f24845 (дата обращения: 29.08.2025).

¹⁶ Turkey Implements 15%-40% Crypto Taxes, Boosts Compliance // Ainvest. – 11.04.2025. – URL: <https://www.ainvest.com/news/turkey-implements-15-40-crypto-taxes-boosts-compliance-2504/> (дата обращения: 06.09.2025).

фискальных поступлений и дальнейшую интеграцию данного сегмента в национальную финансовую систему¹⁷.

В целом принятие законов, регулирующих какие-либо проблемные аспекты экономики, сказывается положительно на всей системе, так как позволяет инвесторам иметь более полное понимание государственной позиции по проблеме. Так же произошло и в Турции. После принятия нормативно-правовой базы криптоиндустрии, крупные криптоинвесторы посчитали Турцию более привлекательным вариантом инвестирования, так как у них появилась уверенность в действиях государства (хотя бы прописанная в законах).

После принятия данного закона Анкара была исключена из «серого списка» ФАТФ. С точки зрения позиционирования себя на международной арене, это очень сильно сыграло на руку Турции. По некоторым подсчетам, после принятия данного закона хлынувший в республику иностранный капитал должен был замедлить инфляцию турецкой лиры и способствовать поддержке национальной экономики¹⁸.

Более того, принятые нормы вписываются и в международные стандарты. Например, запрет платформам осуществлять анонимные транзакции, и процедура обязательной идентификации отправителя и получателя являются исполнением одного из критериев ФАТФ – «Travel rule» (правило передвижения). Также Турция имплементировала в свою правовую систему единый европейский стандарт в сфере крипторынков – MiCA (Markets in Crypto-Assets). Положение ЕС о рынках криптоактивов от 30 декабря 2024 г. влияет на турецких поставщиков криптоуслуг, работающих на европейский рынок и обязует их производить дополнительные проверки транзакций¹⁹.

Понятная и не запрещающая деятельность в сфере криптоиндустрии регуляция, наряду с встраиванием в международные стандарты и контролирующие органы демонстрирует желание Анкары пойти по пути становления «хабом» в сфере криптотехнологий²⁰, что отлично вписывается в одну из основных вех турецкой внешней политики по позиционированию

¹⁷ Каждый пятый в Турции инвестирует в криптовалюту. Türkiye’de her 5 kişiden biri kripto yatırımcısı // Anadolu Ajansı. – 07.12.2024. – Турец. яз. – URL: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/turkiyede-her-5-kisiden-biri-kripto-yatirimcisi/3416905> (дата обращения: 02.10.2025).

¹⁸ Turkey Taken Off Dirty Money ‘Gray List’ of Global Watchdog // Bloomberg. – 28.06.2024. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-06-28/turkey-taken-off-dirty-money-gray-list-of-global-watchdog> (дата обращения: 26.08.2025).

¹⁹ Turkey MiCA 2025 // Scorechain. – URL: <https://www.scorechain.com/resources/crypto-glossary/turkey-mica-2025> (дата обращения: 27.08.2025).

²⁰ Turkey grants full control of crypto regulation to CMB // DigWatch. – URL: <https://dig.watch/updates/turkey-grants-full-control-of-crypto-regulation-to-cmb> (дата обращения: 27.08.2025).

Турции в роли главного международного хаба – газового, транспортного, финансового, дипломатического и т.д.²¹

Так, в Стамбуле ежегодно с 2020 г. проходит «Стамбульская неделя блокчейна»²². Турция вступила в ключевой этап развития Web3 (термин, описывающий децентрализованный этап развития интернета), поэтому эта площадка является возможностью познакомиться с ключевыми игроками в криптоиндустрии республики, а также поучаствовать в создании новых правил на заре эпохи и заработать на этом. Безусловно, собрание ключевых акторов на турецком рынке представляет большой интерес для иностранных компаний и инвесторов.

Использование криптовалюты в Турции

Для населения Турции криптовалюта имеет множество преимуществ, которые на фоне экономических кризисов и девальвации турецкой лиры становятся особенно очевидными. В первую очередь, граждане используют ее для диверсификации своих активов или как минимум для защиты накоплений от двузначной инфляции²³.

Ключевыми инструментами в этом вопросе стали стейблкоины – криптоактивы, курс которых стабилизируется относительно национальных валют или биржевых товаров (золото, нефть и т.д.). Стейблкоины упрощают процесс покупки и владения активом. Например, приобретение стейблкоинов, привязанных к доллару, стало оптимальным вариантом для защиты от девальвации национальной валюты, поскольку оно не требует физического владения и хранения, а также менее подвержено государственному контролю. Кроме того, стейблкоины, как и другие криптоактивы, можно мгновенно переводить с низкими комиссиями как внутри страны, так и между государствами, без использования системы SWIFT.

Согласно докладу Chainalysis «The 2024 Geography of Crypto Report»²⁴ от октября 2024 г. Турция заняла первое место в регионе Ближнего Востока и Северной Африки и седьмое место в мире по объему увеличения своего крипторынка в период 2023–2024 гг. Помимо этого, Турция находится на первом месте в мире по объему покупок стейблкоинов за национальную валюту по проценту от ВВП, а также 55% всего приходящего

²¹ Аватков В.А., Сбитнева А.И. Слова и смыслы во внешнеполитическом дискурсе Турции // Политическая наука. – 2025. – № 2. – С. 124–125. – DOI: 10.31249/poln/2025.02.05.

²² Istanbul Blockchain Week // Istanbul Blockchain Week. – URL: <https://istanbulblockchain-week.com/> (дата обращения: 29.08.2025).

²³ Turks flock to cryptocurrencies in search of stability // Financial Times. – 23.12.2022. – URL: <https://www.ft.com/content/02194361-a5b9-4bf0-9147-f36ba7759cf1> (дата обращения: 25.08.2025).

²⁴ The 2024 Geography of Crypto Report // Chainalysis. – 2024. – URL: <https://go.chainalysis.com/2024-geography-of-cryptocurrency-report.html> (дата обращения: 30.08.2025).

капитала в крипторынок в Турции используются для покупки стейблкоинов, что в свою очередь демонстрирует статистически повышенный спрос турецких потребителей на стейблкоины, подтверждая вышеописанные тезисы. Более того, около 20% населения Турции являются инвесторами в криптовалютах, что ставит Турцию на третье место в мире по проценту населения, владеющего криптоактивами²⁵. Возможность использования криптовалют в обычной жизни также облегчилась с момента появления в Турции криптообменников, позволяющих легко обналчить криптоактивы.

Институциональные инвесторы изначально не рассматривали криптовалюту как вариант вложения средств. Так, например, глава крупнейшего банка JP Morgan Джейми Даймон в сентябре 2017 г. заявлял, что цифровые валюты – это мошеннический инструмент, который подходит для использования наркодилерам, киллерам и жителям стран по типу Северной Кореи²⁶. Однако в последнее время ситуация стремительно изменилась. С появлением BTC-ETF (торгуемого на бирже фонда, который владеет биткоином, покупая который инвестор опосредованно покупает биткоин, но без необходимости реального владения биткоином и без необходимости регистрироваться на биржах) появилась возможность вложения средств в криптоактивы без регистрации на криптобиржах и прямого владения данным активом, что послужило для создания большего пула ликвидности и, как следствие, уменьшило волатильность, чем также начали пользоваться институциональные инвесторы. Помимо этого, инвесторы начали создавать свои криптопродукты по хранению цифровых активов, токенизации реальных активов (недвижимости, облигаций, товаров и др.). Турецкие банки также создали свои криптодепартаменты, предлагающие цифровые услуги²⁷.

Согласно «Глобальному индексу принятия криптовалют 2025» Турция заняла 14-е место в мире. Можно предположить, что данный показатель положительно скажется на выборе Анкары для аллокации криптоактивов со стороны инвесторов²⁸.

Интерес Турции в осуществлении деятельности криптоиндустрии заключается в том, что через принятие понятных законов, которые дают свободу в деятельности в криптосфере, этот вариант вложения выглядит

²⁵ Каждый пятый в Турции инвестирует в криптовалюту. Türkiye’de her 5 kişiden biri kripto yatırımcısı // Anadolu Ajansı. – 07.12.2024. – Турец. яз. – URL: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/turkiyede-her-5-kisiden-biri-kripto-yatirimcisi/3416905> (дата обращения: 02.10.2025).

²⁶ Bitcoin is a fraud that will blow up, says JP Morgan boss // The Guardian. – 13.09.2017. – URL: <https://www.theguardian.com/technology/2017/sep/13/bitcoin-fraud-jp-morgan-cryptocurrency-drug-dealers> (дата обращения: 30.08.2025).

²⁷ В каких банках есть биткоин. Bitcoin hangi bankalarda var? // 99 bitcoins. – 14.09.2025. – Турец. яз. – URL: <https://99bitcoins.com/tr/bitcoin-akademi/bitcoin-hangi-bankalarda-var/> (дата обращения: 04.09.2025).

²⁸ The 2025 Global Adoption Index // Chainalysis. – 02.09.2025. – URL: <https://www.chainalysis.com/blog/2025-global-crypto-adoption-index/> (дата обращения: 04.09.2025).

для инвесторов более выгодным. Помимо этого, идея «крипто-хаба» также полезна с точки зрения собирания крупнейших игроков на крипторынке и посредничестве в осуществлении активной экономической деятельности в данной области. Косвенным доказательством того, что развитие криптовалют на турецком рынке интересно государству, является то, что, несмотря на все трудности в имплементации, риски при реализации и необходимость вложения средств в развитие данной области, государство осуществило регуляцию и продолжает поддержку сферы путем, например, более лояльного налогообложения.

С другой стороны, для государств использование криптовалют позволяет реализовывать свою внешнеполитическую деятельность более скрытно, через финансирование различных структур за пределами государства через децентрализованные финансовые (блокчейн). Это создает для государств отдельный риск для своей репутации, особенно если эта деятельность разнится с интересами США. Так, например, в марте 2025 г. на сайте Министерства юстиции США был опубликован пресс-релиз, сообщающий об изъятии средств в размере 200 тыс. долл. США, которые направлялись для финансирования группировки ХАМАС, ведущей вооруженное противостояние с армией Израиля²⁹. По заявлениям официальных представителей министерства, средства хранились на кошельках, зарегистрированных в Турции, и были частью схемы по отмыванию денег и финансированию ХАМАСа в размере 1,5 млн долл. США. Можно предположить, что данный случай является лишь одним из немногих, оказавшихся в публичном доступе, что, однако, указывает на наличие данной проблемы на государственном уровне.

Террористические организации тоже подстраиваются под сегодняшние реалии. Если финансирование через традиционные финансы сейчас очень трудно осуществимо, то, в свою очередь, пожертвования путем использования блокчейн-технологий набирают популярность. Более того, методы обеспечения анонимности и безопасности тоже начали расти по мере того, как такую противозаконную деятельность научились обнаруживать и ликвидировать – террористические организации начали использовать более сложные маршруты по отмыванию денег с использованием анонимных кошельков и «миксеров» (сервисов по запутыванию следов происхождения криптовалюты), а также частных криптовалют, по типу Monero³⁰.

²⁹ Justice Department Disrupts Hamas Terrorist Financing Scheme Through Seizure of Cryptocurrency // US Ministry of Justice. – 27.05.2025. – URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/justice-department-disrupts-hamas-terrorist-financing-scheme-through-seizure-cryptocurrency> (дата обращения: 05.09.2025).

³⁰ 2025 Crypto Crime Report // TRMLabs. – 2025. – URL: <https://www.trmlabs.com/reports-and-whitepapers/2025-crypto-crime-report> (дата обращения: 06.09.2025).

* * *

Возникновение и стремительная популяризация криптоактивов в Турции были обусловлены не столько технологическим трендом, сколько глубокими макроэкономическими дисбалансами. Модель экономического развития, зависящая от постоянного привлечения иностранного капитала, которая повлекла за собой перманентную девальвацию национальной валюты, а также нестандартная денежно-кредитная политика создали уникальные условия, в которых криптовалюты, в первую очередь стейблкоины, стали для населения не спекулятивным инструментом, а механизмом защиты сбережений и диверсификации активов. Это подтверждается статистическими данными, демонстрирующими лидирующие позиции Турции по уровню проникновения криптовалют и объему покупки стейблкоинов.

Ответом государства на стихийное развитие рынка и сопутствующие риски в виде мошенничества, отмывания денег и финансирования терроризма стал путь не запрета, а комплексного регулирования. Принятие Закона № 7518 в июне 2024 г. стало важным этапом, заложившим основы легитимности криптоиндустрии. Государство четко определило ключевые понятия, установило жесткие требования к операторам платформ, в частности минимальный капитал, и лицензирование SPK, внедрило международные стандарты KYC/AML и закрепило правовой статус криптоактивов как финансового, а не платежного инструмента, определив тем самым режим их налогообложения.

Подобный регулятивный подход помог в достижении нескольких стратегических целей для Анкары. В первую очередь была повышена инвестиционная привлекательность Турции для крупных инвесторов, что способствовало притоку иностранного капитала в экономику. Имплементация международных стандартов в области помогла республике выйти из «серого списка» ФАТФ и открыла доступ турецкого бизнеса на международный рынок. А сами криптотехнологии помогают государству реализовывать свою внешнюю политику.

Безусловно, на данный момент рано говорить об успешности данных мер, поскольку они несут за собой другие возможные риски. Угроза международных преступлений стоит на переднем плане и заставляет турецкие власти осуществлять постоянный мониторинг ситуации и улучшать собственные стандарты по борьбе с ними.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А., Сбитнева А.И. Слова и смыслы во внешнеполитическом дискурсе Турции // Политическая наука. – 2025. – № 2. – С. 115–137. – DOI: 10.31249/poln/2025.02.05.

2. Антончева О.А., Апанасенко Т.Е. Отношение государства к криптовалюте как индикатор его доверия к обществу // *Управленческое консультирование*. – 2020. – № 11. – С. 130–139. – DOI: 10.22394/1726-1139-2020-11-130-139.
3. Гаврилова Э.Н., Демьянюк А.С. Тенденции развития криптовалюты в современных условиях // *Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*. – 2023. – № 2 (45). – С. 25–32. – DOI: 10.21777/2587-554X-2023-2-25-32.
4. Гостев Д.Н., Меденина В.А. Теневая экономика в цифровую эпоху: криптовалюты, фриланс-платформы и новые формы урегулирования // *Научно-практический журнал*. – 2024. – № 3. – С. 150–158. – DOI: 10.47576/2949-1886.2025.3.3.020.
5. Группа по борьбе с финансовыми нарушениями включила Турцию в «серый список» // *РИА Новости*. – 21.10.2021. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/12731557> (дата обращения: 26.08.2025).
6. Эрдоган играет с огнем, навязывая огромные счета будущим поколениям Турции // *EADaily*. – 12.08.2021. – URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2021/08/12/erdogan-igraet-s-ognem-navyazyvaya-ogromnye-scheta-budushchim-pokoleniyam-turcii-mnenie> (дата обращения: 25.08.2025).
7. Эрдоган против экономики: почему закончилось «турецкое чудо» // *РБК*. – 15.08.2025. – URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/15/08/2018/5b73ca9b9a7947e81e55e3c5> (дата обращения: 18.08.2025).
8. 2025 Crypto Crime Report // *TRMLabs*. – 2025. – URL: <https://www.trmlabs.com/reports-and-whitepapers/2025-crypto-crime-report> (дата обращения: 06.09.2025).
9. Analysis: Turkish economic crisis recalls Erdogan’s 2002 rise – but don’t expect replay // *Al-Monitor*. – 16.10.2018. – URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2018/10/turkey-can-eco-nomic-crisis-lead-to-erdogans-downfall.html> (дата обращения: 18.08.2025).
10. Bitcoin is a fraud that will blow up, says JP Morgan boss // *The Guardian*. – 13.09.2017. – URL: <https://www.theguardian.com/technology/2017/sep/13/bitcoin-fraud-jp-morgan-cryptocurrency-drug-dealers> (дата обращения: 30.08.2025).
11. Global Cryptocurrency Market Cap Charts // *CoinGecko*. – URL: <https://www.coingecko.com/en/global-charts> (дата обращения: 25.08.2025).
12. Istanbul Blockchain Week // *Istanbul Blockchain Week*. – URL: <https://istanbul-blockchainweek.com/> (дата обращения: 29.08.2025).
13. Justice Department Disrupts Hamas Terrorist Financing Scheme Through Seizure of Cryptocurrency // *US Ministry of Justice*. – 27.05.2025. – URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/justice-department-disrupts-hamas-terrorist-financing-scheme-through-seizure-cryptocurrency> (дата обращения: 05.09.2025).
14. Over Half of Turkey’s Population Now Owns Crypto, Here’s Why // *Binance*. – 12.09.2023. – URL: <https://www.binance.com/ru/square/post/1131869> (дата обращения: 04.09.2025).
15. The 2024 Geography of Crypto Report // *Chainalysis*. – 2024. – URL: <https://go.chainalysis.com/2024-geography-of-cryptocurrency-report.html> (дата обращения: 30.08.2025).

16. The 2025 Global Adoption Index // Chainalysis. – 02.09.2025. – URL: <https://www.chainalysis.com/blog/2025-global-crypto-adoption-index/> (дата обращения: 04.09.2025).
17. Turkey bans crypto payments, and Bitcoin feels the pain // Al Jazeera. – 16.04.2021. – URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2021/4/16/turkey-bans-crypto-payments-and-bitcoin-feels-the-pain> (дата обращения: 26.08.2025).
18. Turkey Cryptocurrency Exchange Bust Spurs Move for Regulation // Bloomberg. – 27.04.2021. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-04-27/turkey-cryptocurrency-exchange-bust-spurs-move-for-regulation> (дата обращения: 26.08.2025).
19. Turkey grants full control of crypto regulation to CMB // DigWatch. – URL: <https://dig.watch/updates/turkey-grants-full-control-of-crypto-regulation-to-cmb> (дата обращения: 27.08.2025).
20. Turkey MiCA 2025 // Scorechain. – URL: <https://www.scorechain.com/resources/crypto-glossary/turkey-mica-2025> (дата обращения: 27.08.2025).
21. Turkey Taken Off Dirty Money ‘Gray List’ of Global Watchdog // Bloomberg. – 28.06.2024. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-06-28/turkey-taken-off-dirty-money-gray-list-of-global-watchdog?srd=homepage-americas> (дата обращения: 26.08.2025).
22. Turkey to Give Authorities Power to Freeze Crypto Accounts in New AML Rules // Yahoo Finance. – 29.09.2025. – URL: https://consent.yahoo.com/v2/collectConsent?sessionId=3_cc-session_c48142b4-357c-49f7-a415-dc5f99f24845 (дата обращения: 29.08.2025).
23. Turks flock to cryptocurrencies in search of stability // Financial Times. – 23.12.2022. – URL: <https://www.ft.com/content/02194361-a5b9-4bf0-9147-f36ba7759cf1> (дата обращения: 25.08.2025).
24. В каких банках есть биткоин. Bitcoin hangi bankalarda var? // 99 bitcoins. – 14.09.2025. – Турец. яз. – URL: <https://99bitcoins.com/tr/bitcoin-akademi/bitcoin-hangi-bankalarda-var/> (дата обращения: 04.09.2025).
25. Закон № 7518. Kanun № 7518 // Resmi Gazete. – 02.07.2024. – Турец. яз. – URL: <https://resmigazete.gov.tr/eskiler/2024/07/20240702-1.htm> (дата обращения: 26.08.2025).
26. Каждый пятый в Турции инвестирует в криптовалюту. Türkiye’de her 5 kişiden biri kripto yatırımcısı // Anadolu Ajansı. – 07.12.2024. – Турец. яз. – URL: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/turkiyede-her-5-kisiden-biri-kripto-yatirimcisi/3416905> (дата обращения: 02.10.2025).
27. Постановление № 3941. Постановление о внесении изменений в постановление о мерах по предотвращению отмывания преступных доходов и терроризма. Karar № 3941. Suç gerilerinin aklanmasının ve terörün finansmanının önlemesine dair tedbirler hakkında yönetmenlikte değişiklik yapılmasına dair yönetmenlik // Resmi Gazete. – 01.05.2021. – Турец. яз. – URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2021/05/20210501-5.pdf> (дата обращения: 26.08.2025).

28. Постановление № 9305. Karar № 9305 // Resmi Gazete. – 25.12.2024. – Турец. яз. – URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2024/12/20241225-1.pdf> (дата обращения: 29.08.2025).
29. Стало ясно, какой налог будет введен на торговлю криптовалютами в Турции. Türkiye’de kripto para ticaretine getirilecek vergi netleşti // Haberler. – 14.06.2025. – Турец. яз. – URL: <https://www.haberler.com/kripto/turkiye-de-kripto-para-ticaretine-getirilecek-17434802-haberi/> (дата обращения: 06.09.2025).

НЕООСМАНИСТСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНОЙ ДИПЛОМАТИИ ТУРЦИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI в.

ЩЕРБАКОВ Илья Михайлович

аспирант, лаборант кафедры международных отношений
и интеграционных процессов факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: ya.ilya-1555@yandex.ru

SPIN-код: 2904-2128

ORCID: 0000-0002-9827-8603

Для цитирования: Щербаков И.М. Неосманистские цивилизационные основания гуманитарной политики и культурно-религиозной дипломатии Турции в первой четверти XXI в. // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 4 (12). – С. 137–152. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.09.

Аннотация. В статье рассмотрены особенности влияния неосманизма на внешнюю политику Турецкой Республики в первой четверти XXI в. Автором предлагается собственное прочтение структуры неосманизма Турции, состоящей из идейно-ценностного, локального деятельностно-геополитического и глобального деятельностно-геополитического компонентов. В качестве периода анализируются события, произошедшие во внешней политике Турции в период 2010-х – первой половине 2020-х годов, через оптику деятельности разнообразных гуманитарных, культурных и религиозных организаций. Деятельность данных организаций (Институт им. Ю. Эрме, ТЮРКСОЙ (TÜRKSOY), «Диянет» (Diyanet İşleri Başkanlığı)) укладывается в специфичную форму влияния неосманизма Турции, в фундаменте которого лежит сочетание трех оснований: панисламистского, кемалистского и пантюркистского. Особенностью данного сочетания является различное соотношение этих оснований между собой в трех компонентах неосманизма. Делается вывод о том, что характерными чертами данного влияния являются, во-первых, прагматическое использование политическими элитами Турции во главе с действующим президентом Р.Т. Эрдоганом и Партией справедливости и развития (ПСР) каждого из трех оснований неосманизма в зависимости от жизненно важных интересов внешней политики страны. Во-вторых, практический аспект этого влияния зиждется на функционировании широкой сети смежных организаций и фондов на базе своеобразной бюрократической

конкуренции, увеличивающих воздействие турецкой культуры в отдельных странах и регионах.

Ключевые слова: неоосманизм, цивилизационные основания, Турция, гуманитарная политика и культурно-религиозная дипломатия, мягкая сила.

Neo-Ottomanist Civilizational Foundations of Humanitarian Policy and Cultural and Religious Diplomacy of Türkiye in First Quarter of 21st Century

Илья М. SHCHERBAKOV

Postgraduate Student, Laboratory Assistant

at the Department of International Relations and Integration Processes,
Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

E-mail: ya.ilya-1555@yandex.ru

SPIN-code: 2904-2128

ORCID: 0000-0002-9827-8603

For citation: Shcherbakov I.M. Neo-Ottomanist Civilizational Foundations of Humanitarian Policy and Cultural and Religious Diplomacy of Türkiye in First Quarter of 21st Century. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4(12), pp. 137–152. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.09.

Abstract. The article examines the peculiarities of the influence of neo-Ottomanism on the foreign policy of the Republic of Türkiye in the first quarter of the 21st century. The author offers his own interpretation of the structure of neo-Ottomanism in Türkiye, consisting of ideological-value, local activity-geopolitical and global activity-geopolitical components. As a period, the events that took place in Türkiye's foreign policy during the 2010s and the first half of the 2020s are analyzed through the optics of the activities of various humanitarian, cultural and religious organizations. The activities of these organizations (Y. Emre Institute, TURKSOY, Diyanet İşleri Başkanlığı) fit into a specific form of influence of Turkish neo-Ottomanism, which is based on a combination of three foundations: pan-Islamist, Kemalist and pan-Turkist. The peculiarity of this combination is the different ratio of these bases among themselves in the three components of neo-Ottomanism. It is concluded that the characteristic features of this influence are, firstly, the pragmatic use by Türkiye's political elites, led by current President R.T. Erdogan and the Justice and Development Party (AKP), of each of the three foundations of neo-Ottomanism, depending on the vital interests of the country's foreign policy. Secondly, the practical aspect of this influence is based on the functioning of a wide network of related organizations and foundations based on a kind of bureaucratic competition that increases the impact of Turkish culture in various countries and regions.

Keywords: neo-Ottomanism, civilizational foundations, Türkiye, humanitarian policy and cultural and religious diplomacy, soft power.

Актуальность темы настоящей статьи заключается в том, что в международной системе в первой четверти XXI в. происходят существенные

изменения, влияющие на внешнюю политику современных государств. Важной стороной пересмотра устоявшихся основ внешней политики государств стало обращение политических элит последних к ценностям, связанным с принадлежностью к определенным цивилизациям.

Немаловажными факторами, влияющими на активизацию проявления цивилизационных оснований во внешней политике современных государств, являются фундаментальные процессы, протекающие в мировой политике первой четверти XXI в. Во-первых, агрессивное навязывание странами Запада либеральных ценностей другим государствам влияет на актуализацию в этих государствах традиционных ценностей. В частности, сегодня целесообразно говорить о возникновении интереса у политических элит ряда государств Азии (Китай, Индия, Иран) к проблематике использования цивилизационного подхода при формулировании своей внешней политики¹. Во-вторых, отдельно кризис в отношениях между Россией, Турцией, с одной стороны, и Евросоюзом – с другой, ускорили обращение политических элит Турции к исторически сложившимся в своем обществе традициям и культуре как источникам смыслов для формулирования целей внешней политики страны. В этих условиях целесообразно говорить об активизации среди турецких политиков и турецких исследователей подходов к определению ключевых цивилизационных оснований во внешней политике Турецкой Республики сегодня.

Теоретическая концептуализация компонентов и оснований неосманизма Турции

Рассмотрение цивилизационных оснований неосманизма Турции следует проводить в рамках авторского подхода², выработанного на базе идей российского исследователя И.В. Кондакова³. Во внешней политике Турции влияние идейно-ценностного компонента неосманизма выражается в системе идей и ценностей, лежащих в основе существования турецкого государства и обеспечивающих отличие его культуры от культур других государств. Влияние локального деятельностно-геополитического компонента (локалитета) неосманизма базируется на совокупности практических мер, предпринимаемых политической элитой турецкой стороны для реализации принятых идей и ценностей во взаимодействии с государ-

¹ Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 78–93. – DOI: 10.17976/jpps/2020.04.06.

² Щербаков И.М. Особенности современных подходов к понятию цивилизационная идентичность: отечественные и зарубежные исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 220–225. – DOI: 10.18500/1818-9601-2025-25-2-220-225.

³ Кондаков И.В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. 4. – С. 282–304.

ствами-соседями в регионе. Влияние глобального деятельностно-геополитического компонента (глобалитета) неоосманизма заключается в существующих способах воздействия Турции на мировую культуру и реализации ею собственных подходов к глобальному управлению.

В период 2010-х – первой половины 2020-х годов внешняя политика Турции претерпела изменения, связанные с произошедшими трансформациями во внутренней политике страны, приведшие к отказу от ускоренного сближения политических элит этого государства со странами Запада. В частности, российский исследователь П.В. Шлыков утверждает, что с конца 2000-х годов премьер-министр Турции Р.Т. Эрдоган начал проводить консервативную политику выстраивания жесткой вертикали власти и борьбы с влиятельными представителями военной и гражданской элиты страны («кемалистские элиты»). Итогом стало проведение серии судебных процессов («Эргенекон», «Кувалда», «План клетка») над данными элитами, а также осуществление конституционного референдума в 2010 г. и внесение соответствующих поправок в текст Основного Закона страны, направленных на девальвацию правовой автономии военного руководства Турции и уменьшение влияния Совета по национальной безопасности (СНБ) на политику Турецкой Республики⁴.

Наличие кемалистского основания в неоосманизме обосновывает турецкий исследователь О. Ташпинар. Он утверждает, что идейно-ценностными основаниями внешней политики Турции являются неоосманизм, кемализм и турецкий голлизм. Неоосманизм представляет собой использование Турцией «мягкой силы» посредством применения средств политико-дипломатического и гуманитарного влияния в регионах (в том числе и мусульманских), территории которых ранее входили в состав Османской империи (Ближний Восток, Северная Африка, Балканский полуостров). Кемализм базируется на постепенном понижении роли стран Запада и, как следствие, укреплении влияния турецкого государства и секулярных ценностей. Турецкий голлизм в логике О. Ташпинара – это конвергенция кемалистского и неоосманистского оснований, направленная на укрепление независимости и суверенитета Турецкой Республики⁵. По мнению автора настоящей статьи, слабой стороной подхода О. Ташпинара является одновременное использование традиций кемализма и неоосманизма. Несмотря на существующие идейные пересечения, данные традиции имеют различия, например, в отношении роли религии в обществе (один из принципов кемализма – лаицизм – светскость и свобода совести). Кроме того,

⁴ Шлыков П.В. Внешняя политика Турции в постбиполярной системе координат // Международная аналитика. – 2021. – Т. 12, № 2. – С. 141–142. – DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-2-130-152.

⁵ Taşpınar Ö. Turkey's strategic vision and Syria // The Washington quarterly. – 2012. – Vol. 35, № 3. – P. 128–133.

понимание неоосманизма турецким исследователем сужено до рассмотрения исключительно инструментов «мягкой силы» в политике Турции.

Заслуживает внимания подход турецкого исследователя, экс-министра иностранных дел Турции (2009–2014) А. Давутоглу, качественно дополнившего понимание кемалистского основания неоосманизма. По его мнению, «стратегическая глубина» внешней политики Турции базируется на шести принципах:

- баланс между свободой и безопасностью (в современной коннотации данный принцип звучит как принцип неделимости безопасности. – *Авт.*);
- «ноль проблем с соседями» (усиление отношений со странами-соседями Турции);
- эффективная дипломатия как фундаментальное средство, обеспечивающее усиление отношений со странами-соседями;
- поддержка ООН в решении международных проблем;
- важность международных форумов как площадок для осуществления взаимного диалога с остальными странами;
- конструирование благоприятного образа «новой Турции» на основе применения средств общественной дипломатии⁶.

Существование пантюркистского и панисламистского оснований неоосманизма анализируется в работах российского исследователя В.А. Аваткова. Он утверждает, что неоосманизм представляет собой концепцию, включающую в свой состав несколько идейно-ценностных оснований, в частности панисламистское и неопантюркистское, направленную на формирование надгосударственной идентичности, базирующейся на возвеличивании культуры османского периода истории⁷. И несмотря на то что понятие «неопантюркизм» не получает своего дальнейшего развития в данной научной статье, необходимо обратить внимание на то, что В.А. Аватков при объяснении структуры концепции неоосманизма использует идеи консолидации тюркского мира под эгидой Турецкой Республики, которые, по мнению автора настоящей статьи, целесообразно объединить с понятием «пантюркизм». Российский исследователь заявляет, что пантюркистские идеи связаны с категорией «Туран» – мифической исторической областью тюркских народов на всем ареале их распространения от Байкала до Балкан. В практическом плане Туран представляется в логике В.А. Аваткова в качестве задачи турецкой стороны по осуществ-

⁶ Давутоглу А. Внешняя политика Турции и Россия // Россия в глобальной политике. – 2010. – Т. 8, № 1. – С. 60–70.

⁷ Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль. – 2014. – № 3. – С. 74.

лению экономической, политической и культурной поддержки тюркских народов, исповедующих ислам⁸.

Подход российского исследователя коррелирует со взглядом турецкого ученого М.Х. Явуза, который рассматривает неоосманизм через оптику наличия «исторической травмы» в современном турецком обществе, которая связана с утратой турецким обществом наследия Османской империи как крупнейшего в истории мусульманского государства⁹. Расширительное толкование идейно-ценностных оснований неоосманизма дает турецкий исследователь Г.К. Османбашоглу. Ученый заявляет, что неоосманизм, носителем идей которого являются представители ПСР в Турции, с одной стороны, основывается на отказе от географической консолидации бывших территорий Османской империи и, с другой стороны, направлен на примирение этих территорий с османским прошлым (в ценностном плане. – *Авт.*) и, как следствие, выстраивание уважительных политических и гуманитарных отношений¹⁰. По мнению автора настоящей статьи, отказ от географического детерминизма в пользу ценностной консолидации с государствами «османского ареала» является идейно-ценностной адаптацией реставрации Оттоманской Порты в современных условиях, которой придерживаются политические элиты Турецкой Республики на этапе 2010-х – первой половины 2020-х годов.

В контексте понимания идейно-ценностных оснований подходов политических элит Турецкой Республики к глобальному управлению в период 2010-х – первой половины 2020-х годов важное место занимает концепция «Век Турции». Российские исследователи В.А. Аватков и Л.Д. Мишин утверждают, что концепция «Век Турции» представляет собой концентрированное выражение амбиций политических элит Турецкой Республики, направленных на укрепление регионального и глобального лидерства Турции в мире¹¹. Данное видение находит свой отклик как в современных научных работах отдельных турецких исследователей¹², так и в программных статьях турецких политиков¹³. По мнению автора

⁸ Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. – 2014. – № 3. – С. 75.

⁹ Yavuz M.H. Nostalgia for the Empire: The Politics of Neo-Ottomanism. – Oxford University Press, 2020. – P. 13.

¹⁰ Османбашоглу Г.К. Может ли неоосманизм быть вариантом установления мира на Ближнем Востоке? Osmanbařoglu K.G. Ortadoęu'da barıřı tesis etmede neo osmanlıcılık bir seęenek olabilir mi? // Akademik Hassasiyetler. – 2018. – Vol. 5. – P. 9–10. – Турец. яз.

¹¹ Аватков В.А., Мишин Л.Д. «Голубая Родина» как этап выстраивания субъектности Турции // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 3 (7). – С. 15. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.03.01.

¹² Эрдаг Р. Внешняя политика Турции в 21 веке. Erdaę R. 21'inci Yüzyılda Türkiye'nin Dıř Politikası. – Ankara: Kadim Yayınları, 2023. – 344 p. – Турец. яз.

¹³ Fidan H. Turkish Foreign Policy at the Turn of the “Century of Türkiye”: Challenges, Vision, Objectives, and Transformation // Insight Turkey. – 2023. – Vol. 25, № 3. – P. 11–25.

настоящей статьи, невозможно дать четкий перечень принципов концепции «Век Турции», поскольку ее основной идеолог – президент Турции Р.Т. Эрдоган – развивает эту концепцию в основном в рамках собственных публичных выступлений¹⁴.

Таким образом, уместно утверждать, что структура идейно-ценностного компонента неоосманизма Турции в период 2010-х – первой половине 2020-х годов представляет собой сочетание трех оснований: кемалистского, панисламистского и пантюркистского. Кемалистское основание базируется на адаптации принципов «шести стрел» М.К. Ататюрка с учетом ведущей роли личности Р.Т. Эрдогана как лидера турецкого государства. Панисламистское основание зиждется на ценностной принадлежности Турции исламскому сообществу государств («умме»). Пантюркистское основание базируется на культурном родстве народов тюркских государств между собой, где тюрки Турции являются «первыми среди равных» в укреплении основ тюркского мира.

Неоосманизм в практике гуманитарной политики и культурно-религиозной дипломатии Турции

В 2010-х – первой половине 2020-х годов в локалитете и глобалитете влияние неоосманизма на внешнюю политику Турции осуществляется в различных аспектах реализации гуманитарной политики и культурно-религиозной дипломатии, которые в рамках профильных научных работ обозначаются термином «мягкая сила»^{15, 16}. Под гуманитарной политикой государства понимается комплекс мер, реализуемых политическими элитами государств в области культурных связей, межцивилизационного диалога, а также отношений с соотечественниками за рубежом. Данное определение выработано на основе подхода, предлагаемого российским исследователем Т.В. Зоновой¹⁷. В свою очередь, под культурно-религиозной дипломатией государства понимается комплекс мер политического характера, способствующих обмену материальными объектами культуры, а также идеями между государствами, населяющими их народами и пред-

¹⁴ “Century of Türkiye” is a comprehensive roadmap: President Erdogan // Anadolu Ajansı. – 01.06.2023. – URL: <https://www.aa.com.tr/en/politics/century-of-turkiye-is-a-comprehensive-roadmap-president-erdogan/2911131#> (дата обращения: 25.04.2025).

¹⁵ Yeşiltaş M., Balcı A. A Dictionary of Turkish Foreign Policy in the AKP Era: A Conceptual Map // SAM Papers. – 2013. – № 7. – 35 p.

¹⁶ Белоглазов А.В., Надыров Р.Н. «Мягкая сила» Турции в Центральной Азии в конце XX – начале XXI в.: интеграционный потенциал // Манускрипт. – 2021. – № 7. – С. 1382–1385.

¹⁷ Зонова Т.В. Гуманитарное сотрудничество России и Европейского союза как инструмент «мягкой силы» // РСМД. – 23.05.2013. – URL: https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-evropeyskogo-soyuza-ka/?sphrase_id=209593455 (дата обращения: 13.06.2025).

ставителями религиозных конфессий с целью укрепления взаимопонимания. Это определение выработано на основе подхода американского исследователя Дж. Ленчовски¹⁸.

В рамках влияния локалитета неоосманизма необходимо выделить деятельность Управления по делам диаспоры и соотечественников за рубежом при правительстве Турции (YTB)¹⁹. Данное ведомство является одним из ведущих органов в управленческой структуре Турецкой Республики по реализации гуманитарной политики. Под эгидой YTB реализуются такие инициативы, как система специализированных турецких стипендий для зарубежных студентов²⁰, организация мероприятий памяти²¹ и подготовка книжных изданий, посвященных важным историческим и культурным событиям с точки зрения Турции²². С точки зрения автора настоящей статьи, деятельность YTB идет в русле кемалистского основания неоосманизма, поскольку упомянутые инициативы проводятся турецким правительством с целью усиления роли республиканской Турции в международных процессах. В то же время функционирование Управления пересекается с панисламистским основанием неоосманизма. В качестве примера следует назвать работу на базе YTB интернет-ресурса NESAM, освещающего ситуацию с правами турок-мусульман в зарубежных странах (прежде всего, в Европе)²³.

К влиянию локалитета неоосманизма необходимо относить также функционирование Международной организации тюркской культуры (TÜRKSOY), которая направлена на охранение ценностей, традиций, а также объектов материальной культуры тюркских народов. Под эгидой TÜRKSOY издается одноименный журнал, выпуски которого освещают быт и нравы народов стран тюркского мира, а также деятельность видных исторических деятелей этих народов²⁴. Также TÜRKSOY выступает одним из организаторов множества тематических мероприятий, в которых при-

¹⁸ Lenczows J. Strategic influence: public diplomacy, counterpropaganda, and political warfare // Institute of World Politics Press. – 2008. – P. 74–99.

¹⁹ Граждане за рубежом. Yurtdışı Vatandaşlar // YTB. – Турец. яз. – URL: <https://ytb.gov.tr/> (дата обращения: 14.10.2025).

²⁰ About us // Türkiye Scholarships. – URL: <https://www.turkiyeburslari.gov.tr/about> (дата обращения: 14.10.2025).

²¹ Commemoration Events // YTB. – URL: <https://ytb.gov.tr/en/departments/sibling-communities/commemoration-events> (дата обращения: 14.10.2025).

²² Publications // YTB. – URL: <https://ytb.gov.tr/en/departments/sibling-communities/publications> (дата обращения: 14.10.2025).

²³ Портал о преступлениях против человечности и борьбе с ними. Nefret Suçları ve Ayrımcılıkla Mücadele Portalı // NESAM. – Турец. яз. – URL: <https://nesam.ytb.gov.tr/> (дата обращения: 14.10.2025).

²⁴ 2022 год памяти. 2022 Anma Yılı // TÜRKSOY. – 2022. – № 70. – 112 p. – Турец. яз.

нимают участие представители членов этой организации^{25, 26}. Основным профилем работы Института им. Юнуса Эмре является преподавание турецкого языка, а также издание культурологических журналов, раскрывающих, как отдельные аспекты быта современного турецкого общества, так и историю тюркских народов в различные периоды истории^{27, 28}. По мнению автора настоящей статьи, рассмотренные выше примеры позволяют говорить о сочетании кемалистского и пантюркистского оснований в рамках локалитета неосманизма. Кроме того, данное сочетание идет в русле идей «стратегической глубины» и «Турана» соответственно, выражающихся в системном использовании политическими элитами данного государства средств «мягкой силы» посредством воздействия через культуру и ценности на страны тюркского мира, а также европейские страны Запада.

Одним из культурно-религиозных инструментов «мягкой силы» Турции следует считать турецкие сериалы. В качестве примера обратимся к сериалу «Права на престол: Абдулхамид» («Payitaht: Abdülhamid»). В данном сериале освещается история прихода ко власти и правление султана Абдул-Хамида II (1876–1909). Первые эпизоды «Права на престол: Абдулхамид» появились в 2017 г.²⁹ и к 2021 г. было снято всего 5 эпизодов. Как отмечают турецкий исследователь А. Эрдемир и американский ученый О. Кесслер, данный сериал в емкой форме представляет широкой аудитории критический взгляд президента Турции Р.Т. Эрдогана относительно ценностей свободной прессы и демократии, подрывающих основы безопасности турецкого государства³⁰. В свою очередь, замести-

²⁵ VIII фестиваль женщин и моды Тюркского мира проходит в Актау, жемчужине Каспия. VIII Türk Dünyası Kadın ve Moda Festivali Hazar'ın İncisi Aktau'da gerçekleşiyor // TÜRKSOY. – 25.06.2025. – Турец. яз. – URL: <https://www.turksoy.org/haberler/viii-turk-dunyasi-kadin-ve-moda-festivali-hazarin-incisi-aktauda-gerceklesiyor> (дата обращения: 28.06.2025).

²⁶ Финальные волнения на конкурсе молодых художников тюркского мира. Türk Dünyası Genç Ressamlar Yarışmasında final heyecanı // TÜRKSOY. – 05.06.2025. – Турец. яз. – URL: <https://www.turksoy.org/haberler/turk-dunyasi-genc-ressamlar-yarismasinda-final-heyecani> (дата обращения: 28.06.2025).

²⁷ Культура турецкой колонии распространяется по всему миру. Türk Kolonya Kültürü Tüm Dünyaya Yayılıyor // Türkiye'nin Türk Kültür Dergisi. – 2021. – Vol. 29. – 171 p. – Турец. яз. – URL: https://www.yee.org.tr/sites/default/files/yayin/tr_dergisi_29uncu_sayi_final_baskivrsiyonu.pdf (дата обращения: 28.06.2025).

²⁸ Салават Юлаев. Salavat Yulaev // Türk Dünyası. – 2021. – Vol. 4. – 134 p. – Турец. яз. – URL: https://www.yee.org.tr/sites/default/files/yayin/yee_turk_dunyasi_4.pdf (дата обращения: 28.06.2025).

²⁹ Пайитахт «Абдулхамид» начнется в пятницу. Payitaht “Abdülhamid” cuma günü başlıyor // Haber Turk. – 18.02.2017. – Турец. яз. – URL: <https://www.haberturk.com/magazin/televizyon/haber/1395801-payitaht-abdulhamid-oyunculari> (дата обращения: 27.06.2025).

³⁰ Erdemir A., Kessler O. A Turkish TV blockbuster reveals Erdogan's conspiratorial, anti-Semitic worldview // The Washington Post. – 15.05.2017. – URL: <https://www.washingtonpost.com/>

тель премьер-министра Турции (2016–2017) Н. Куртулмуш во время посещения съемочной площадки сериала отметил, что сериал «Права на престол: Абдулхамид» является попыткой нового понимания истории правления султана Абдул-Хамида II³¹. По мнению автора настоящей статьи, пример данного сериала следует относить к панисламистскому основанию влияния локалитета неоосманизма Турции, поскольку на его основе раскрывается авторское прочтение важных для турецкого общества и политических элит традиций и ценностей, связанных с историей Османской Порты как государства, объединявшего народы разных конфессий, в том числе исламских, в единых политических границах.

Влияние глобалитета неоосманизма Турции на гуманитарную политику и культурно-религиозную дипломатию этого государства следует проиллюстрировать на примерах глобальной международной деятельности отдельных турецких неправительственных организаций, а также государственных управлений – Управление по делам религий («Diyanet» / «Диянет») и «Турецкий Красный Полумесяц» («Türkiye Kıızılay Derneği»).

Глобальная деятельность «Диянет» заключается в реализации проектов, направленных на поддержание развития ислама и исламской культуры по всему миру. В частности, это выражается в распространении исламской литературы – от печатных изданий Корана^{32, 33} до формирования электронной библиотеки специализированной религиозной литературы³⁴. Во внешней политике Турции «Диянет» стал фактическим координатором системы религиозных организаций и фондов, имеющих юридические адреса в Турецкой Республике. Как утверждает российский исследователь М.А. Колесникова, данное Управление, подчиняющееся напрямую президенту Турции, осуществляет деятельность (помимо работы внутри страны) в 145 странах мира, в 17 из которых функционируют 253 представительства различного уровня – от центральных офисов до контактных центров.

news/democracy-post/wp/2017/05/15/a-turkish-tv-blockbuster-reveals-erdogans-conspiratorial-anti-semitic-worldview/ (дата обращения: 27.06.2025).

³¹ Нуман Куртулмуш на съемках фильма «Пайтахт Абдулхамид». Numan Kurtulmuş, Payitaht Abdülhamid setinde // Sabah. – 15.02.2017. – Турец. яз. – URL: <https://www.sabah.com.tr/kultur-sanat/2017/02/15/numan-kurtulmus-payitaht-abdulhamid-setinde> (дата обращения: 27.06.2025).

³² В Анкаре издали Коран на кыргызском и украинском языках // Islam38.ru. – 25.01.2017. – URL: <https://islam38.ru/news/word-news/2017-01-izdanie-korana.html> (дата обращения: 29.06.2025).

³³ Заявление Фонда религиозной поддержки Турции о возмутительных действиях Израиля на Западном берегу. Türkiye Diyanet Vakfı'ndan Batı Şeria'da İsrail'i kudurtan hamle // Akit. – 01.02.2022. – Турец. яз. – URL: <https://www.yeniakit.com.tr/haber/turkiye-diyamet-vakfindan-bati-seriada-israili-kudurtan-hamle-1623151.html> (дата обращения: 09.12.2024).

³⁴ Библиотека Управления по делам религий. Diyanet İşleri Başkanlığı Kütüphanesi // Diyanet. – Турец. яз. – URL: <https://kutuphane.diyamet.gov.tr/Tarihce.html> (дата обращения: 29.06.2025).

Кроме того, объем финансирования Управлениякратно превышает расходы 26 государственных учреждений, включая министерства внутренних дел, энергетики и природных ресурсов, окружающей среды и урбанизации, торговли и иностранных дел, а также культуры и туризма Турецкой Республики³⁵.

Турецкий Красный Полумесяц (ТКП) – турецкая неправительственная организация, являющаяся структурным элементом международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца. Деятельность данной организации с точки зрения ее глобального характера зиждется на гуманитарной помощи различным народам, находящимся в бедственном положении в условиях чрезвычайных событий (военные конфликты, природные катаклизмы) и в мирное время³⁶. За последние 10 лет ТКП оказал медицинскую помощь в 138 странах, находившихся в зоне стихийного бедствия или техногенной катастрофы, в особенности в таких странах, как Палестина, Судан, Индонезия, Шри-Ланка, Киргизия, Косово, Сомали и Пакистан³⁷. По мнению автора настоящей статьи, анализ деятельности рассмотренных выше организаций позволяет утверждать об одновременном сочетании трех цивилизационных оснований неоосманизма Турции, поскольку функционирование и «Диянет», и ТКП не ограничивается отдельными регионами, а распространяется на максимально большее количество стран и народов, с целью продвижения интересов внешней политики турецкой стороны на современном этапе.

Результаты анализа отображены в таблице 1. Геополитический элемент локального и глобального деятельностно-геополитических компонентов неоосманизма – это совокупность геополитических концепций, обосновывающих реализацию политическими элитами Турции соответствующих международных инициатив и проектов.

Деятельностный элемент данных компонентов – совокупность практических действий этих элит. Под адаптированными принципами «шести стрел» М.К. Ататюрка понимается современное прочтение идей кемализма, в основе которых лежат принципы республиканизма, лаицизма, этатизма и национализма. Коннотация данных принципов определяется дефинициями, зафиксированными в неизменяемых положениях Консти-

³⁵ Колесникова М.А. «Диянет» как религиозный инструмент турецкой «мягкой силы» // Международная жизнь. – 13.12.2023. – URL: https://interaffairs.ru/news/printable/43701#_ednref2 (дата обращения: 09.06.2024).

³⁶ Наша миссия и видение. Misyonumuz & Vizyonumuz // Kızılay. – Турец. яз. – URL: <https://www.kizilay.org.tr/kurumsal/misyonumuz-vizyonumuz> (дата обращения: 29.06.2025).

³⁷ Международная помощь. Uluslararası Yardımlar // Kızılay. – Турец. яз. – URL: <https://www.kizilay.org.tr/neler-yapiyoruz/uluslararasi-yardimlar> (дата обращения: 29.06.2025).

туции Турецкой Республики³⁸. Культурное родство народов тюркских государств между собой рассматривается с точки зрения общности существующих в этих народах ценностей и традиций. Концепция «стратегической глубины», базирующаяся на рассмотренных ранее шести принципах А. Давутоглу, основывается на идее выделения пространства, входящего в зону жизненно важных интересов внешней политики Турции в своем регионе. Концепция Турана основывается на существовании географической области, на которой культурно и исторически сложились тюркские народы (территориальные границы простираются от Балканского полуострова на западе до побережья озера Байкал на востоке) и где ведущую роль занимают турки Турции. В фундаменте концепции «Век Турции» лежит представление турецких ученых и политиков о XXI столетии как историческом веке турецкого государства, по итогу которого оно должно стать одним из глобальных лидеров.

Таблица 1

Ключевые компоненты политики неоосманизма

	Неоосманизм Турции
Идейно-ценностный компонент	<ul style="list-style-type: none"> – кемалистское основание: адаптированные принципы «шести стрел» М.К. Ататюрка. – пантюркистское основание: культурное родство народов тюркских государств между собой, Турция – ключевое государство в тюркском мире. – панисламистское основание: ценностная принадлежность Турции исламскому сообществу государств
Локальный деятельностно-геополитический компонент	<p>Геополитический элемент: концепция стратегической глубины (кемалистское и панисламистское основания), концепция Турана (пантюркистское основание).</p> <p>Деятельностный элемент: культурно-религиозная дипломатия и гуманитарная политика</p> <ul style="list-style-type: none"> – панисламистское основание – деятельность УТВ, продвижение турецких исторических сериалов. – кемалистское и пантюркистское основания – деятельность УТВ, TÜRKSOY, Института им. Ю. Эмре
Глобальный деятельностно-геополитический компонент	<p>Геополитический элемент: концепция «Век Турции» (пантюркистское, кемалистское и панисламистское основания).</p> <p>Деятельностный элемент: культурно-религиозная дипломатия и гуманитарная политика; глобальная деятельность отдельных турецких Турецкого Красного Полумесяца, «Диянет»</p>

Источник: составлено автором.

³⁸ The Constitution of the Republic of Turkey // Legislation Online. – URL: <https://legislation-line.org/sites/default/files/2023-10/Constitution%20of%20the%20Republic%20of%20Turkey.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).

* * *

Таким образом, необходимо утверждать, что в первой четверти XXI в. неоосманизм как традиция, используемая ПСР и президентом Турции Р.Т. Эрдоганом при проведении своей внешней политики, имеет цивилизационные черты в области гуманитарной политики и культурно-религиозной дипломатии. Одной из таких черт является утилитарный подход политических элит Турецкой Республики в отношении применения идей современного кемализма, пантюркизма и панисламизма, используемых в виде цивилизационных оснований неоосманизма. Для этих оснований неоосманизм является зонтичным понятием, описывающим реставрацию в Турции «Империи» в культурном плане и включенность в решение проблем глобальной повестки (реформирование ООН, защита прав палестинских народов). Кроме того, другой характерной чертой является создание во внешней политике Турции пространства конкуренции между институтами гуманитарной политики и культурно-религиозной дипломатии с целью усиления эффективности влияния ценностей современной турецкой культуры. Необходимо прогнозировать, что в долгосрочной перспективе Турция будет продолжать логику прагматизма при достижении целей своей внешней политики, несмотря на усложняющийся контекст процессов, связанных с пересекающимся характером внешнеполитических проблем турецкой стороны со значимыми государствами отдельных соседних регионов: России и Ирана на Южном Кавказе, Саудовской Аравии и ряда монархий Персидского залива на Ближнем Востоке, стран Евросоюза в Европе.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции // Свободная мысль. – 2014. – № 3. – С. 71–78.
2. Аватков В.А., Мишин Л.Д. «Голубая Родина» как этап выстраивания субъектности Турции // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 3 (7). – С. 7–22. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.03.01.
3. Белоглазов А.В., Надыров Р.Н. «Мягкая сила» Турции в Центральной Азии в конце XX – начале XXI в.: интеграционный потенциал // Манускрипт. – 2021. – № 7. – С. 1382–1385.
4. Давутоглу А. Внешняя политика Турции и Россия // Россия в глобальной политике. – 2010. – Т. 8, № 1. – С. 60–70.
5. Зонова Т.В. Гуманитарное сотрудничество России и Европейского союза как инструмент «мягкой силы» // РСМД. – 23.05.2013. – URL: https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/gumanitarnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-evropeyskogo-soyuza-ka/?sphrase_id=209593455 (дата обращения: 13.06.2025).

6. Колесникова М.А. «Диянет» как религиозный инструмент турецкой «мягкой силы» // *Международная жизнь*. – 13.12.2023. – URL: https://interaffairs.ru/news/printable/43701#_ednref2 (дата обращения: 09.06.2024).
7. Кондаков И.В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // *Вопросы социальной теории*. – 2010. – Т. 4. – С. 282–304.
8. Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // *Полис. Политические исследования*. – 2020. – № 4. – С. 78–93. – DOI: 10.17976/jpps/2020.04.06.
9. Шлыков П.В. Внешняя политика Турции в постбиполярной системе координат // *Международная аналитика*. – 2021. – Т. 12 (2). – С. 130–152. – DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-2-130-152.
10. Щербаков И.М. Особенности современных подходов к понятию цивилизационная идентичность: отечественные и зарубежные исследования // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 220–225. – DOI: 10.18500/1818-9601-2025-25-2-220-225.
11. About us // *Türkiye Scholarships*. – URL: <https://www.turkiyeburslari.gov.tr/about> (дата обращения: 14.10.2025).
12. “Century of Türkiye” is a comprehensive roadmap: President Erdogan // *Anadolu Ajansı*. – 01.06.2023. – URL: <https://www.aa.com.tr/en/politics/century-of-turkiye-is-a-comprehensive-roadmap-president-erdogan/2911131#> (дата обращения: 25.04.2025).
13. Commemoration Events // *YTB*. – URL: <https://ytb.gov.tr/en/departments/sibling-communities/commemoration-events> (дата обращения: 14.10.2025).
14. Erdemir A., Kessler O. A Turkish TV blockbuster reveals Erdogan’s conspiratorial, anti-Semitic worldview // *The Washington Post*. – 15.05.2017. – URL: <https://www.washingtonpost.com/news/democracy-post/wp/2017/05/15/a-turkish-tv-blockbuster-reveals-erdogans-conspiratorial-anti-semitic-worldview/> (дата обращения: 27.06.2025).
15. Fidan H. Turkish Foreign Policy at the Turn of the “Century of Türkiye”: Challenges, Vision, Objectives, and Transformation // *Insight Turkey*. – 2023. – Vol. 25, № 3. – P. 11–25.
16. Lenczows J. Strategic influence: public diplomacy, counterpropaganda, and political warfare // *Institute of World Politics Press*. – 2008. – P. 74–99.
17. Publications // *YTB*. – URL: <https://ytb.gov.tr/en/departments/sibling-communities/publications> (дата обращения: 14.10.2025).
18. Taşpınar Ö. Turkey’s strategic vision and Syria // *The Washington quarterly*. – 2012. – Vol. 35, № 3. – P. 127–140.
19. The Constitution of the Republic of Turkey // *Legislation Online*. – URL: <https://legislationline.org/sites/default/files/2023-10/Constitution%20of%20the%20Republic%20of%20Turkey.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).
20. Yavuz M.H. *Nostalgia for the Empire: The Politics of Neo-Ottomanism*. – Oxford University Press, 2020. – 336 p.
21. Yeşiltaş M., Balcı A. A Dictionary of Turkish Foreign Policy in the AKP Era: A Conceptual Map // *SAM Papers*. – 2013. – № 7. – 35 p.

22. 2022 год памяти. 2022 Anma Yılı // TÜRKSÖY. – 2022. – № 70. – 112 p. – Турец. яз.
23. VIII фестиваль женщин и моды Тюркского мира проходит в Актау, жемчужине Каспия. VIII Türk Dünyası Kadın ve Moda Festivali Hazar'ın İncisi Aktau'da gerçekleşiyor // TÜRKSÖY. – 25.06.2025. – Турец. яз. – URL: <https://www.turksoy.org/haberler/viii-turk-dunyasi-kadin-ve-moda-festivali-hazarin-incisi-aktauda-gerceklesiyor> (дата обращения: 28.06.2025).
24. Библиотека Управления по делам религий. Diyanet İşleri Başkanlığı Kütüphanesi // Diyanet. – Турец. яз. – URL: <https://kutuphane.diyamet.gov.tr/Tarihce.html> (дата обращения: 29.06.2025).
25. В Анкаре издали Коран на кыргызском и украинском языках // Islam38.ru. – 25.01.2017. – URL: <https://islam38.ru/news/word-news/2017-01-izdanie-korana.html> (дата обращения: 29.06.2025).
26. Граждане за рубежом. Yurtdışı Vatandaşlar // YTB. – Турец. яз. – URL: <https://ytb.gov.tr/> (дата обращения: 14.10.2025).
27. Заявление Фонда религиозной поддержки Турции о возмутительных действиях Израиля на Западном берегу. Türkiye Diyanet Vakfı'ndan Batı Şeria'da İsrail'i kudurtan hamle // Akit. – 01.02.2022. – Турец. яз. – URL: <https://www.yeniakit.com.tr/haber/turkiye-diyamet-vakfindan-bati-seriada-israili-kudurtan-hamle-1623151.html> (дата обращения: 09.12.2024).
28. Культура турецкой колонии распространяется по всему миру. Türk Kolonya Kültürü Tüm Dünyaya Yayılıyor // Türkiye'nin Türk Kültür Dergisi. – 2021. – Vol. 29. – 171 p. – Турец. яз. – URL: https://www.yee.org.tr/sites/default/files/yayin/tr_dergisi_29uncu_sayi_final_baskivrsiyonu.pdf (дата обращения: 28.06.2025).
29. Международная помощь. Uluslararası Yardımlar // Kızılay. – Турец. яз. – URL: <https://www.kizilay.org.tr/neler-yapiyoruz/uluslararasi-yardimlar> (дата обращения: 29.06.2025).
30. Наша миссия и видение. Misyonumuz & Vizyonumuz // Kızılay. – Турец. яз. – URL: <https://www.kizilay.org.tr/kurumsal/misyonumuz-vizyonumuz> (дата обращения: 29.06.2025).
31. Нуман Куртулмуш на съемках фильма «Пайитахт Абдулхамид». Numan Kurtulmuş, Payitaht Abdülhamid setinde // Sabah. – 15.02.2017. – Турец. яз. – URL: <https://www.sabah.com.tr/kultur-sanat/2017/02/15/numan-kurtulmus-payitaht-abdulhamid-setinde> (дата обращения: 27.06.2025).
32. Османбашоглу Г.К. Может ли неоосманизм быть вариантом установления мира на Ближнем Востоке? Osmanbaşoğlu K.G. Ortadoğu'da barışı tesis etmede neo osmanlılık bir seçenek olabilir mi? // Akademik Hassasiyetler. – 2018. – Vol. 5. – P. 1–15. – Турец. яз.
33. Пайитахт «Абдулхамид» начнется в пятницу. Payitaht “Abdülhamid” cuma günü başlıyor // Haber Turk. – 18.02.2017. – Турец. яз. – URL: <https://www.haberturk.com/magazin/televizyon/haber/1395801-payitaht-abdulhamid-oyunculari> (дата обращения: 27.06.2025).

34. Портал о преступлениях против человечности и борьбе с ними. Nefret Suçları ve Ayrımcılıkla Mücadele Portalı // NESAM. – Турец. яз. – URL: <https://nesam.ytb.gov.tr/> (дата обращения: 14.10.2025).
35. Салават Юлаев. Salavat Yulaev // Türk Dünyası. – 2021. – Vol. 4. – 134 p. – Турец. яз. – URL: https://www.yee.org.tr/sites/default/files/yayin/yee_turk_dunyasi_4.pdf (дата обращения: 28.06.2025).
36. Финальные волнения на конкурсе молодых художников тюркского мира. Türk Dünyası Genç Ressamlar Yarışmasında final heyecanı // TÜRKSOY. – 05.06.2025. – Турец. яз. – URL: <https://www.turksoy.org/haberler/turk-dunyasi-genc-ressamlar-yarismasinda-final-heyecani> (дата обращения: 28.06.2025).
37. Эрдаг Р. Внешняя политика Турции в 21 веке. Erdağ R. 21'inci Yüzyılda Türkiye'nin Dış Politikası. – Ankara: Kadim Yayınları, 2023. – 344 p. – Турец. яз.

**МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»
ЧЕРЕЗ ЛАЙФСТАЙЛ-БРЕНДЫ ПОКОЛЕНИЯ Z:
ОПЫТ РОССИЙСКО-ЭМИРАТСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

ГУБЕНКОВА Анастасия Константиновна

студент Российского университета транспорта

E-mail: anastasiagubenkova@mail.ru

ORCID: 0009-0002-2896-6475

РАЗАКОВ Рустам Шамилович

студент Российского университета транспорта

E-mail: razakov03@list.ru

ORCID: 0009-0004-2021-6148

Для цитирования: Губенкова А.К., Разаков Р.Ш. Механизмы реализации «мягкой силы» через лайфстайл-бренды поколения Z: опыт российско-эмиратского взаимодействия // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 4 (12). – С. 153–166. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.10.

Аннотация. Механизмы реализации «мягкой силы» через лайфстайл-бренды поколения Z выражаются в экспорте культурных кодов и визуальных нарративов через повседневное потребление. Бренды Pims, «Золотое Яблоко», LIME и «Кофемания», вышедшие на рынок ОАЭ, формируют позитивный образ России среди молодежной аудитории. Поколение Z действует как транснациональный агент культурной дипломатии, используя цифровые платформы для распространения эстетических и ценностных ориентиров. Бренды становятся неформальными каналами влияния, отражающими урбанистическую идентичность. Такая модель «мягкой силы» основана не на институтах, а на сетевых и аффективных механизмах, что делает ее особенно эффективной в условиях глобализованного цифрового пространства.

Ключевые слова: мягкая сила, поколение Z, лайфстайл-бренды, ОАЭ, РФ, брендинг, культурный экспорт, молодежное потребление.

Mechanisms of Soft Power Implementation Through Generation Z Lifestyle Brands: Russian Emirati Experience

Anastasia K. GUBENKOVA

Student, Russian University of Transport

E-mail: anastasiagubenkova@mail.ru

ORCID: 0009-0002-2896-6475

Rustam S. RAZAKOV

Student, Russian University of Transport

E-mail: razakov03@list.ru

ORCID: 0009-0004-2021-6148

For citation: Gubenkova A.K., Razakova R.S. (2025). Mechanisms of Soft Power Implementation Through Generation Z Lifestyle Brands: Russian Emirati Experience. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4 (12), pp. 153–166. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.10.

Abstract. Mechanisms of soft power implementation through Generation Z lifestyle brands are expressed in the export of cultural codes and visual narratives via everyday consumption. Russian brands such as Pims, “Zolotoye Yabloko”, LIME and “Kofemania”, which have entered the UAE market, contribute to shaping a positive image of Russia among the youth. Generation Z acts as a transnational agent of cultural diplomacy, using digital platforms to disseminate aesthetic and value-based orientations. These brands become informal channels of influence, reflecting urban identity. This model of soft power is rooted not in institutions but in networked and affective mechanisms, making it particularly effective in a globalized digital environment.

Keywords: soft power, Generation Z, lifestyle brands, UAE, Russia, branding, cultural export, youth consumption.

«Мягкая сила» поколения Z проявляется через транснациональную циркуляцию культурных кодов, воплощенных в лайфстайл-брендах, выступающих медиаторами ценностей, эстетических ориентиров и образов жизни. В цифровую эпоху поколение Z становится ключевым субъектом символического обмена, формируя позитивное восприятие страны за рубежом посредством социальных сетей и визуальных нарративов. Выход российских брендов – PIMS, «Золотое Яблоко», LIME и «Кофемания» на рынок Объединенных Арабских Эмиратов демонстрирует высокую степень восприимчивости молодой аудитории к культурным продуктам, транслирующим идентичность через коммерческие и медиальные форматы.

Цель данного исследования заключается в концептуальном осмыслении взаимосвязи между поколенческими структурами и механизмами «мягкой силы», а также экспансии российских брендов на рынок ОАЭ как элемента культурной дипломатии.

Поколение Z в контексте «мягкой силы»

Поколение Z («зумеры») охватывает категорию индивидов, рожденных ориентировочно в период с 1995–1997 по 2010–2012 гг. Точные хронологические границы данного поколения остаются дискуссионными, поскольку его идентификация обусловлена не столько хронологическими рамками, сколько социально-культурным контекстом, в котором происходило формирование коллективного сознания. Представители поколения Z социализировались в условиях интенсивного развития цифровых технологий, что оказало фундаментальное воздействие на их ценностные установки, модели восприятия и коммуникативное поведение.

Данное поколение является первым в истории, для которого использование мобильных устройств, доступ к Интернету и активное участие в цифровых коммуникационных средах были неосознанной нормой с раннего возраста. Их повседневная практика строится на постоянном взаимодействии с глобальным медиапространством, где традиционные культурные и географические границы нивелируются¹. Поведенческие характеристики поколения включают выраженную склонность к многозадачности, развитое критическое мышление, прагматичную ориентацию в социально-экономических вопросах, а также высокий уровень гражданской вовлеченности, проявляющийся в участии в общественных инициативах и движениях.

Именно эта, активная в медиапространстве аудитория приобретает особое значение в контексте внешнеполитических изменений, происходящих в последние годы. На этом фоне двусторонние отношения между Российской Федерацией и Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ) демонстрируют переход к более содержательному и многослойному формату взаимодействия. Партнерство охватывает не только экономику и политику, но также культуру, образование, туризм и иные сферы, в полной мере отражая стратегическую заинтересованность сторон в укреплении связей. Катализатором данного сближения выступила трансформация международной обстановки: после 2022 г. Россия оказалась в условиях беспрецедентной внешнеполитической изоляции, вызванной санкционным давлением со стороны западных государств. В результате акцент был смещен в сторону взаимодействия с Востоком и странами Глобального Юга², среди которых ОАЭ заняли особое место – как экономический

¹ Meet Generation Z: Characteristics and Values of America's Most Diverse Generation // The Self. – 03.06.2023. – URL: <https://www.theshelf.com/insights/generation-z-characteristics> (дата обращения: 10.07.2025).

² Маргелов М.В. Россия и Глобальный Юг: перспективы движения навстречу // РСМД. – 07.11.2024. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-i-globalnyy-yug-perspektivy-dvizheniya-navstrechu/> (дата обращения: 10.07.2025).

партнер, логистический и финансовый хаб, а также как площадка для ведения культурного и гуманитарного диалога.

Такой нейтралитет ОАЭ отражает их прагматичный и гибкий внешнеполитический курс. Например, в период катарского кризиса 2017–2021 гг.³ и в контексте заключения Авраамских соглашений с Израилем в 2020 г.⁴ Эмираты продемонстрировали репутацию государства, способного действовать независимо от региональных или глобальных кризисов и строить внешнюю политику, исходя из собственных национальных интересов⁵. С этой же позиции власти страны подошли к ситуации с Украиной и антироссийскими санкциями, отказавшись их поддерживать, и продолжив экономическое и политическое взаимодействие с Москвой. На текущем этапе ОАЭ стали хабом не только для российской торговли, но и для релокации частного капитала, IT-бизнеса и творческих индустрий.

ОАЭ сегодня – это не просто «нейтральная территория», а высокотехнологичный, финансово развитый и стратегически расположенный узел, привлекающий инвесторов со всего мира. По данным, за 2024 г. объем товарооборота с Россией составил 10 млрд долл.⁶, а количество зарегистрированных российских компаний в свободных экономических зонах Эмиратов превысило 4000⁷.

На этом фоне наблюдается новое, иное явление – экспорт не ресурсов или военных технологий, а городской культурной среды и потребительских практик. С 2022 г. в Дубае один за другим открываются флагманские магазины, рестораны и рор-уп пространства российских брендов⁸, прежде всего ориентированных на поколение Z. Среди таких брендов – сеть go-to напитков PIMS, которая открыла заведение в районе City Walk в

³ Саенко А.В. Катарский дипломатический кризис 2017–2021 гг.: причины кризиса и пути его разрешения // Современная научная мысль. – 2024. – № 3. – С. 146–153. – DOI: 10.24412/2308-264X-2024-3-146-153.

⁴ Abraham Accords Peace Agreement: Treaty of Peace, Diplomatic Relations and Full Normalization Between the United Arab Emirates and the State of Israel (entered into force on September 15, 2020) // U.S. Department of State. – URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/09/UAE_Israel-treaty-signed-FINAL-15-Sept-2020-508.pdf (дата обращения: 11.07.2025).

⁵ Ulrichsen K.C. Israel and the Arab Gulf States: Drives and Directions of Change // Baker Institute for Public Policy. Center for the Middle East. – 2016. – 14 p.

⁶ Товарооборот России и ОАЭ в 2024 г. составил около \$10 млрд // ТАСС. – 11.02.2025. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/23162551> (дата обращения: 11.07.2025).

⁷ Количество новых российских компаний в ОАЭ в 2024 г. выросло в 2,5 раза // Forbes. – 06.03.2025. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/532107-kolicestvo-novyh-rossijskih-kompanij-v-oae-v-2024-godu-vyroslo-v-2-5-raza> (дата обращения: 25.07.2025).

⁸ 24 российских ритейлера вышли на рынок Дубая в 2022–23 гг. // Profashion. – 16.10.2023. – URL: <https://profashion.ru/business/retail/24-rossijskikh-riteylera-vyshli-na-rynok-dubaya-v-2022-23-gg/> (дата обращения: 12.07.2025).

Дубае⁹, сеть магазинов парфюмерии и косметики «Золотое Яблоко», вышедшая на рынок ОАЭ в 2024 г., магазин массмаркет одежды Lime, «Кофемания» и др. Их присутствие воспринимается как «экспорт повседневности», где привычная городская эстетика мегаполисов России (особенно Москвы) транслируется в международное пространство.

С точки зрения международных отношений это явление можно интерпретировать как форму «мягкой силы», концепцию которой предложил американский политолог Джозеф Най. Согласно его теории, культурное влияние, привлекательность ценностей и образа жизни страны могут быть не менее эффективны в международной политике, чем военное или экономическое принуждение¹⁰. В контексте ОАЭ «зумерские» бренды становятся каналом такой «мягкой силы», способным воздействовать не через политические послания, а через опыт повседневного потребления – кофе, косметику, ресторанный еду, эстетизацию досуга.

Россия, по сути, экспортирует через эти бренды репрезентацию урбанистической, визуальной и потребительской культуры мегаполиса, одновременно укрепляя эмоциональную привязку российских эмигрантов, туристов и местной молодежи к «московскому стилю жизни». Это новая форма публичной дипломатии, особенно актуальная в условиях, когда традиционные каналы культурного влияния (как, например, произведения классической литературы или научная дипломатия) уступают место гибридным, визуальным, быстро воспроизводимым форматам¹¹.

Успешное продвижение российских брендов, ориентированных на поколение Z, на рынке Объединенных Арабских Эмиратов представляет собой не просто пример эффективной адаптации бизнеса к внешним рынкам, но свидетельствует о более глубокой трансформации российской внешнеполитической и культурной парадигмы. В условиях изменившейся международной реальности lifestyle-контент (материалы, посвященные повседневной жизни) приобретает функции инструмента «мягкой силы», а сам бренд становится носителем символического капитала государства, транслирующим ценности, образы и культурные коды в транснациональной среде.

⁹ Dubai: Pims café opening // Superfuture. – 04.02.2025. – URL: <https://superfuture.com/2025/02/new-restaurants-bars/dubai-pims-cafe-opening-2> (дата обращения: 15.07.2025).

¹⁰ Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО Университета. – 2017. – № 3 (54). – С. 214. – DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223.

¹¹ Глебов М.С. Элементы и механизмы новой публичной дипломатии во внешней политике государства // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – № 68. – С. 284. – DOI: 10.24411/2070-1381-2018-00042.

Особенности культуры потребления поколения Z

Культура потребления поколения Z формируется на пересечении ценностей индивидуализма, заботы о себе и эстетического самовыражения. «Зумеры» демонстрируют устойчивый интерес к ментальному и физическому здоровью, активно используя цифровые инструменты и приложения для контроля и улучшения общего самочувствия. Согласно данным ContentGrip, 70% представителей данного поколения считают важным уделять внимание психическому состоянию, а 56% – физической активности¹². Урбанистическая направленность, интерес к экологичной среде и высокие требования к качеству жизни становятся важными ориентирами в формировании их повседневных практик.

Эстетические предпочтения «зумеров» включают в себя стремление к эксперименту и принадлежности к различным микротенденциям, известным под общим понятием «кор» (от англ. core). Стили, такие как quiet luxury (акцент на элегантности и качестве материалов), clean girl (акцент на минимализме, чистоте и естественности), и другие, становятся символами социального и визуального самовыражения¹³. Важнейшую роль в формировании и распространении этих микротрендов играет TikTok – ключевая платформа, задающая ритм эстетического и культурного потребления молодежи.

С одной стороны, TikTok создает условия для персонализированного самовыражения: благодаря алгоритмически выстроенной ленте контента пользователь ощущает себя субъектом культурного производства и участником глобального нарратива. Платформа поощряет локальные формы эстетики, ниши и субкультуры, усиливая индивидуализацию цифрового опыта. С другой стороны, TikTok превращает индивидуальные и локальные тренды в глобальные культурные феномены. Элементы визуального стиля, музыка, поведенческие паттерны и эстетики, зародившиеся в отдельных сообществах, быстро трансформируются в универсальные культурные маркеры, узнаваемые в различных социокультурных контекстах – от США и Южной Кореи до стран Ближнего Востока¹⁴.

Так, TikTok выступает связующим звеном между уникальностью и массовостью: он одновременно способствует ощущению индивидуаль-

¹² Reaching Gen Z through self-care: brand strategies that actually work // Content Grip. – 27.03.2025. – URL: <https://www.contentgrip.com/gen-z-self-care-trends> (дата обращения: 15.07.2025).

¹³ Doshi S., Sirohi M., Rao K., Mishra A. Gen-Z's engagement with micro-cores: Exploring aesthetics and identity in contemporary times // Fashion, Style & Popular Culture. – 2016. – DOI: 10.1386/fspe_00280_1.

¹⁴ Micro-trends are dead. Long live the vibe // Vogue. – 28.01.2025. – URL: <https://www.voguebusiness.com/story/fashion/micro-trends-are-dead-long-live-the-vibe> (дата обращения: 18.07.2025).

ности и производит культурную норму, реплицируемую на глобальном уровне. Именно в этом медиапроцессе поколение Z становится транснациональным культурным агентом, способным формировать образы, которые приобретают политико-культурную значимость в международном пространстве.

Отношение «зумеров» к брендам также претерпело качественные изменения: для них бренд – это не только потребительский выбор, но и способ самоидентификации, инструмент выражения личных убеждений и ценностей. Предпочтение отдается компаниям, демонстрирующим приверженность социально значимым принципам – инклюзивности, устойчивому развитию, экологической ответственности. В этой связи бренды, транслирующие социальную миссию, получают высокий уровень вовлеченности и лояльности со стороны целевой аудитории¹⁵.

Характерные примеры – косметический бренд Rare Beauty, основанный Селеной Гомес, акцентирующий внимание на ментальном здоровье и инклюзивности, а также Patagonia, символ экологически сознательного потребления. Успех этих брендов демонстрирует запрос поколения Z на соответствие между ценностной ориентацией бренда и личными установками потребителя¹⁶.

Так, представители поколения Z, обладающие высоким уровнем цифровой компетенции и глобальной взаимосвязанности, выступают в роли медиаторов культурных кодов и трансляторов новых социальных норм. Их влияние охватывает широкий спектр сфер – от моды и красоты до технологических решений и образовательных инициатив, формируя вектор глобальных культурных и потребительских трансформаций.

Экспорт российских брендов в ОАЭ

Поколение Z играет важнейшую роль в процессе транснациональной медиатизации культурных норм, выступая активными агентами распространения ценностей и эстетик через бренды и цифровые платформы. В этом контексте российские бренды, такие как PIMS, «Золотое Яблоко», LIME и «Кофемания», приобретают значение инструментов «мягкой силы», способствуя продвижению образа российского лайфстайла за рубежом, в частности в Объединенных Арабских Эмиратах.

Так, бренд PIMS, основанный в 2019 г. Артуром Шустериовасом и Глебом Голубевым, представляет собой синтез современной чайной куль-

¹⁵ The power of Gen Z aesthetic: How brands are adapting to a new generation's values // Emplifi. – 24.04.2023. – URL: <https://emplifi.io/resources/blog/brands-gen-z-aesthetic> (дата обращения: 18.07.2025).

¹⁶ Reaching Gen Z through self-care: brand strategies that actually work // Content Grip. – 27.03.2025. – URL: <https://www.contentgrip.com/gen-z-self-care-trends> (дата обращения: 25.07.2025).

туры и эстетики, ориентированной на молодежную аудиторию. Из локального московского проекта он трансформировался в транснациональный формат, открыв заведения в Дубае – в частности, в Jumeirah Beach Residence и Dubai Hills¹⁷. PIMS предлагает потребителю не просто напитки, но целостный культурный опыт, в котором сочетаются элементы креативной городской среды, визуальной эстетики и интернациональных трендов. Дизайн кафе, разработанный студией KIDZ, основан на природных мотивах (пустыня, море) и реализован в виде нейтральных цветовых решений, плавных форм и органичных текстур, что способствует созданию пространства, ассоциируемого с уютом и актуальностью¹⁸.

Концепция бренда строится на трех ключевых компонентах – атмосфере, визуальном контенте и сообществе. Активное использование социальных сетей, таких как Instagram¹⁹ и TikTok, позволяет формировать устойчивый визуальный нарратив, в котором потребитель позиционируется не только как клиент, но и как участник определенной культурной сцены. Такая модель коммуникации обеспечивает высокий уровень вовлеченности и лояльности среди молодежной аудитории, как в России, так и за ее пределами. В ОАЭ бренд вписывается в мультикультурную среду, формируя позитивный имидж России через практики повседневного потребления и визуального взаимодействия. В этом контексте деятельность PIMS может рассматриваться как проявление «мягкой силы», ориентированной не на официальные дипломатические дискурсы, а на формирование симпатии через креативные и эмоциональные каналы.

Другим примером подобной стратегии является российский косметический ритейлер «Золотое Яблоко», который активно расширяет свое присутствие на рынке Ближнего Востока. Запуск онлайн-магазина в ОАЭ с последующей доставкой по эмиратам и анонсируемое открытие первого физического магазина в Дубае свидетельствуют о целенаправленной политике выхода на международную арену. При этом «Золотое Яблоко» адаптирует свои маркетинговые стратегии к культурным и потребительским установкам поколения Z, превращаясь из розничной сети в полноценный культурный феномен.

Компания использует TikTok как основную платформу для взаимодействия с аудиторией, публикуя видеоконтент, связанный с обзорами продукции, распаковками и бьюти-советами. Активные инвестиции в визуальные решения и бренд-коммуникацию (включая сайт, социальные сети,

¹⁷ Dubai: Pims café opening // Superfuture. – 04.02.2025. – URL: <https://superfuture.com/2025/02/new-restaurants-bars/dubai-pims-cafe-opening-2> (дата обращения: 15.07.2025).

¹⁸ PIMS Dubai Mall Tea Cafe // Hospitality Snapshots. – URL: <https://hospitalitysnapshots.com/projects/30196/pims-dubai-mall-tea-cafe> (дата обращения: 20.07.2025).

¹⁹ Деятельность компании Meta Platforms Inc., а также принадлежащих ей социальных сетей Facebook и Instagram, является экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

рекламные кампании) способствуют формированию узнаваемого эстетического кода. За счет использования механик геймификации и эмоционального вовлечения каждая покупка воспринимается как элемент уникального потребительского опыта. Это превращает бренд в символ эстетического и эмоционального потребления, создавая дополнительную ценность и укрепляя его репутацию как культурного актора нового типа.

Российский бренд LIMÉ, основанный в 2008 г. в Самаре, демонстрирует устойчивую стратегию интернационализации, активно расширяя свое присутствие на зарубежных рынках. Позиционируя себя как премиальный бренд сегмента масс-маркета, LIMÉ предлагает продукцию, сочетающую в себе высокое качество тканей и актуальные дизайнерские решения, ориентированные на формирование элегантного и современного повседневного стиля.

Открытие первого розничного магазина LIMÉ в Объединенных Арабских Эмиратах состоялось в декабре 2023 г. в торговом центре Dubai Hills Mall. Вслед за успешным запуском, в апреле 2025 г. бренд открыл вторую торговую точку в Mirdif City Centre в Дубае, что стало важным этапом в расширении присутствия LIMÉ на рынке стран Персидского залива²⁰. Бренд быстро завоевал интерес потребителей, что обусловлено гармоничным сочетанием доступной ценовой политики, актуальности модных решений и общего позиционирования как стильного и инклюзивного бренда для молодой аудитории.

LIMÉ активно коммуницирует с поколением Z, предлагая коллекции, ориентированные на актуальные глобальные тренды, включая бохо-эстетику и романтический минимализм. Характерными особенностями продукции являются использование легких тканей, нейтральная цветовая палитра и воздушные силуэты, что делает бренд особенно привлекательным для потребителей, ориентированных на комфорт и эстетику. Кроме того, LIMÉ демонстрирует высокий уровень культурной адаптивности, создавая специальные коллекции, приуроченные к ключевым религиозным и культурным событиям, например, капсульные коллекции к Рамадану, что способствует укреплению связи с местным потребителем.

Успех LIMÉ на рынке ОАЭ объясняется не только стилистическим соответствием ожиданиям аудитории, но и гибкой маркетинговой стратегией, включающей активное присутствие в социальных сетях и визуальную адаптацию контента. Таким образом, бренд эффективно интегрируется в культурную и потребительскую среду региона, укрепляя позиции российского fashion-сектора в глобальной системе креативных индустрий.

Одновременно с этим российская сеть кафе Кофемания предпринимает шаги по выходу на рынок ОАЭ. Планируется открытие первого заведения в Дубае, в районе Dubai Hills, рядом с пекарней Bakerist. Несмотря

²⁰ 20 finds to love and shop right now at LIMÉ // Emirates Women. – 19.05.2024. – URL: <https://emirateswoman.com/20-finds-to-love-and-shop-right-now-at-lime/> (дата обращения: 25.07.2025).

на отсутствие точной даты открытия, подготовительные работы уже начаты, что свидетельствует о стратегическом намерении бренда представить российскую модель кофейной культуры в международном контексте²¹.

«Кофемания» зарекомендовала себя в Москве как пространственный и социальный феномен, объединяющий элементы гастрономии, культуры и городской повседневности. Заведения сети ориентированы не только на высокое качество кофе и кухни, но и на создание продуманного архитектурного и интерьерного пространства, что делает их привлекательными для представителей креативных индустрий, IT-сектора и молодежных сообществ. Потенциальное открытие в Дубае нацелено на воспроизведение аналогичной атмосферы – пространства для неформального общения, работы и культурного обмена среди местных жителей и экспатриантов.

Экспансия «Кофемании» в ОАЭ может рассматриваться как форма культурного экспорта, в которой российская модель гостеприимства и представление об «уют» репрезентируются в новом геополитическом и культурном контексте. Совмещение высокого качества услуг с доступной атмосферой позволяет бренду претендовать на позицию востребованного городского пространства, способствующего формированию позитивного имиджа России через инструменты «мягкой силы» и креативного потребления.

В условиях трансформации глобального медиапространства и роста влияния цифровых сообществ происходит качественное переосмысление механизмов культурной дипломатии. Традиционные формы публичной дипломатии, опирающиеся преимущественно на институциональные ресурсы государства и официальные коммуникационные каналы, утрачивают монополию на формирование международного имиджа. На смену им приходит новая парадигма, условно обозначаемая как «культурная дипломатия 2.0», в которой ключевую роль начинают играть негосударственные акторы – прежде всего молодежные бренды, формирующие и транслирующие культурные коды в цифровой среде и за ее пределами.

Продвижение локальных брендов на международные рынки сопровождается не только экспансией потребительской продукции, но и транснациональной трансляцией символических значений, поведенческих паттернов, эстетических предпочтений и элементов национального культурного капитала. В этом контексте бренд начинает выполнять функции культурного медиатора, репрезентируя неофициальный образ страны происхождения. Его коммуникационная мощь обусловлена способностью воздействовать на эмоционально-идентификационные структуры потребителя, превращаясь, по сути, в неформальное посольство культуры в принимающем обществе.

²¹ Крупные российские сети кофеен собираются в ОАЭ // Forbes. – 21.03.2025. – URL: <https://www.forbes.ru/franchises/533206-krupnye-rossijskie-seti-kofeen-sobirautsa-v-oe> (дата обращения: 25.07.2025).

Концепция «мягкой силы», разработанная Дж. Найем, подчеркивает привлекательность культуры и ценностей как одного из наиболее эффективных инструментов международного влияния, альтернативного прямому политическому и экономическому воздействию²². Применительно к российским реалиям можно констатировать, что бренды нового поколения – такие как PIMS, «Золотое Яблоко», LIMÉ и «Кофемания» – при выходе на рынок Объединенных Арабских Эмиратов осуществляют экспорт не только товаров и услуг, но и социокультурных образов современной России. Особое внимание при этом уделяется эстетике городской молодежной культуры, цифровому языку и практикам потребления поколения Z, что усиливает потенциал «мягкой силы» за счет аффективного включения локальных и транснациональных аудиторий.

Более того, молодежные бренды, действующие за пределами страны происхождения, выполняют функцию пространств культурной консолидации. Они становятся точками сборки диаспоральной идентичности, объединяя представителей мигрантских и экспатриантских сообществ на основе общего символического капитала – языка, памяти, привычек и культурных практик. Такие пространства играют роль неформальных культурных центров, способствуя как воспроизводству, так и трансформации национальной идентичности в условиях глобальной мобильности. Таким образом, брендинг и повседневные практики потребления встраиваются в поле культурной дипломатии, формируя новые форматы культурного присутствия в международном контексте.

В логике современной трансформации культурной дипломатии присутствие таких российских брендов, как PIMS или «Золотое Яблоко» на рынке Объединенных Арабских Эмиратов, следует интерпретировать не только как реализацию коммерческих проектов, но и как формирование своеобразных социокультурных хабов. Эти пространства играют роль центров притяжения для русскоязычной городской диаспоры, в которых осуществляется синтез локальных идентичностей с элементами глобальной цифровой культуры. Следовательно, бренд выступает не только как медиатор потребительских практик, но и как канал воспроизводства культурной памяти и символической принадлежности в условиях миграционного разрыва.

* * *

Молодое поколение, прежде всего представители поколения Z, все более активно вовлекается в процессы культурной дипломатии, при этом их участие носит не институциональный, а сетевой и медиаопосредованный характер. «Зумеры» становятся носителями и распространителями

²² Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. – New York: Public Affairs, 2004. – 191 p.

культурных кодов не посредством государственной репрезентации, а за счет активного участия в цифровом потреблении, генерации визуального контента и взаимодействия в социальных сетях. Их повседневные практики – от выбора брендов до участия в онлайн-флешмобах – формируют новые каналы символического влияния, встраиваясь в парадигму «мягкой силы» как формы аффективного и культурного воздействия.

Социальные платформы, такие как TikTok, Instagram и Telegram, становятся важнейшими пространствами неофициальной культурной дипломатии. В этих цифровых экосистемах бренды, ориентированные на поколение Z, обретают статус культурных маркеров, а акты потребления приобретают символический характер, превращаясь в проявление групповой идентичности, социального позиционирования и принадлежности к глобализированной молодежной культуре. В этом контексте наблюдается постепенный отход от классической top-down («сверху-вниз») модели публичной дипломатии, в которой центральную роль играли государственные институты – министерства иностранных дел, культурные центры, вещательные корпорации. Им на смену приходит bottom-up («снизу-вверх») стратегия, в которой субъектами культурной репрезентации выступают частные акторы, инфлюенсеры и молодежные сообщества.

Данная модель отличается гибкостью, деполитизированностью и высокой степенью адаптивности к цифровым форматам коммуникации, что делает ее особенно эффективной в условиях медийно насыщенного и фрагментированного информационного пространства. Поколение Z в этой конфигурации выступает не просто как объект культурного влияния, а как его активный агент: их вовлеченность в продвижение брендов через цифровые каналы превращает повседневное потребление в механизм экспорта символических смыслов, репрезентирующих современный урбанистичный, стильный и инклюзивный образ России.

Таким образом, российские молодежные бренды, выходящие на рынок ОАЭ, приобретают функцию неформальных инструментов культурной дипломатии. Они укрепляют связи с российской диаспорой, способствуют вовлечению местной молодежи в символическое пространство российской культуры и участвуют в формировании позитивного и актуализированного образа страны за рубежом. Анализ данного феномена подтверждает выдвинутую гипотезу: поколение Z становится новым каналом «мягкой силы» в условиях цифровой эпохи, а экспансия российских брендов в ОАЭ иллюстрирует переход к постинституциональной модели культурного влияния, основанной на сетевой логике, эмоциональной сопричастности и потребительских практиках.

Список источников и литературы

1. Глебов М.С. Элементы и механизмы новой публичной дипломатии во внешней политике государства // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – № 68. – С. 275–293. – DOI: 10.24411/2070-1381-2018-00042.
2. Количество новых российских компаний в ОАЭ в 2024 г. выросло в 2,5 раза // Forbes. – 06.03.2025. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/532107-kolicestvo-novyh-rossijskih-kompanij-v-oe-v-2024-godu-vyroslo-v-2-5-raza> (дата обращения: 25.07.2025).
3. Крупные российские сети кофеен собираются в ОАЭ // Forbes. – 21.03.2025. – URL: <https://www.forbes.ru/franchises/533206-krupnye-rossijskie-seti-kofeen-sobirautsa-v-oe> (дата обращения: 25.07.2025).
4. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО Университета. – 2017. – № 3 (54). – С. 212–223. – DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223.
5. Маргелов М.В. Россия и Глобальный Юг: перспективы движения навстречу // РСМД. – 07.11.2024. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-i-globalnyu-yug-perspektivy-dvizheniya-navstrechu/> (дата обращения: 10.07.2025).
6. Саенко А.В. Катарский дипломатический кризис 2017–2021 гг.: причины кризиса и пути его разрешения // Современная научная мысль. – 2024. – № 3. – С. 146–153. – DOI: 10.24412/2308-264X-2024-3-146-153.
7. Товарооборот России и ОАЭ в 2024 г. составил около \$10 млрд // ТАСС. – 11.02.2025. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/23162551> (дата обращения: 11.07.2025).
8. 24 российских ритейлера вышли на рынок Дубая в 2022–23 гг. // Profashion. – 16.10.2023. – URL: <https://profashion.ru/business/retail/24-rossijskikh-riteylera-vyshli-na-gynok-dubaya-v-2022-23-gg/> (дата обращения: 12.07.2025).
9. Abraham Accords Peace Agreement: Treaty of Peace, Diplomatic Relations and Full Normalization Between the United Arab Emirates and the State of Israel (entered into force on September 15, 2020) // U.S. Department of State. – 2020. – URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/09/UAE_Israel-treaty-signed-FINAL-15-Sept-2020-508.pdf (дата обращения: 11.07.2025).
10. Doshi S., Sirohi M., Rao K., Mishra A. Gen-Z's engagement with micro-cores: Exploring aesthetics and identity in contemporary times // Fashion, Style & Popular Culture. – 2016. – DOI: 10.1386/fspc_00280_1.
11. Dubai: Pims café opening // Superfuture. – 04.02.2025. – URL: <https://superfuture.com/2025/02/new-restaurants-bars/dubai-pims-cafe-opening-2> (дата обращения: 15.07.2025).
12. Meet Generation Z: Characteristics and Values of America's Most Diverse Generation // The Self. – 03.06.2023. – URL: <https://www.theshelf.com/insights/generation-z-characteristics> (дата обращения: 10.07.2025).

13. Micro-trends are dead. Long live the vibe // Vogue. – 28.01.2025. – URL: <https://www.voguebusiness.com/story/fashion/micro-trends-are-dead-long-live-the-vibe> (дата обращения: 18.07.2025).
14. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 191 p.
15. PIMS Dubai Mall Tea Cafe // Hospitality Snapshots. – URL: <https://hospitalitysnapshots.com/projects/30196/pims-dubai-mall-tea-cafe> (дата обращения: 20.07.2025).
16. Reaching Gen Z through self-care: brand strategies that actually work // Content Grip. – 27.03.2025. – URL: <https://www.contentgrip.com/gen-z-self-care-trends> (дата обращения: 15.07.2025).
17. The power of Gen Z aesthetic: How brands are adapting to a new generation's values // Emplifi. – 24.04.2023. – URL: <https://emplifi.io/resources/blog/brands-gen-z-aesthetic> (дата обращения: 18.07.2025).
18. Ulrichsen K.C. Israel and the Arab Gulf States: Drives and Directions of Change // Baker Institute for Public Policy. Center for the Middle East. – 2016. – 14 p.
19. 20 finds to love and shop right now at LIMÉ // Emirates Women. – 19.05.2024. – URL: <https://emirateswoman.com/20-finds-to-love-and-shop-right-now-at-lime/> (дата обращения: 25.07.2025).

САФИ С. ГЕОПОЛИТИКА ПРОГРЕССА – ЕЩЕ ОДНО ВВЕДЕНИЕ В БУДУЩЕЕ БОЛЬШОГО МАГРИБА (РЕЦЕНЗИЯ)

ЧЕРВЯКОВ Иван Ильич

студент Института международных отношений
и социально-политических наук, Московский государственный
лингвистический университет (МГЛУ)

E-mail: chervyakov.05@inbox.ru

ORCID: 0009-0009-8722-8174

Для цитирования: *Червяков И.И.* Сафи С. Геополитика прогресса – еще одно введение в будущее Большого Магриба (рецензия) // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 4 (12). – С. 167–173. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.11.

Аннотация. В рецензии освещается одно из последних исследований тунисского журналиста и эксперта по международным отношениям Сафи Саида «Геополитика прогресса – еще одно введение в будущее Большого Магриба». В книге исследуется геополитическая роль Большого Магриба в современном мировом порядке, особое внимание уделяется вопросам будущего этого региона. Автор, предлагая комплексный критический анализ исторических, социокультурных, а также стратегических факторов, выявляет ряд противоречий и вызовов, угрожающих его дальнейшей судьбе. Книга является призывом к переосмыслению подходов к обеспечению национальной безопасности стран региона, их внешней и внутренней политики, с целью достижения благополучного будущего Большого Магриба.

Ключевые слова: геополитика, Большой Магриб, глобализация, элиты, история, футурология, стратегические прогнозы, международные отношения.

Safi S. The Geopolitics of Progress – Another Introduction to the Future of the Greater Maghreb (Review)

Ivan I. CHERVYAKOV

Student, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences,
Moscow State Linguistic University (MSLU)

E-mail: chervyakov.05@inbox.ru

ORCID: 0009-0009-8722-8174

For citation: Chervyakov I.I. (2025). Safi S. The Geopolitics of Progress – Another Introduction to the Future of the Greater Maghreb (Review). *Middle and Post-Soviet East*, no. 4 (12), pp. 167–173. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.04.11.

Abstract. The review presents an analysis of one of the most recent studies by Tunisian journalist and international relations expert Safi Saïd, entitled *The Geopolitics of Progress: Another Introduction to the Future of the Greater Maghreb*. The study analyzes the geopolitical role and position of the Greater Maghreb within the contemporary global order; specific emphasis is placed on the region's prospects. Through a comprehensive critical analysis of historical, sociocultural, and strategic factors, the author identifies a series of contradictions and challenges threatening its further trajectory. The study constitutes an appeal for a fundamental reassessment of approaches to national security provision, as well as the foreign and domestic policies of the region's states, with the objective of securing a prosperous future for the Greater Maghreb.

Keywords: geopolitics, Greater Maghreb, globalisation, elites, history, futurology, strategic forecasts, international relations.

Автор книги, журналист и писатель, эксперт по международным отношениям, Сафи Саид является одной из наиболее значимых и известных медийных фигур арабского мира. На протяжении своей политической и профессиональной карьеры он прославился как выдающийся мыслитель, интеллектуал, формирующий общественное мнение в Тунисе и регионе в целом. Он первым ввел термин «Арабская весна» еще в январе 2011 г., предвосхитив его в своей книге «Осень арабов» (2005) – масштабном энциклопедическом труде, раскрывающем его талант анализа современной арабской политической истории XX в. Взгляды Сафи Саида нашли широкий отклик у публики благодаря живой речи и точным стратегическим прогнозам. Он критиковал заблуждения политиков и их закулисные игры, сохраняя независимость и выстраивая системную, конструктивную критическую позицию.

Сафи Саид написал множество работ в области истории, международных отношений, а также футурологии. Одно из его последних исследований «Геополитика прогресса – еще одно введение в будущее Большого Магриба» было издано с большой любовью к Родине, гордостью национальной идентичностью, а также неравнодушием к исторической памяти и судьбе своего народа.

Так, рассуждая о главной идее написания труда, посвященного вызовам и перспективам, а также геополитике региона Большого Магриба, Сафи Саид утверждает, что цель исследования прежде всего находится в области непосредственного будущего народа и его судьбы. По его мнению, без ответа на трудные и комплексные вопросы истории, географии и без реконструкции этого геокультурного и геополитического пространства в контексте изменений современности и жестокой реальности невозможно говорить о светлом будущем народа, защите его национальных интересов и идентичности. Сафи Саид стремится внести вклад в трансформацию и изменение сложившихся на протяжении веков полити-

ческих и социальных структур, критикуя их отсталость, самооправдание, устарелость. Вместе с этим он указывает на наличие ряда вызовов, непосредственно угрожающих процветанию и благосостоянию Большого Магриба. При этом будучи убежденным, что их решение и урегулирование проще, чем говорят политики с трибун, он приводит ряд необходимых мер для обеспечения достижения прогресса.

Сафи Саид уделяет большое внимание именно историческому аспекту, в книге он попытался охватить длительный период политической истории Магриба – более семи веков, начавшийся с падения государства Альмохадов и длящийся до сих пор. По его мнению, история – это ключ к созданию будущего. Он убежден, что необходимо возвращаться к истории не для того, чтобы жить в ней, а чтобы изучать и испытывать свои силы в создании новой, в попытке восстановить лучшее из структуры прошлого. В этой связи Сафи Саид изучает историю региона Большого Магриба, начиная с распада государства Альмохадов, что, согласно его точке зрения, можно считать как отправной точкой формирования национальной идентичности, находящейся в эмбриональном периоде, так и началом эпохи региональной раздробленности Магриба. В последующих главах он раскрывает значение и последствия становления фрагментированности региона, говоря о начале борьбы за выживание и доминирование на землях. Подобное соперничество во многом усугубило положение стран во время эпохи Великих географических открытий, когда они оказались разрушенными вследствие ослабления центральной власти, а также губительного экономического кризиса. В частности, это было вызвано потерей Магрибом монополии на транссахарскую торговлю золотом и рабами из-за открытия морских маршрутов в Африку, а также неспособностью ремесла и сельского хозяйства выдерживать конкуренцию европейским товарам. Этот этап заложил основы будущей зависимости Магриба от внешних сил, фрагментации и борьбы за ресурсы – проблемы, которые автор называет «историческими петлями», требующими преодоления через единство и инновации.

Развивая мысль о роли прошлого в построении будущего Большого Магриба, Сафи Саид убежден, что общая история для всех народов, созданная протяженностью земли, смешением рас, едиными укладами жизни, языком и чистым суннитским исламом – непримиримым, борющимся, наполненным духом солидарности и рыцарства, – остается постоянно присутствующим наследием Магриба, которое духовно объединяет народы и может способствовать преодолению разрозненности.

В заключение Сафи Саид приходит к мысли, что история непосредственно влияет на создание будущего и долг каждого жителя Большого Магриба не оставлять ее в прошлом, не пассивно следовать устаревшим шаблонам, а в тесном взаимодействии с ней строить грядущее. Согласно его точке зрения, время Магриба циклично и спирально, современный период повторяет те же ритмы, те же колебания, и существует в том же

социально-политическом пространстве, поэтому жизненно важно обращаться к истории, чтобы преодолеть «исторические петли», трансформируя их в динамическое переосмысление, где прошлое становится инструментом для конструирования геополитической целостности и социально-экономического возрождения.

Сафи Саид является одним из видных представителей арабской и международной левой среды журналистики и политики. В системе его взглядов значительную роль играют идеи и концепции демократии. По его мнению, она является наиболее полезной и мирной политической системой. Сафи Саид пишет, что в современном мире демократия в отличие от той, которую представлял Платон как подобие свободы, несущее анархию, войны и оккупацию, является единственным способом преодоления текущих вызовов и достижения прогресса в регионе Большого Магриба.

Вместе с этим он признает демократический путь необходимым обновлением для народов этого региона, поскольку он реформирует и реорганизует устаревшие политические и социальные структуры. Продолжая размышления о необходимости модернизации, Сафи Саид утверждает, что цивилизации не вымирают, но их нации и народы если не соответствуют изменениям времени и пространства исчезают и становятся просто «кучкой» древней и забытой истории. А их место забирают другие государства и нации, потому что прогресс никогда не останавливается.

Опасаясь подобных последствий и переживая за судьбу региона, Сафи Саид выступает с открытой критикой правящих кругов и правителей. Он убежден, что для элиты Магриба Европа была ярким примером, который рассматривался ими лишь с точки зрения восхищения ее обширными свободами, поразительными технологическими достижениями и верховенством закона. Что же касается демократии, то для этих элит она осталась недостижимой роскошью, отложенной целью, ненужной или неподходящей для Магриба в текущих условиях. В этой связи Сафи Саид задается вопросом: «Сколько времени должно пройти, прежде чем семена демократии дадут всходы в Магрибе, и почва региона станет пригодной для их посадки?». Он приходит к выводу, что ответа на этот вопрос нет, поскольку даже революции, известные как «Арабская весна», прошли, словно тучи, не дав этой земле ничего, кроме пыли и лживых обещаний. Сафи Саид убежден, что для Большого Магриба демократические пути остаются рискованными, пронизанными подозрениями и страхом, управляемыми недемократическими людьми и военно-технологическими олигархиями, далекими от идей достижения демократии.

Продолжая критику политических элит Большого Магриба, он отмечает, что пока долгий путь к демократии все еще находится под контролем генералов и шейхов, демократический процесс остается недостижимым для региона. Попытки установления демократии в странах Магриба, от востока до запада, были не более чем серией политических маневров,

направленных на увековечение монополии на власть и скрытой тирании. Автор приходит к заключению, что пока демократическая система остается недостижимой для правителей региона в ближайшей и среднесрочной перспективе, путь Магриба к демократии, скорее всего, придет в упадок или даже полностью исчезнет. Помимо этого, исследование во многом посвящено проблемам объединения Большого Магриба. Сафи Саид, подробно анализируя исторические, экономические и культурные факторы, выявляет перспективы создания единого социополитического пространства, а также возможности преодоления барьеров на пути к этому. Ученый, обеспокоенный судьбой региона, призывает задаться следующими вопросами: какова участь и место стран Магриба в международном сообществе, состоящем из международных и региональных блоков? Какова судьба государств, действующих по отдельности и не имеющих долгосрочных стратегических планов по интеграции и переосмыслению своей геополитической роли?

Автор утверждает, что в мире крупных политических, экономических блоков и союзов малым государствам с низкой покупательной способностью, низкими доходами, хрупкой экономикой и обширными необитаемыми территориями очень трудно противостоять бурным и запутанным международным изменениям. И как бы ни называлась страна – Алжир, Мавритания, Тунис, Ливия или Марокко, ее будущее не будет лучше прошлого, если она не будет иметь возможности для самодостаточности, конкуренции или присутствия на крупных международных рынках. Сафи Саид убежден, что подобное может быть достигнуто исключительно путем широкой интеграции стран и создания регионального объединения с целью противостояния глобальным вызовам и помощи друг другу.

Вместе с этим исторический опыт показывает, что до настоящего момента было не что иное, как огромное количество разбитых надежд, разочарований и неудач создания национальных образований. Так, Сафи Саид пишет, что Танжерская конференция, состоявшаяся в 1958 г. с участием национально-освободительных движений, обещала построить Великий Магриб сразу после обретения независимости. Это был важный первый шаг на этом тернистом пути, но формально достигнутая независимость лишь породила новые разногласия и препятствия. Через несколько лет после Танжерской конференции по региону прокатились военные перевороты, гражданские войны (например, в Ливии) и рост исламистских движений, вызвав то, что Сафи Саид называет воспалительной желтой лихорадкой, имея в виду политические и социальные потрясения, которые обрушились на регион после деколонизации. Среди основных событий, способствовавших раздробленности Большого Магриба, автор выделяет «Песчаную войну» между Алжиром и Марокко. Конфликт был неизбежен по своей сути, поскольку Алжир выбрал социалистический путь развития государства, в то время как проведение такой политики противоречило

государственным основам независимого Марокко, выбравшего прозападный курс, так же, как и интересам его союзников Франции и США.

Противоречия между странами не утихли даже после формального завершения «Песчаной войны». На региональном уровне конфликт положил начало многолетней напряженности вокруг урегулирования вопроса Западной Сахары, который остается нерешенным по сей день: Алжир поддерживает фронт ПОЛИСАРИО, выступающий за право сахарского народа на референдум о самоопределении, тогда как Марокко продолжает отстаивать территориальные претензии, вдохновленные доктриной партии «Истикляль» о создании «Великого Марокко». Из-за нерешенности этих проблем блокируется деятельность Союза Арабского Магриба (САМ), включающего Алжир, Марокко, Тунис, Ливию и Мавританию, интеграционного объединения, созданного для решения проблем региональной безопасности, экономической интеграции, выработки взвешенных политических решений, а также создания зоны свободной торговли и свободного рынка.

По мнению Сафи Саида, еще одним фактором, способствующим фрагментации Большого Магриба, являются убеждения о его множественности. Эти идеи берут свое начало с трехстороннего разделения, принятого в эпоху после Альмохадов (Бану Марин в Дальнем Магрибе, Бану Абд аль-Вад в Центральном Магрибе и Бану Хафс в Нижнем Магрибе), которое впоследствии было воспроизведено французским колониализмом. В частности, борьба с иностранной оккупацией происходила разрозненно, а затем государства обретали свою независимость по отдельности. Отсюда, согласно точке зрения исследователя, дискурс единого, объединенного Магриба без границ перешел в плоскость множественного Магриба, состоящего из нескольких небольших, слабых и разобщенных государств.

Рассуждая о концепции единства Большого Магриба, Сафи Саид приходит к выводу, что ничто так не унижает идею о консолидации государств, как посягательство на ее святость. По его мнению, сегодня многие магрибинцы и элиты видят в этой идее угрозу, полагая, что ее реализация может вызвать опасения за рубежом и спровоцировать ответные меры, способные подорвать их исторически сложившееся геополитическое положение. Подобные необоснованные убеждения, с точки зрения автора, являются плодом ложного ограниченного сознания и пережитком прошлого, поскольку современные реалии глобализации и региональной конкуренции диктуют необходимость единства как жизненно важного условия сохранения суверенитета и влияния в мире, где доминируют крупные блоки. Если бы магрибинцы, т.е. нынешние режимы и правящие элиты, поняли, что их союз крайне необходим для обеспечения благополучного будущего последующих поколений, они бы поспешили завершить то, что откладывали.

Однако Сафи Саид не стремится к их осуждению, напротив он объясняет причину такого отношения, вызванного, согласно его мнению,

чистым бедуинским духом, смешанным, с рыцарством, который заставляет магрибинцев каждый раз предпочитать изоляцию благополучию и выбрать отсталость перед потерей свобод.

Сафи Саид также уделяет большое внимание влиянию эпохи колониализма на геополитическое положение Большого Магриба. Он утверждает, что европейская экспансия прервала естественное историческое развитие Большого Магриба, оккупация создала насильственный разрыв в органическом процессе становления региона, сделав из него, как говорит исследователь, инвалида. Это искаженное развитие породило структурный кризис, циклично повторяющийся на протяжении веков, в результате чего состояние упадка стало отличительной чертой народов Великого Магриба. Продолжая размышления о колониальной эпохе, Сафи Саид утверждает, что Европа проводила политику насильственной географии, что привело к созданию искусственных границ, разделяющих единый регион на слабые, конфликтующие «хрупкие национальные образования».

Отдельно исследователь затрагивает труды колониальных историков, которые, по его мнению, изображали Магриб пассивным участником исторических процессов и глобальной политики, игнорируя его активную роль. Вместе с этим Сафи Саид критикует их за фальсификацию и мифотворчество, утверждая, что историю Магриба писали не профессионалы, а чиновники, притворяющиеся учеными, или военные, прикидывающиеся интеллектуалами.

Тем не менее автор выявляет двойственность последствий колониализма. Так, он утверждает, что хотя оккупация территорий Большого Магриба была нацелена на уничтожение социальной структуры, она лишь пробудила свободный дух и стремление к независимости, а ее попытки стереть культуру и религию разбудили в народе национальное чувство, вдохновляющее бороться за светлое будущее Большого Магриба и отстаивать право на участие в построении мирового пространства.

Наконец, в заключение Сафи Саид призывает войти в новую эпоху – эпоху будущего, основанную на принципиально новой геополитической модели, способной реагировать на быстрые и неотложные изменения в мире, при этом органически сочетаясь с великим духом истории Большого Магриба.

Список источников и литературы

1. Safi S. The Geopolitics of Progress – Another Introduction to the Future of the Greater Maghreb. – Sotumedia Éditions, 2024. – 672 p.

**БЛИЖНИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ
ВОСТОК**

№ 4 (12) – 2025

Научный журнал

Техническое редактирование
и компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор Л.Н. Казиминова

Подписано к печати 06/III-2026 г. Формат 70×100/16
Усл. печ. л. 14,2 Уч.-изд. л. 11,0
Тираж 800 экз.
Заказ №

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**

Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий

Тел.: +7 (499) 124-32-15
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6